

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

ISSN 2078-9025

№ 4 (29) декабрь 2015

Серия «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально.
ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

БЕЗЗУБКО Лариса Владимировна, д-р наук по государственному управлению, профессор (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, Украина)

ВАЛЕЕВ Хайдар Арсланович, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент (Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан)

ГАЙДУК Вадим Витальевич, д-р полит. наук, канд. юрид. наук (Башкирский государственный университет)

ЗУЛЬКАРНАЙ Ильдар Узбекинович, д-р экон. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амирханович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КЕРИМОВ Александр Джангирович, д-р юрид. наук, профессор (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

КУРМАНОВ Альберт Сафатович, д-р юрид. наук (Башкирский институт социальных технологий)

ЛЯНЧЕ (ЛЕБЕДЕВА) Маргарита Леонидовна, д-р полит. наук, профессор (Научно-исследовательский институт проектного менеджмента и инвестиций, Ганновер, Германия)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАЛЫХ Ольга Евгеньевна, д-р экон. наук, профессор (Башкирский институт социальных технологий)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный университет экономики и сервиса)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации)

СМЕТАНИНА Ольга Николаевна, д-р техн. наук (Уфимский государственный авиационный технический университет)

САМИРХАНОВ Амирхан Миркадамович (Федерация профсоюзов Республики Башкортостан)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ТЮРИН Сергей Борисович, д-р экон. наук, профессор (Ярославский филиал Академии труда и социальных отношений)

ШАЯХМЕТОВ Ульфат Шайхизаманович, д-р техн. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БАСКАКОВ Алексей Тихонович, канд. филос. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович, канд. юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

НИЗАМУТДИНОВА Роксана Ильдаровна, канд. техн. наук (Башкирский институт социальных технологий)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич, канд. полит. наук, доцент кафедры философии и политологии (Башкирский государственный университет)

ХОРОШАВЦЕВА Ольга Петровна, канд. культурол. (Башкирский институт социальных технологий)

Адрес редакции: 450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

VESTNIK BIST

(Bashkir Institute of Social Technologies)

Founder:

Educational Institution
of Trade Unions
of higher education,
"Academy of Labour
and Social Relations"

ISSN 2078-9025

№ 4 (29) December 2015

«SOCIAL SCIENCES»

Scientific journal

Published since 2009. Published every three months.
ПИ № ФС77-34653 dated 2nd December, 2008

Journal Editors

Chairperson

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Doctor of Political Science, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Deputy chairperson

VELTS Rakhil Yakovlevna, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

Members of the Editorial Board:

BEZZUBKO Larisa Vladimirovna, Doctor of Public Administration, Professor (Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture, Ukraine)

VALEEV Haidar Arslanovich, Doctor of Political Science, Candidate of Juridical Sciences, (Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan)

GAIDUK Vadim Vitalyevich, Doctor of Political Science, Candidate of Juridical Sciences (Bashkir State University)

ZULKARNAY Ildar Uzbekovich, Doctor of Economics, Professor (Ufa State University of Economics and Service)

ISMAGILOV Nail Amirkhanovich, Doctor of Economics (Bashkir Institute of Social Technologies)

KERIMOV Aleksandr Dzhangirovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Plekhanov Russian University of Economics)

KURMANOV Albert Safuatovich, Doctor of Juridical Sciences (Bashkir Institute of Social Technologies)

LYANCHYE (Lebedeva) Margarita Leonidovna, Assistant Professor, Candidate of Political Science, Academic Board Chairperson for FPMI, the Head of the Politology and Law Department (Research and Development Institute for Project Management and Investments, Hannover, Germany)

MALIKOV Boris Zufarovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ufa Institute of Law of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation)

MALYKH Olga Yevgenyevna, Doctor of Economics, Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

MATVEYEVA Lyubov Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ufa State University of Economics and Service)

MEDVEDEV Nikolay Pavlovich, Doctor of Political Science, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

MIKHAYLOVA Natalia Vyacheslavovna, Doctor of Political Science (Peoples' Friendship University of Russia)

MURATSHIN Flarit Rashitovich, Doctor of Juridical Sciences, Assistant Professor (Bashkir Institute of Social Technologies)

RAHMATULLINA Zugura Yaganurovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (State Duma of the Federal Assembly of Russian Federation)

SMETANINA Olga Nikolaevna, Doctor of Technical Science (Ufa State Aviation Technical University)

SAMIRKHA NOV Amirkhan Mirkadamovich, Chairperson of the Federation of Trade Unions in the Republic Bashkortostan

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow Institute of Road Traffic)

TURIN Sergey Borisovich, Doctor of Economics, Professor (the Academy of Labour and Social Relations Branch in Yaroslavl)

SHAYAKHMETOV Ulfat Shaykhizamanovich, Doctor of Technical Science, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

Editorial Board

Senior Editor

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

Members Of Editorial Board

BASKAKOV Aleksey Tikhonovich, Candidate of Philosophical Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

BOCHAROVA Tatiana Yevgenyevna (Executive Secretary)

BISTROV Aleksandr Ilyich, Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

GALIEVA Gulnaz Fizatovna, Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

KUZNETSOV Igor Aleksandrovich, Candidate of Juridical Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

NIZAMUTDINOVA Roksana Ildarovna, Candidate of Technical Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

SULEYMANOV Artur Ramilevich, Candidate of Political Science (The Bashkir Institute of Social Technologies)

KHOROSHAVZEVA Olga Petrovna, Candidate of Culturological Sciences, (The Bashkir Institute of Social Technologies)

Our address: 74/2 Prospekt Oktyabrya, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	7
Манойло А.В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике	7
Нигматуллина Т.А. Гражданское просвещение молодежи как одна из моделей устойчивого развития мира	20
Гайдук В.В. Политический имиджмейкинг как новый политический институт.....	26
Ольшевский В.Г. Социально-гуманитарная картина мира: методологические и мировоззренческие аспекты военной сферы и военной деятельности	30
Халанский И.В. Основные аспекты киргизско-российских отношений на современном этапе	38
Головко Ю.М. Социальные лифты и рекрутирование молодежных политических элит	44
Шайхутдинова А.А. Политический дискурс о гражданском обществе: коммуникации и модернизация.....	48
Бутчанин А.М. Федеративное устройство России и вхождение Крыма: вопросы легитимности	53
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ.....	59
Зулькарнай И.У. Проблемы развития лесного хозяйства в Республике Башкортостан в контексте общероссийских проблем отрасли	59
Ларцева С.А. Условия формирования личных подсобных хозяйств в России.....	65
Смотрова И.А., Рубан Д.А. Туристический образ Республики Адыгея в электронном пространстве и перспективы его оптимизации	68
Калимуллина Э.Р., Исмагилова Т.В. Финансы регионов и их влияние на социальную политику государства	75

Шестакович А.Г., Ишмухаметов Н.С.

Вопросы инновационного предпринимательства
и сырьевой направленности России 78

Беззубко Б.И.

Создание социального механизма стратегического планирования
социально-экономического развития территорий 81

Кожина Т.П.

Некоммерческие организации в российском регионе
(на примере Вологодской области) 85

Альмухаметова А.Р.

Внутренняя трудовая миграция
как инструмент развития мобильности трудовых ресурсов 94

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ 97

Вельц Р.Я.

Коммуникативная культура как инструмент социализации
и профессионального становления личности 97

Ислакаева Г.Р.

Проблемы подготовки кадров в сфере высшего образования
для лесного хозяйства России. 104

Ахметова З.М., Быстров А.И., Романко В.Г.

Методика трехуровневого тестирования 109

ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТАРИИ 116

Терновая Л.О.

Изучение геополитических реалий посредством методов генеалогии 116

Соегов М.

О «Народном исламе», сформировавшемся у туркмен в раннем Средневековье
под влиянием древнего тенгрианства, и его современное состояние 127

Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А., Абдрафикова Л.В.

Анархизм и конвенционализм (Часть II) 133

Бреслер М.Г.

Трансформация социально-политической коммуникации
в начале XXI века: социально-философский анализ 140

Ангели С.С.

Основа нейминга в современном маркетинге 145

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ БИСТ 148

CONTENTS 154

CONTENTS

NATIONAL INTERESTS AND ETHNOPOLITICAL PROCESSES UNDER GLOBALIZATION	7
Manoylo A.V. Hybrid war and colour revolutions in world politics	7
Nigmatullina T.A. Civil education of youth as one of the model of sustainable world development	20
Gaiduk V.V. Political image-makig as a new political tool	26
Olshevsky V.G. Social and humanitarian worldview: methodological and worldview aspects of military sector and military activity	30
Khalansky I.V. The main aspects of kyrgyz and russian relations at the present stage	38
Golovko Y.M. Means of social mobility and the recruitment of youth political elite	44
Shaykhutdinova A.A. Political discourse on civil society: communication and modernization	48
Butchanin A.M. Federal structure of Russia and integration of the Crimea: legitimacy issues	53
SOCIAL AND ECONOMIC COUNTRY DEVELOPMENT	59
Zulkarnay I.U. Problems of forestry development in the Republic of Bashkortostan in the context of all-russia problems in this industry	59
Lartseva S.A. Conditions of personal subsidiary plot formation in Russia	65
Smotrova I.A., Ruban D.A. Tourism image of the Republic of Adygea in the e-space and perspectives of its optimization	68
Kalimullina E.R., Ismagilova T.V. Regional finances and their influence on the government social policy	75

Shestakovitch A.G., Ishmukhametov N.S.

Problems of innovative entrepreneurship
and russia's dependence on natural resources 78

Bezzubko B.I.

Creating social mechanisms for strategic planning
of socio-economic development of territories 81

Kozhina T.P.

Nonprofit organizations in a russian region
(using the example of the Vologda region) 85

Almikhmetova A.R.

Internal labour migration
as instrument of labour force mobility development 94

THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION: FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE 97

Velts R.Y.

Culture of communication as an instrument of socialization
and professional personality development 97

Islakaeva G.R.

The issues of the personnel training for the higher education
in russian forest management 104

Akhmetova Z.M., Bystrov A.I., Romanko V.G.

Three-level testing method 109

IDEOLOGIES AND POLITICAL INSTRUMENTARIUM 116

Ternovaya L.O.

Study of geopolitics by the methods of genealogy 116

Soyegov M.

On "Public islam" developed among turkmen in the early Middle ages
under the influence of ancient tengriism and its modern state 127

Suleymanov T.F., Kashapov U.A., Abdrafikova L.V.

Anarchism and conventionalism (Part II) 133

Bresler M.G.

Transformation of the social and political communication
in the beginning of the XXI century: social and philosophical analisys 140

Angeli S.S.

The basis of brand naming in modern marketing 145

SOCIAL PROJECTS OF BIST 148

CONTENTS 154

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

УДК 327

МАНОЙЛО Андрей Викторович,
доктор политических наук, профессор
факультета политологии Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова
e-mail: 9315891@gmail.com

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ И ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Настоящая статья посвящена определению роли гибридных войн и цветных революций в современной политике. Гибридные войны рассматриваются как новая форма вооруженного противостояния, в котором применение собственно вооруженной силы уже не является обязательным условием достижения победы над противником: «жесткая сила» в гибридной войне применяется в сочетании с невоенными методами воздействия на противника — операциями информационно-психологической войны, технологиями мягкой и умной силы, методами экономического давления, изоляции и блокады, инструментами традиционной дипломатии. Цветные революции рассматриваются в статье как технологии организации государственных переворотов с помощью акций массового гражданского неповиновения, перерастающих в управляемый народный бунт. Установлено, что цветные революции не могут быть элементами гибридных войн, это разные, несочетаемые между собой форматы воздействия на противника. Однако именно цветные революции, демонтируя политические режимы, создают условия для инициации внешней агрессии, которая затем принимает форму гибридной войны. В статье также уделяется внимание современным технологиям «управляемого хаоса», которые выполняют в цветных революциях сервисные функции.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, дипломатия, конфликты, цветные революции, гибридные войны, информационная война, управляемый хаос, национальные интересы, ценности, безопасность.

1. Гибридная война и цветная революция: к вопросу о соотношении понятий

В современном мире тематика гибридных войн и цветных революций продолжает набирать все большую популярность. Это не случайно: мировая цивилизация на современном этапе своего развития столкнулась с принципиально новыми инструментами формирования новой политической реальности, чрезвычайно эффективными в условиях кризиса однополяр-

ного мира, но вместе с тем представляющими исключительную опасность для современных наций-государств. Эта опасность исходит из понимания того, что гибридные войны и цветные революции — явления сравнительно новые, с них только недавно сняли «кавычки», и для этих явлений, способных потрясать и разрушить сами основы современного общества, еще не выработано сбалансированных противовесов, противоядий, сдерживающих меха-

низмов, ограничительных норм международного права. В военно-политическом плане «понятие «гибридная война» может объединять широкий диапазон действий, осуществляемых противником с использованием военных и иррегулярных формирований с одновременным привлечением гражданских компонентов» [1], а понятие «цветная революция» включать в себя целый сценарий государственного переворота и демонтажа политического режима, успешно маскирующийся под народный бунт. Кроме того, сегодня технологиями гибридных войн и технологиями цветных революций практически на праве монополии владеют Соединенные Штаты, которым даже сами термины «гибридная война» и «цветная революция» обязаны своим происхождением, и любое государство, отстаивающее свое суверенное право на проведение независимой внешней политики, тем самым, рискует стать мишенью для применения этих инструментов и технологий.

Сегодня, когда говорят о гибридных войнах и цветных революциях, довольно часто смешивают и путают эти понятия. Более того, после появления в широком научном дискурсе термина «гибридная война» появилась тенденция объединить все известные формы, методы и технологии вооруженной борьбы под одним «зонтичным» брендом — понятием гибридной войны, являющейся своеобразной надстройкой над появившимися ранее в научном дискурсе и потому значительно более изученными традиционными, информационными, психологическими, сетевыми, сетецентричными, прокси-войнами и цветными революциями (войнами не являющимися). Это тоже не случайно: между гибридными войнами и цветными революциями, помимо принципиальных различий, существует много общего: оба этих явления рассматриваются как на феноменологическом (как явление), так и на технологическом уровне (как технология и инструмент политического воздействия); оба явления еще недавно встречались исключительно в кавычках, что говорит о том, что не было еще выработано специальной терминологии, точно описывающей эти явления и принадлежащей только им; наконец, оба этих понятия даются синтетическими конструкциями, базирующимися на известных по-

нятиях «война» и «революция» с уточняющими прилагательными, меняющими их смысл.

Действительно, гибридная война по своей сути находится ближе всего к понятию «война», а цветные революции, являющиеся технологиями организации государственных переворотов, успешно маскируются под революции истинные. Вместе с тем, сам факт наличия прилагательных ставит под сомнение корректность отнесения гибридных войн к войнам и цветных революций — к революциям: понятия «война» и «революция» не нуждаются в уточнениях (также как настоящая демократия не может быть суверенной); строго говоря, гибридные войны — это не совсем войны, хотя и имеют с известными нам войнами много общего, а цветные революции — не совсем революции, больше того — совсем не революции. Тем не менее, также как и в случае с определением «информационная война». Мы вынуждены пользоваться этим приемом, описывая новые явления через сравнения и аналогии с теми явлениями, событиями и процессами, смысл которых для нас предельно ясен. Так новая терминология рождается на прочном фундаменте аксиоматики политической науки, которая принята всем экспертным сообществом и которую никто не ставит под сомнение. Этот подход, помимо всего прочего, имеет еще и объективный характер: современный мир меняется с такой скоростью, динамика этих изменений настолько высока, что ежегодно возникают новые явления, не имеющие прямых аналогов в мировой истории, которые требуют своего определения и описания. Мир развивается быстрее, чем понятийный аппарат, способный описать эти изменения.

Тем не менее, необходимо признать, что при всей эклектичности и публицистичности термины «гибридные войны» и «цветные революции» описывают объективные, реально существующие явления, и эти явления все больше распространяются в современном мире, оказывая заметное влияние на мировой политический процесс, политическую динамику и на трансформацию системы международных отношений. Наличие в их названии терминов «война» и «революция» указывают на их высокую социальную опасность, играя сигнальную функцию, и эта оценка их опасности правиль-

на. При этом не могу разделить мнение тех ученых, которые при этом стремятся нивелировать значение этих новых явлений, утверждая, что гибридные войны существовали в истории человечества всегда, любая война является по своей сути гибридной: я убежден, что качественный эволюционный скачок и гибридные войны, и цветные революции совершили сравнительно недавно — в конце XX в., или даже позже, а их схожесть с войнами и «бархатными революциями» прошлого говорит, в первую очередь, о том, что ни одно принципиально новое явление не возникает в вакууме, оно всегда является результатом эволюционного процесса и всегда базируется на более ранних и более примитивных формах. Эти формы передают часть своих отличительных черт и технологических решений новым явлениям, но именно появление новых явлений способно преодолеть технологический, военно-стратегический, цивилизационный барьеры, которые прежние формы преодолеть не в состоянии. Так происходит фазовый переход от одной политической реальности к другой, с одного витка эволюции к другому, более высокому, от набора аминокислот в первичном «бульоне» к первым формам белковой жизни. Так и в случае с гибридными войнами: по своему содержанию гибридные войны — это качественно новое понятие, более широкое, чем просто совокупность современных форм и методов вооруженной борьбы в традиционной, информационной, экономической и других сферах. То же самое можно сказать и о цветных революциях после событий «Арабской весны», кризиса 2013–2015 гг. в Украине и «зонтичной революции» в Гонконге.

2. Точки сопряжения гибридных войн и цветных революций

Для того чтобы точно определить, как именно соотносятся между собой гибридные войны и цветные революции, необходимо сопоставить их между собой, выявить сходства и различия, связи, объединяющие их в тех событиях, где они находят свое проявление. Прежде всего, необходимо определиться с тем, что же такое гибридные войны, поскольку на этот счет существует масса различных мнений, зачастую противоречащих друг другу. Точного и одно-

значного определения гибридным войнам нет, известно лишь, что впервые этот термин был брошен в оборот американскими фабриками мысли, такими как RANDCorp., Стэнфордский университет и др. Гибридные войны предполагают комбинированное использование стратегий, характерных для различных видов современных войн — традиционной, информационной, идеологической, экономической, для нанесения ему военного поражения, для поражения сил и средств противника, достижения над ним военно-стратегического превосходства и силового принуждения к миру на условиях победителя. При этом гибридные войны могут вестись как в традиционной форме (предполагающей наличие линии фронта, тылов различной глубины и действия регулярной армии), так и в сетцентрической, где линия фронта отсутствует в принципе. В гибридной войне именно информационные операции (операции информационной войны) могут иметь решающее значение для принуждения противника к капитуляции, а боевые операции вооруженных сил могут играть сервисную роль, обеспечивая организаторов информационных войн пиар-материалом, необходимым для информационных атак на сознание и подсознание противника в целях как нанесения ему прямого урона (информационным оружием), так и с целью скрытого управления его сознанием и поведением. Именно такую картину мы наблюдали во время второй войны в Ираке, где боевые действия американских войск являлись конвейером для производства пиар-новостей и «мыльных опер» про войну, в операциях в Афганистане, Ливии, Сирии и теперь — в определенной мере — в гражданской войне в Украине. В гибридных войнах достигается не просто эффект сочетания различных видов и форм противоборства, напротив, различные формы и методы ведения войны гибридируют традиционные концепции вооруженной борьбы, прививают их от новых вызовов и угроз, обеспечивают эффект глубокой взаимной интеграции и симбиоза различных поражающих факторов и технологий. При этом целью гибридной войны по-прежнему остается классическая цель войны традиционной — военное поражение, уничтожение и капитуляция противника. Это важно понимать, потому что в противном слу-

чае понятие гибридных войн быстро размывается и приобретает спекулятивную окраску.

В этом и заключается основное отличие гибридной войны от цветной революции: в отличие от гибридной войны, главной и единственной целью цветной революции является организация государственного переворота, и ничто иное. Цветные революции — это технологии государственных переворотов в условиях искусственно созданной нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а инструментом шантажа выступает молодежное протестное движение, организованное по специальной сетевой схеме. Цель цветных революций — государственный переворот, после его успешного осуществления цветная революция заканчивается. На практике цветные революции довольно часто перерастают в вооруженные мятежи или сочетаются с военной интервенцией, но применение военной силы в цветных революциях — скорее исключение, чем правило, для технологов «цветников» это мера вынужденная. Но цветные революции, являясь технологиями демонтажа политических режимов, создают условия для вмешательства других государств во внутренние дела страны, ставшей жертвой цветной революции, для военной интервенции, военных мятежей, гражданских войн. В этом плане последствия цветных революций могут быть не менее катастрофичными, чем сама цветная революция. Это мы хорошо видим на примере гражданской войны в Украине.

Таким образом, все же наличие существенных отличий не позволяет полностью объединять современные гибридные войны, ставшие новой формой и содержанием современных вооруженных конфликтов, и цветные революции, ставшие инструментами организации государственных переворотов и принудительного демонтажа политических режимов. Гибридная война — это последовательность боевых операций, цветная революция — это технология. Это не позволяет рассматривать цветную революцию в качестве одной из фаз гибридной войны, хотя технологии цветных революций могут использоваться в гибридных войнах, в строгом соответствии с их собственными целями и задачами (целями и задачами гибридных

войн). Вместе с тем, все же есть кое-что, что их объединяет: цветные революции довольно часто становятся прелюдией для гибридной войны, формируя условия, необходимые для перевода конфликта в военную фазу; примером этого может служить нынешняя Украина. При этом часто реализуется следующая цепочка: цветная революция (инцидент-протест-майдан) — вооруженный мятеж — гражданская война — гибридная война. Цветная революция при этом играет роль спускового механизма гибридной войны, а ее технологии могут использоваться организаторами гибридных войн в целях провоцирования вооруженного конфликта, дальнейшее течение которого будет проходить в гибридной форме.

3. Цветные революции как инструменты демонтажа политических режимов

Проблемы демонтажа современных политических режимов и связанная с ними проблематика цветных революций в современных условиях приобретают чрезвычайную остроту и актуальность. Связано это не только с тем, что события в Украине при детальном рассмотрении в точности повторяют сценарий цветных революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке, получивших название «Арабской весны», в частности — революции в Египте, что указывает на неслучайность данных событий. Причина в том, что на смену традиционным, привычным для мирового сообщества инструментам демонтажа приходит новое поколение более тонких инструментов, сочетающих силовые методы воздействия с технологиями манипулятивного управления массовым сознанием и массовым поведением широких масс гражданского населения.

В мировой истории проблемы, связанные с демонтажем политических режимов, возникали всегда. Но прежде инструментами этого демонтажа выступали в основном силовые методы в их классическом понимании, применявшиеся в ходе вооруженных переворотов, локальных вооруженных конфликтов, гражданских войн и военных интервенций. И мировое сообщество сумело выработать действенные методы противодействия этой угрозе и создать эффективные механизмы политического регулирования этих процессов, в том чис-

ле на международном уровне: кто бы и как бы ни критиковал ООН, эта организация действует, и ее потенциал и возможности по управлению политической стабильностью и урегулированию международных конфликтов даже в условиях распада Вестфальской системы далеко не исчерпаны. Острота проблемы, связанная с угрозой вооруженных переворотов в различных странах мира, не перестает быть актуальной и не снимается с повестки дня, но в целом для мирового сообщества эта категория угроз является знакомой, и мировое сообщество знает, как на нее реагировать.

Вместе с тем, мир меняется, и на смену технологиям вооруженных переворотов приходят более тонкие технологии цветных революций, которые умело маскируются под истинные революционные движения и практически не встречают сопротивления со стороны как стран с вполне уже сложившейся демократией, так и государств восточного типа, сохранивших традиционный жизненный уклад. Повторение сценария цветных революций в Украине вызывает обоснованную тревогу, поскольку возникает и крепнет уверенность в том, что Украина — далеко не конечный пункт этого сценария, а разменная карта в той геополитической игре, в которой главный удар американских режиссеров цветных революций может быть направлен на Россию, Китай и Казахстан.

Причины возросшего внимания к цветным революциям кроются в том, что в течение последних трех лет в целом ряде государств, с вполне устойчивыми политическими режимами, произошли государственные перевороты, приведшие к полному или частичному демонтажу политических режимов, долгие годы успешно сопротивлявшихся внешним и внутренним врагам: так, египетский, тунисский, сирийский и ливийский режимы успешно противостояли исламизму. При этом в сценариях смены политических режимов в этих странах наблюдается поразительное сходство, в котором можно усмотреть многократное повторение одного и того же шаблона или организационной схемы, в которой угадываются общие черты так называемых бархатных революций, уничтоживших коммунистические режимы в странах восточной Европы после распада СССР.

Такое совпадение вряд ли можно назвать случайным, поскольку вероятность точного совпадения сценариев смены политических режимов в странах, заметно различающихся и по уровню политической организации власти, и по уровню социально-экономического развития, и по спектру нерешенных проблем, сравнительно (если не сказать ничтожно) мала. В этом плане Сирия и Ливия кардинально отличаются от Украины и Грузии, однако, несложно отметить, что революция 2014 года в Украине (получившая название евромайдана) в точности совпадает со сценарием революции Арабской весны в Египте, вплоть до стиля поведения противоборствующих сторон.

Все это может свидетельствовать о том, что на примере различных стран и регионов мы имеем дело с одним и тем же явлением — результатом применения технологий цветных революций. Однако, несмотря на яркое брендовое название, ничего революционного в них нет. Даже западные СМИ сегодня отмечают, что цветные революции, которые они называют технологиями проведения операций по экспорту демократии через акции гражданского неповиновения, настолько отточены, что их методы превратились в руководство по смене политических режимов.

Цветные революции — это технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения.

Несмотря на существенные различия государств, в которых они вспыхивают, между собой (в геополитическом, социальном, экономическом плане и международном положении), все они укладываются в одну и ту же организационную схему, предполагающую организацию по шаблону молодежного протестного движения, преобразования его в политическую толпу и использование этой силы против действующей власти в качестве инструмента политического шантажа. Это прямо указывает на то, что цветные революции, в принципе, не

могут быть реализацией объективных надежд и стремлений большинства населения.

Цель любой цветной революции — осуществление государственного переворота, то есть захват и удержание власти насильственным путем.

Объектом цветной революции выступают власть и властные отношения, предметом — политический режим.

У цветных революций есть необходимое и достаточное условия их успешной реализации.

Необходимое условие осуществления цветной революции — наличие политической нестабильности в стране, сопровождающейся кризисом действующей власти. Если политическая ситуация в стране стабильна, ее нужно искусственно дестабилизировать.

Достаточное условие — наличие специально организованного (по особой сетевой форме) молодежного протестного движения.

Отличительные черты цветных революций:

- в цветных революциях воздействие на власть осуществляется в особой форме — форме политического шантажа.

- основным инструментом воздействия на власть выступает молодежное протестное движение.

Цветные революции только внешне напоминают настоящие революционные движения — в отличие от революций настоящих, вызванных объективным развитием исторического процесса, цветные революции — это технологии, успешно маскирующиеся под стихийные процессы. Они отличаются почти театральным уровнем драматургии, который западные политологи старательно пытаются выдать за самопроизвольное и стихийное проявление воли народа, внезапно решившего вернуть себе право управлять собственной страной.

В основе технологического сценария цветной революции лежит англосаксонская (североамериканская) идеология демократизации, предполагающая экспорт демократии, демократических институтов и ценностей в сопредельные страны. Технологии цветных революций на практике умеют применять только их авторы и разработчики — англосаксы. В любой стране, где начала разворачиваться цвет-

ная революция, следует искать североамериканский след.

В основе объяснения причин цветных революций лежат две версии: версия о стихийности и версия об инсценированности цветных революций (о случайности и неслучайности). Обе версии имеют право на существование и не являются бесспорными. Вместе с тем, у каждой цветной революции есть свои признаки, которые выдают в ней технологию.

Во-первых, это особый внешнеполитический почерк англосаксов, их отличительный стиль работы.

Во-вторых, это строгое соответствие плана любой революции базовому шаблону — все цветные революции развиваются по одному и тому же сценарию, использующего одну шаблонную схему.

В-третьих, это то, каким образом организуется и как используется молодежное протестное движение, которым управляют с помощью технологий рефлексивного управления (которые также являются американским изобретением).

В-четвертых, есть определенные повторяющиеся особенности в подборе и выдвижении революционных лидеров.

В-пятых, в некоторых цветных революциях начисто отсутствует революционная идеология, что позволяет распознать в них подделку. Связано это с тем, что американцы — авторы цветных революций — не всегда понимают менталитет и психологию народа, которым они хотят принести «ценности истинной демократии», и не могут предложить им идеологию, которая будет органично принята всеми слоями общества.

Цветные революции используют фактор военной силы как сервисную функцию, к которой их сценаристы и технологи прибегают в случае крайней необходимости, ее использование носит скорее вынужденный и побочный характер. Вместе с тем, современные цветные революции действительно создают условия и поводы для последующей военной интервенции.

Модель цветной революции состоит из пяти основных этапов:

1. Любая цветная революция начинается с формирования в стране организованного протестного движения — основной движущей силы будущей цветной революции.

На первоначальном этапе, до открытого выступления, протестное движение формируется в виде сети, состоящей из конспиративных ячеек, каждая из которых состоит из лидера и трех-четырех состоящих у него на связи активистов. Такие сети объединяют тысячи активистов, составляющих ядро будущего протестного движения. Многие из них перед тем, как стать лидерами ячеек, проходят обучение в специальных центрах, специализирующихся на вопросах содействия демократизации.

Рекрутируют активистов из молодежной среды, чрезвычайно подвижной и легко увлекаемой различными яркими призывами и лозунгами. Сетевой принцип организации протестного движения напоминает принцип организации глобальных террористических сетей — по сути, это одна организационная технология.

2. Из подполья эта сеть выходит на улицы крупных городов одновременно и по условному сигналу, который носит название инцидента. Таким инцидентом может стать любое событие, шокирующее общество и получившее мощный общественный резонанс. Как правило, его инициируют специально. Очень важно, чтобы инцидент привлек внимание всего общества и стал предметом широкого обсуждения, интерпретации, нарастания всеобщего возбуждения и инициирования стихийных форм массового поведения.

3. После того, как инцидент произошел, протестная сеть выходит из подполья на улицы, где группы активистов из ячеек становятся катализатором стихийных массовых процессов, вовлекающих в этот процесс все большие слои населения. Включаются механизмы конфликтной мобилизации, одним из которых являются «твиттерные революции».

Ячейки начинают быстро обрастать гражданами, вовлекаемыми в стихийное протестное движение, принять участие в котором их толкает в основном страх за свое будущее. Общая тревожность настроений ведет к тому, что сознание людей переходит в так называемое пограничное состояние и становится подверженным массовым паническим реакциям, всеобщей истерии, часто проявляющихся на уровне рефлексов и инстинктов. С этого момента остается только один шаг от превра-

щения протестных масс из сообщества протестующих в толпу.

4. Следующий шаг в схеме цветной революции — формирование политической толпы. Для этого выбирается достаточно большая площадь (майдан), где могли бы разместиться значительные массы народа.

Активисты ведут свой протестный электорат на такой майдан, где в ходе многочасового митинга происходит полное слияние участников в единую массу — толпу. Происходит эмоциональное слияние отдельных личностей с толпой, в которой для идентификации свой-чужой начинает использоваться яркая «революционная» опознавательная символика.

В этих условиях на толпу воздействуют с помощью технологий воздействия на подсознание, внедряя новые ценности и императивы, перепрограммируя человека. Именно такие технологии применяются в протестантских тоталитарных сектах.

Создаются условия для поддержания устойчивого существования и функционирования толпы — материальное обеспечение, палатки, горячее питание, одежда, деньги активистам, средства нападения (арматура, ...) и т. д. Действует хорошо организованная «служба тыла».

5. От имени толпы к власти выдвигаются ультимативные требования, под угрозой массовых беспорядков и — реже — физического уничтожения. В том случае, если власть не выдерживает этого напора, стихия ее сметает. Если власть принимает вызов и выражает готовность сопротивляться, толпа становится основным таранным фактором удара, который наносят по власти авторы цветной революции. В дальнейшем такая революция неизбежно перерастает в мятеж, а в некоторых случаях — в гражданскую войну, сопровождающуюся военной интервенцией.

Современные события в Украине (2013–2014 гг.) также имеют отношение к цветным революциям — они в точности повторяют Египетский сценарий. России, опираясь на украинский опыт, необходимо готовиться к тому, что она станет следующей в перечне мишеней англосаксонских цветных революций. Стране необходима государственная концепция по противодействию цветным революциям, как в России, так и в целом на пространстве СНГ,

подкрепленная дорожной картой ее реализации. Украина — это последняя генеральная репетиция такой революции, обкатка ее на стране со сходным менталитетом, культурой и цивилизационной идентичностью.

Интересно, что в последних работах западных авторов (в том числе британских и французских) появляются оценки цветных революций, идущие в разрез с навязываемыми США представлениями о цветных революциях как инструментах демократизации и формирования демократического мира. Так, некоторые ученые начинают — пока еще довольно осторожно — утверждать, что ни одна из цветных революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке не принесла процветание христианскому миру: напротив, Арабская весна всколыхнула и заставила выйти из глубокого подполья наиболее опасные, экстремистски настроенные силы, представляющие исламизм, с которыми теперь западным странам приходится иметь дело уже на официальном уровне. Арабская весна, начавшаяся под лозунгами демократизации арабского Востока, ускорила процесс отступления христианства под натиском радикального ислама, которое с началом цветных революций Арабской весны многократно усилилось. Арабская весна, сделанная на деньги и с помощью американских и западноевропейских союзников, стала для Западной христианской цивилизации, и без того уже переживающей острый кризис, началом «Христианской зимы». Это заставляет серьезно задуматься о том, какую роль сегодня на самом деле играют цветные революции в мировой политике и в формировании нового миропорядка, и каким он будет, этот новый миропорядок, если волну цветных революций вовремя не остановить.

4. Цветные революции и мягкая сила

Цветные революции часто называют технологиями или инструментами «мягкой силы», понимаемыми в том ракурсе, который дал для этого термина Дж. Най. Этот подход, основанный на принципе аналогии (внешне цветные революции — это несиловые технологии смены политических режимов), не совсем точен и часто вводит в заблуждение, заставляя считать цветные революции более мягкой и по-

этому более прогрессивной и менее социально опасной формой воздействия на авторитарные режимы. Тем самым разворачивается кампания по пропаганде цветных революций в пику любым формам собственно вооруженных переворотов. На наш взгляд, трудно определить, что на самом деле является более опасным явлением для международной безопасности в целом: цветные революции или локальные вооруженные конфликты, и современный Ближний Восток, погруженный цветными революциями в «управляемый» хаос, является полным тому подтверждением. Все же, представляется довольно очевидным, что современные цветные революции по своей природе — это не форма проявления «мягкой силы». Цветные революции — не мягкая сила; это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов незападными странами, которые имеют признаки имитационности. Можно утверждать, что американцы не только создали модель демократического устройства государства, ориентированную «на экспорт», но и позаботились о создании специальных инструментов, предназначенных для ее слома и демонтажа, если в этом вдруг возникнет необходимость. В современном мире такими инструментами, играющими роль своеобразных отмычек для взлома политических режимов западного либерального типа, являются технологии цветных революций.

5. Цветные революции сквозь призму гибридных войн

При всей неоднозначности отношения современного общества к цветным революциям все же следует признать, что большинство из них — чрезвычайно эффективный инструмент преобразования политической картины мира.

В современной политической реальности цветные революции — одно из наиболее разрушительных и наименее изученных явлений мировой политики. Именно с цветными революциями сегодня связывают технологические схемы и приемы осуществления принудительного демонтажа политических режимов в государствах с неустойчивыми формами демократии, построенной по западным лекалам, или в государствах традиционного восточного

типа, в которых демократическая форма правления довольно часто в принципе отсутствует.

При этом сопровождающее госперевороты разрушение (или, точнее, демонтаж) государственности и утрата суверенитета выдается за процесс демократизации, модернизации, либерализации или «приобщения к европейской культуре», и несколько реже — за действие «мягкой силы».

Практически всегда прямым следствием цветных революций, помимо осуществления их главной (и единственной) задачи — совершения государственного переворота, становится погружение страны в политический хаос, который американцы любят называть «управляемым», переход страны под внешнее управление (вспомните назначение иностранцев-«легионеров» на ключевые посты в Кабинете министров современной Украины), а также гражданская война, геноцид мирного населения и военная интервенция.

Страна, пережившая переворот, не становится от этого более свободной; напротив, в подавляющем большинстве случаев она попадает в тяжелую кабальную зависимость от США и их военно-политических союзников, превращаясь в их колонию.

Дальнейшая судьба этих государств печальна: люди, экономика, природные ресурсы становятся расходным материалом для инициирования цветных революций в других странах, для провоцирования новых международных конфликтов, в которых особая роль отводится новым акторам — государствам-провокаторам, ведомым марионетками, поставленными Вашингтоном, готовыми на все ради расположения и благосклонности своих настоящих американских «хозяев».

Довольно часто страны-провокаторы (такие как Грузия в российско-грузино-югоосетинском конфликте 2008 года, Украина в гражданской войне в Донбассе или некоторые страны Балтии, предоставляющие свою территорию для ударных группировок НАТО, сосредотачивающихся у западных границ России) получают от США статус основного союзника вне блока НАТО и миллиардные кредиты на закупку новейших вооружений и военной техники.

При всей неоднозначности отношения современного общества к такого рода мятежам

все же следует признать, что большинство из них — чрезвычайно эффективный инструмент преобразования политической картины мира, который сегодня находится в неустойчивом и несбалансированном состоянии, называемом «кризисом однополярного мира».

При этом довольно часто свет истинной — «незамутненной» — демократии народам мира несут те самые силы, с которыми США — источник и главный организатор всех бунтов — борются всеми возможными (в том числе военными) способами: в цветных революциях «арабской весны» носителями демократических ценностей выступили монархии Персидского залива — Саудовская Аравия и Катар, жесткие авторитарные государства, в которых демократией даже не пахнет.

В Египте главной движущей силой «демократизации» общества стали «Братья-мусульмане», в Ливии — исламисты, в Сирии — все те же исламисты, представленные широким спектром террористических организаций — от сирийских ячеек «Аль-Каиды», выставившей свои отряды для борьбы с Б. Асадом, от «Талибана» до «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ).

На Украине для Соединенных Штатов Америки передовым отрядом «демократизации» общества и его «приобщения к европейским ценностям» стали неонацисты, целое поколение которых США вырастили за 20 лет «независимости» страны, прошедших с момента распада Советского Союза.

Несмотря на то, что даже при поверхностном рассмотрении несложно увидеть технологию, причем одну-единственную, применяющуюся последовательно (с незначительными доработками) к различным странам как либерально-демократического, так и авторитарного типа, довольно большое количество политиков и ученых продолжают рассматривать перевороты на феноменологическом уровне как социальное явление, природа которого связана с процессами модернизации традиционных обществ, обеспечивающих им скачкообразный переход в новый, более современный уклад.

Основными мотивами такого подхода, помимо принципа взвешенности, непредвзятости, историзма и следующей из него позиции принципиального отрицания любых «конспи-

рологических» инсинуаций, нередко выступает стремление упростить себе жизнь.

Если цветные революции — явление объективное, связанное с особенностями протекания исторического процесса на современном этапе развития общечеловеческой цивилизации, то противодействовать им — дело заведомо бесполезное, так как социальное явление устранить из жизни общества нельзя, но можно попытаться регулировать его уровень социальной опасности, минимизируя издержки и максимизируя конструктивные качества.

Но при этом не очень понятно, почему именно в последние десятилетия, в эпоху просвещенной демократии и глобального демократического общества, наиболее эффективным инструментом разрешения этих самых объективных противоречий стали сценарии и схемы государственных переворотов, единственная цель которых — насильственный захват и удержание власти, причем любыми способами, в том числе насильственными, в форме вооруженного мятежа и развязывания террора против собственного мирного населения (пример — Украина 2014–2015 гг.).

В целом же феноменологический подход к цветным революциям ведет к фактическому оправданию их организаторов и исполнителей, снятию с них клейма уголовных преступников, ответственных за разрушение государства, утрату им (полностью или частично) суверенитета, за жертвы среди мирного населения, за геноцид, этнические чистки и военные преступления (такие, которые сейчас совершают ВСУ и многочисленные «добровольческие» карательные батальоны в Донбассе).

В том, что цветные революции являются современной формой истинных революций, таких как кубинская или никарагуанская, есть все основания сомневаться: практически все из них, начиная от бархатных в Восточной Европе и заканчивая украинским евромайданом и «зонтичной» в Гонконге, сделаны как под копирку по одной и той же схеме, сценарию, или, как его называют в Великобритании, «демократическому шаблону».

Все разговоры о демократизации и мягкой силе, транзите демократических ценностей (или дрейфе их же) выглядят при этом как легенда прикрытия (выражаясь языком развед-

чиков и шпионов), так как именно этим они и являются.

Их сила в другом: перевороты дают гарантированный результат при строгом соблюдении технологического цикла.

Эти технологии действуют как часы и дают сбои только в редчайших случаях, что делает их высокоэффективным и потому опаснейшим инструментом демонтажа современных политических режимов. И сегодня он находится в руках (в эксклюзивном владении) североамериканских англосаксов — прямых авторов и разработчиков этих технологий: только они умеют этот инструмент применять таким образом, чтобы не нарушить технологический цикл. И делают это весьма успешно.

Вместе с тем любая технология предполагает повторение одной и той же последовательности элементарных операций; организационная технология предполагает многократное чередование одной и той же последовательности этапов или фаз. Цветные революции не являются исключением: развитие событий в них всегда проходит через шесть ключевых этапов, выстраивающихся в единую технологическую цепочку.

В этой особенности кроется главная возможность организации системного противодействия им: если речь идет о применении одной и той же технологии, то действия и тактику поведения ее организаторов, исполнителей и сценаристов всегда можно просчитать на много ходов вперед.

Успешность операции целиком зависит от строгости соблюдения технологического цикла: каким бы сильным и гениально прозорливым ни был ваш противник, он будет вынужден следовать правилам и неизбежно пройдет все этапы, предусмотренные базовым сценарием цветной революции, и в той самой последовательности, которая указана в технологической «инструкции к применению».

Это, в свою очередь, означает, что, своевременно выявив признаки подготовки к мятежу и определив, на каком этапе эта операция находится, можно точно вычислить контрольную точку процесса, в которую противник обязательно придет, следуя требованиям и логике технологического процесса, и в которой он окажется уязвим для заранее спланированной и подготовленной контратаки.

С точки зрения эволюции цветные революции и гибридные войны развиваются по разным траекториям, что также подчеркивает тот факт, что это явления, имеющие различную природу: цветные революции стремятся выработать такую технологическую схему воздействия на политические процессы, при которой применение прямой вооруженной силы станет излишним и просто вредным для достижения конечной цели — организации государственного переворота под прикрытием массовых протестов; гибридные войны, напротив, ищут для прямой вооруженной силы новых форматов, моделей и ниш применения. Возможно, это прямой пример того, как именно классические инструменты политического воздействия — жесткая и мягкая силы — пытаются приспособиться к новой политической реальности, к новой среде, которая не является дружественной и податливой ни для чисто «мягких», ни для чисто «жестких» технологий. При этом эволюция жестких методов воздействия идет по пути гибридизации, «прививки» им «мягких» вакцин, часть из которых гибридные войны имплементируют в свой набор инструментов политического воздействия, комбинируя их и сочетая с «жесткими» инструментами (так появляется «умная сила»), а часть — отторгают, вырабатывая на них «антидот»; эволюция же «мягких» методов, к которым относятся классические схемы и технологии цветных революций, идет по пути «навешивания» на классическую схему, применявшейся в «бархатных революциях» в Восточной Европе, новых «гаджетов» — сервисных функций, предполагающих более широкое использование жесткой силы, таких как технологии «управляемого хаоса». Так, в последних версиях цветных революций — например, в Украине 2013–2014 гг. — обязательным элементом сценария цветной революции стала работа снайперов по активистам майдана и просто мирным гражданам с целью повышения уровня агрессивности толпы, собравшейся на этом самом майдане. Это — типичный пример применения инструментов жесткой силы, имплементированных в более «мягкую» структуру сценариев цветных революций.

Именно на поле этих гаджетов технологии гибридных войн и цветных революций взаимно пересекаются: это информационные вой-

ны (операции и инструменты информационно-психологической войны) и технологии управляемого хаоса. И то, и другое успешно и эффективно используется и в гибридных войнах, и в цветных революциях, но — для достижения разных целей. В последнее время появилась мода на дальнейшее усложнение терминов: многие эксперты стали говорить о гибридной «хаос-войне», продолжая конструировать сущности и смешивая различные понятия. Во многом это размножение терминов не является оправданным: их содержательная часть требует тщательного уточнения и конкретизации, с опорой на методологический аппарат политической, военной и иных смежных наук.

6. Противодействие цветным революциям

Следует отметить, что операция США по реформатированию постсоветского пространства в определенной мере сегодня касается и России. Не секрет, что в организации протестного движения «За честные выборы» виден почерк режиссеров цветных революций, в котором наблюдаются все ее атрибуты — начиная от символики («белых ленточек») и заканчивая уровнем организации митингов и манифестаций, требующих вложения огромных финансовых средств. И совсем не случайно в Москву новым послом США именно в тот период был назначен Майкл Энтони Макфол, талантливый автор и режиссер «оранжевой революции» на Украине и «революции роз» в Грузии.

В целом, сценарий «революции белых ленточек» полностью соответствует классическим сценариям цветных революций в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, за исключением одной детали: этот сценарий — усеченный, рассчитанный скорее на демонстрацию мощи, чем на реальный результат (смену режима). На это указывают, прежде всего, объемы финансирования, которые были выделены Госдепом США на организацию цветной революции в России: один из лидеров оппозиционеров, приехавший в 2012 году на Селигер и отрицавший какое-либо участие США в событиях на Болотной площади, проговорился, что сумма, выделенная США на организацию «белых ленточек», была чуть больше, чем сумма, потраченная на «революцию роз» в Грузии. Эта сумма, конечно, достаточна

для Грузии или Украины, но ничтожно мала для России, в которой цветная революция только тогда будет иметь успех, если мятеж одновременно вспыхнет в двух десятках крупнейших городов и региональных центров. Все это указывает на то, что основная задача была — попугать российскую власть и заставить ее полностью погрузиться во внутренние проблемы, на время перестав следить за международной обстановкой.

Надобность в революции белых ленточек у США пропала после того, как стало ясно, что наземная операция против Ирана откладывается на неопределенный срок — виной тому оказалась Сирия, с которой не удалось разобраться также быстро, как с Ливией. После этого «революцию» в России по команде из Вашингтона свернули — американцы прагматично решили, что больше на нее тратить деньги не стоит.

В 2011 году, говоря о последствиях падения режима Каддафи, сенатор Д. Маккейн выразил мнение, что смена власти в Ливии даст сигнал и другим странам, «стремящимся к демократическим преобразованиям»: «это будет своеобразным посланием и для Башара Асада, и для Йемена, и для других диктаторов. Эхо «арабской весны» услышат во всем мире — от России и Китая до Израиля. С тех пор, как молодой человек сжег себя на улице, положив начало волнениям в Тунисе, мы видим стремительно меняющийся мир», — заявил Маккейн. Таким образом, Маккейн не исключает, что следующей целью волны «фининовых революций» будут Китай и Россия [2]. В 2014 году в Гонконге развернулась «революция зонтиков», которая также относится к цветным революциям с особой — «усеченной» — схемой, аналогичной «белым ленточкам» в России. В Украине в 2014 году в результате «цветного» переворота началась гражданская война, в которой марionеточное правительство Порошенко, развернувшее политику геноцида в отношении населения юго-восточных областей Украины, получило полную и безоговорочную поддержку Государственного департамента США.

Высказывание сенатора Маккейна, несомненно, носит характер «пробного шара»; сам же он заявляет это все вполне искренне, не замечая, что им манипулируют. «Пробный шар» всегда направлен на провоцирование обще-

ственного мнения, в том числе мнения политических и военных союзников и противников США, на высказывание своего отношения к возможности такого вмешательства во внутренние дела перечисленных стран, а также на высказывание собственных оценок реальности такого вмешательства. И хотя реальный политический вес Маккейна ничтожен, а одиозность его фигуры известна всем, к этому его высказыванию все же следует относиться серьезно: такого рода прощупывание политической ситуации на предмет ее лояльности по отношению к новым целям и планам внешней экспансии США наводит на мысль, что эти планы уже разработаны и ждут своего часа. В этом смысле высказывания Маккейна следует воспринимать как сигнал, а события в Гонконге — рассматривать как один из этапов реализации этого плана.

Основные принципы противодействия цветным революциям таковы:

1. Бороться с цветными революциями, являющимися технологиями государственных переворотов, можно только с помощью технологий такого же уровня. Отдельные меры, средства и методы здесь не принесут пользы.

2. Необходимо своевременно выявлять и перекрывать каналы заведения денег для организации цветных революций — цветная революция не начнется, пока в стране не будут скрыто заведены и размещены в национальных банках и фондах значительные денежные средства. Операция по их заведению в страну может начаться за полтора-два года до реального начала революционных событий.

3. Необходимо сделать так, чтобы основная ударная сила цветных революций — пассионарная и супер подвижная молодежь в возрасте от 16 до 35 лет потеряла свою подвижность и подверженность влиянию идеологии цветных революций. Добиться этого можно только вовлекая молодежь во всевозможные молодежные общественные организации и движения, в массовый спорт, и т. д. При этом опыт такой работы с молодежью, накопленный «Молодой гвардией», «Наши», полезен, но он слишком односторонен и от цветной революции не спасет.

4. Цветная революция в России может начать развиваться под лозунгами региональ-

ного сепаратизма и под руководством региональных лидеров. В этом плане надо уделить внимание проблемным регионам — Кавказу, Сибири и Дальнему Востоку, где региональная политика федерального центра в 2012–2013 гг. потерпела ряд ощутимых неудач.

5. Ну и, наконец, в России должна быть выработана собственная модель противодействия цветным революциям, как в самой России, так и на пространстве СНГ, в Центральной Азии и других регионах, в которых Россия имеет свои национальные интересы. С цветными революциями бороться можно, поскольку их ход может быть предсказан и спрогнозирован заранее. Есть опыт Беларуси, которая справилась с «васильковой революцией» весьма изящным способом: ее спецслужбы не препятствовали протестующим, но отбирали у них палатки, продукты и все необходимое для организации протестного лагеря. Есть еще пример цветной революции в Узбекистане, которая была подавлена силой оружия.

Существует система мер, которая помогает уменьшить риски возникновения цветных революций. Первый комплекс мер направлен на выявление и перекрытие финансовых потоков, идущих на финансирование протестного движения. Вторая группа мер направлена на вовлечение социальной базы протестного движения — молодежи в возрасте от 18 до 35 лет — в деятельность общественных организаций проправительственной направленности. Третья группа мер — создание в обществе «клапанов по выпуску пара», сброса напряженности, не позволяющих обществу «перегреться» наподобие парового котла и затем выплескивать накопившуюся энергию в виде социального взрыва.

Президентом и Правительством России должна быть создана общегосударственная система противодействия цветным революциям, имеющая четкий план действий, которая затем будет востребована и другими постсоветскими странами.

Литература

[1] Бартош А. Гибридные войны во внешней политике США и НАТО // Независимое военное обозрение. — 2010. — 10 окт. [Электронный ресурс]. — URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-10-10/1_nato.html (дата обращения 12.04.2015).

[2] Маккейн пророчит «арабский сценарий» России, Китаю и Израилю // МКРУ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mk.ru/politics/news/2011/08/24/617060-makkeyn-prorochit-quotarabskiy-stsenariyquot-rossii-kitayu-i-izrailyu.html>

УДК 323.2:37.035.4

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна,

доктор политических наук, доцент,
директор Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа
e-mail: vova-velc@yandex.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК ОДНА ИЗ МОДЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МИРА

В статье поднимаются вопросы ценности прав человека в современном обществе. Автор рассматривает состояние гражданского просвещения в России и за рубежом, предлагает технологии формирования в молодежной среде гражданской и правовой культуры, социальной ответственности и лидерских качеств как необходимых условий развития демократии и гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, просвещение, молодежь, демократия, идеология, духовно-нравственные ценности, права человека, политическая грамотность.

Все люди, вне зависимости от расы, вероисповедания, пола, имеют право выстраивать свое материальное благополучие и духовное развитие в условиях свободы и уважения, экономической безопасности и равных возможностей.

Филадельфийская декларация МОТ, 1944 г.

В этом году Организации Объединенных наций отмечает свое 70-летие. Ее истинная ценность и предназначение — в реализации поставленных задач: это поддержание мира и безопасности на планете; развитие дружественных отношений между странами; сотрудничество в решении международных проблем и в обеспечении уважения прав человека; и согласование действий разных стран.

На наш взгляд, ключевым здесь является обеспечение уважения прав человека: ведь если мы не будем уважать самих себя, друг друга, то не может быть и никаких дружественных отношений, мира и безопасности, консолидации в решении международных проблем.

Поэтому акцент в данной статье сделан именно на ценности прав человека, которые в полной мере могут быть реализованы только в условиях демократии и гражданского общества.

В своем послании по случаю Международного дня демократии 15 сентября 2015 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун подчер-

кнул, что считает движущей силой социального прогресса и экономического роста гражданское общество, назвав это общество «кислородом для демократии». «Давайте в этот День демократии, — отметил он, — напомним о том, что прогресс и участие гражданского общества неразрывно связаны между собой. Уверенное в себе государство дает своим гражданам возможность определять развитие своей страны и играть ведущую роль в этом процессе» [2].

Президент Российской Федерации В.В. Путин убежден в том, что «без зрелого гражданского общества невозможно эффективное решение насущных проблем людей. ... Только развитое гражданское общество может обеспечить незыблемость демократических свобод, гарантии прав человека и гражданина» [4].

Предпосылки для формирования гражданского общества создают демократические процессы. Их преимущества, как подчеркивал известный французский ученый и политический деятель Алексис де Токвиль, в том, что «только

демократия подчас может вызвать в обществе бурное движение, придать ему энергию и исполинские силы, которые при мало-мальски благоприятных обстоятельствах способны творить чудеса» [6, с. 192].

Однако демократия не может функционировать без институциональных рамок, защищенных Конституцией. Но и этого недостаточно. Уровень гражданского развития общества в целом в конечном счете зависит от ценностей и позиций, разделяемых гражданами, от того, насколько эти ценности и нормы прижились и действенны в каждой социальной сфере — государственном управлении, экономике, образовании и т.д.

Приоритетом в гражданском обществе становится отдельно взятая личность с реализацией ее интересов, целей, устремлений. Несмотря на то, что основополагающий принцип демократии состоит в принятии решения исходя из мнения большинства, существо демократии заключается именно в праве меньшинства быть услышанным. Выдающийся политический деятель, дипломат и философ эпохи Просвещения, один из авторов Декларации независимости, 3-й президент США Томас Джефферсон утверждал: «Большинство, подавляющее индивидуальность отдельного человека, злоупотребляет своей силой и, действуя по закону сильнейшего, порывает с фундаментальными законами общества» [13].

В практике Совета Европы, членами которого являются 47 государств, в том числе и Россия, термин «гражданское образование» трактуется как «воспитание демократической гражданственности на основе приоритета прав человека» [11]. Такое толкование обусловлено основной целью Совета Европы — продвижение развития прав человека, демократии и верховенства права. Важнейшим документом в этой области является Хартия о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека [7], принятая по рекомендации Совета министров стран-членов Европейского Союза в 2010 году.

Цель гражданского образования достаточно полно сформулирована в установочном документе американской Ассоциации учителей: «Сохранение демократии зависит от того, как

мы передадим каждому новому поколению политическое видение свободы и равенства, которое объединяет нас как американцев... Нет никаких оснований полагать, что мы рождаемся с ними. Приверженность достоинству и свободе, равным правам, социальной и экономической справедливости, верховенству права, гражданственности и толерантному отношению к различиям между людьми, взаимопомощи, личной и гражданской ответственности, самоуважению и самоограничению — все это должно составить предмет обучения и преподавания» [9, с. 8].

В России гражданское просвещение также не является чем-то новым. Гуманистические основы современного гражданского образования в российской и отечественной педагогике были заложены еще в XIX веке К.Д. Ушинским, Л.Н. Толстым, а затем развивались в начале XX века в работах В.П. Вахтерова, К.Н. Вентцеля, П.П. Блонского, С.Т. Шацкого и др. Формированию гражданина, гражданского видения мира, патриотического сознания, гражданского долга важное место отводил В.А. Сухомлинский. Он рассматривал обучение как «активную гражданскую жизнь подрастающего поколения».

Одно из первых определений гражданского просвещения в нашей стране было дано в Проекте государственной программы «Гражданское образование населения Российской Федерации на 2005–2008 годы». Согласно этому определению, «гражданское просвещение — общественно-государственная, социально-ориентированная система непрерывного обучения и воспитания, направленная на формирование гражданской компетентности, демократической культуры, удовлетворение потребностей в социализации в интересах личности, гражданского общества и правового государства» [10].

Понятно, что в первую очередь речь должна идти о молодежи — настоящем и будущем любого государства. По данным ООН, сегодня в мире живет самое многочисленное поколение молодежи за всю историю: из 7 миллиардов землян почти 2 миллиарда человек, в основном в развивающихся странах, — это молодые люди. Именно им предстоит взять на себя решение проблем, связанных с разви-

ем гражданского общества. В своем Послании по случаю Международного дня молодежи Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун еще раз подчеркнул: «В условиях, когда мир с беспрецедентной скоростью меняется, молодежь показывает себя бесценным партнером, от которого можно ждать продуманных решений. Вовлечение молодежи способно помочь превращению мира, которого мы хотим, в мир, которого мы заслуживаем. Давайте же поддерживать молодежь в создании будущего, в котором наша планета защищена и все люди живут достойно» [8].

Вместе с тем ни для кого не секрет, что дети и молодежь — это самая уязвимая категория населения во всем мире, в том числе и в России. Их слабая защищенность вызывает, с одной стороны, пассивность и стремление приспособиться любыми средствами к реальной обстановке, с другой — их протест, часто выливающийся в противоправное поведение.

Речь идет не только о неудовлетворенности материальной стороной жизни. После распада Советского Союза произошло снижение идеологической составляющей в воспитательном процессе, и молодое поколение в большинстве своем оказалось без надежных социальных ориентиров. Разрушение традиционных форм социализации, основанной на социальной предопределенности жизненного пути, с одной стороны, повысило личную ответственность молодых людей за свою судьбу, поставив их перед необходимостью выбора, с другой — обнаружило неготовность большинства из них включиться в новые общественные отношения. Выбор жизненного пути стал определяться не способностями и интересами молодого человека, а конкретными обстоятельствами.

Традиционные для российского менталитета духовные ценности, такие как патриотизм, интернационализм, веротерпимость, подверглись широкомасштабной деструктивной обработке извне (нередко принимавшей характер манипуляции общественным сознанием). Именно молодежь, не способная критически подходить к содержанию публикаций в СМИ ввиду отсутствия жизненного опыта, оказалась наиболее подверженной такому влиянию. И если рядом нет взрослых, способных направ-

вить деятельность подростка и молодого человека в нужное русло, занять его позитивными делами, ответить на его вопросы, то это делают ИГИЛ, маргинальные сообщества, предлагающие простые ответы и кажущиеся цели и смыслы, которые должны наполнить жизнь молодого человека.

В этой ситуации чрезвычайно важно сформулировать цель государственной молодежной политики — это создание правовых, социально-экономических, организационных условий и гарантий для социального становления и развития молодых граждан, их наиболее полной самореализации в интересах всего общества. Ни один ребенок не виноват в том, что родился в бедной семье, имеет цвет кожи, отличающий его от других. Уже при рождении он имеет национальность, его родители принадлежат к той или иной конфессии и т.д. Это данность, изменить которую невозможно. И ребенка надо принимать таким, какой он есть.

Нравственные ценности надо воспитывать, правовым нормам, толерантности, демократии следует учить — и не только в теории, но и на практике. Иначе говоря, гражданское просвещение необходимо человеку с детских лет. Его главное предназначение в том, чтобы обеспечить непрерывность и поступательность развития гражданской культуры, верховенства права, демократии и справедливого общества в любой стране. Достичь же этой цели можно только через систематическое просвещение и методически выстроенное гражданское образование.

Следует отметить, что в последние годы события и изменения, которые имеют место в Европе и в мире в целом, в частности, этнические конфликты и радикальный национализм; глобальные угрозы и отсутствие безопасности; развитие новых информационных и коммуникационных технологий; экологические проблемы; миграция населения; недоверие к традиционным политическим институтам, формам правления и политическим лидерам и тому подобное, ставят под угрозу существование этой традиционной модели гражданственности. Эти и другие изменения четко определяют необходимость формирования нового типа гражданина: не только образованного, но и активного, способного сделать свой вклад в жизнь обще-

ства, страны, всего мира и взять на себя большую ответственность [1, с. 6].

Демократия предполагает непосредственное участие граждан в общественной жизни: их умение и готовность обсуждать те или иные вопросы, соучаствовать в принятии решений, влиять на политический процесс, слышать и понимать другого, сопереживать. Одним словом, не дистанцироваться от гражданской и политической жизни, а быть «демократическим гражданином».

Кто такой демократический гражданин? Существуют разные толкования этой дефиниции, но в целом все они сходятся в одном: это человек, который поддерживает нормы и ценности демократического сосуществования [12].

Важнейшая общественная функция демократического гражданина — обладать качествами *гражданского коммуникатора*¹. Для этого недостаточно быть просто честным и принципиальным человеком. Важно овладеть наукой и искусством публичных дискуссий, убеждений, нахождения компромиссов, аргументированного отстаивания своей позиции, глубокого проникновения в суть социальных проблем и видения альтернатив развития. А также обладать гражданскими добродетелями волонтерского участия в общественной жизни, то есть быть **ответственным гражданином**² [см. подробнее: 5, с. 18–28]. Новый смысл этого термина, согласно проекту воспитания демократической гражданственности, заключается в том, что ответственный гражданин — это человек, идентичность которого напрямую зависит от того, как он понимает демократию, права человека, социальное партнерство, солидарность, терпимость и справедливость. Здесь, как мы видим, нет ни узкой трактовки патриотизма, ни страха перед космополитизмом и никакой идеологической окраски. Но есть, по мнению А. Согомонова, и мы с этим абсолютно согласны, три фундаментальных аспекта, в соответствии с которыми и строится гражданское образование. Это, во-первых, политическая гра-

мотность, т. е. не только адекватное понимание того, как реально устроено демократическое общество и правовое государство, но и знание тех «идеальных» условий, при которых социальная жизнь людей приобретает гармонию, достоинство и устойчивость.

Во-вторых, это критическое мышление и установка на ценностную солидарность. С одной стороны, от ответственного гражданина ожидается независимая политическая позиция (выраженная в самостоятельности оценок и суждений), способность публично формулировать свои мысли (обсуждать аргументированно). С другой, поскольку он гражданский коммуникатор, его общественное поведение должно быть ориентировано на укрепление солидарности в обществе, основанной на уважении других людей и меньшинств, моральной ответственности за поддержание толерантной среды и противостояние насилию и ксенофобии.

В-третьих, это активное (со)участие. Социальное сотрудничество и ответственность за ближний и дальний социум — важнейшее практическое знание, психологическая установка и гражданский навык для будущих поколений. Безусловно, люди рождаются с разными темпераментами, но их общественная активность выступает их же свободным выбором, то есть продуктом обретенных знаний и накопленного за период обучения понимания гражданского «призвания» современной личности [5, с. 18–28].

Можно бесконечно рассказывать об основных ценностях демократии и гражданском обществе, но вряд ли теория укоренится в сознании, если не вовлекать детей и молодежь в конкретные демократические процедуры, когда необходимо выстраивать определенные типы взаимоотношений, делать самостоятельный выбор, принимать решения и нести за них ответственность.

Коротко остановлюсь лишь на некоторых технологиях работы с детьми и молодежью,

¹ Коммуникатор — человек, влияющий на партнеров по общению адресно и целесообразно, подбирая действия, слова, интонации и формулировки, для того чтобы получить нужную реакцию или ответ. Коммуникатор входит в общение, имея определенные и заранее сформулированные цели.

² Именно этот конструкт (*responsible citizen*) становится сегодня ключевым в общем понимании гражданской педагогики объединенной Европы.

разработанных и апробированных Башкирским институтом социальных технологий.

Прежде всего, мы руководствовались тезисом, выдвинутым полтора столетия назад британским философом Джоном Стюартом Миллем: «Достоинство государства зависит, в конечном счете, от достоинства образующих его личностей». А достоинство личности, на наш взгляд, характеризуется усвоением национальных и общечеловеческих правовых и морально-этических норм и ценностей, убежденностью в собственной самооценности и ценности каждой другой личности, требованием к уважению личной индивидуальности, развитием гражданского самосознания личности, чувством сопричастности демократическим процессам, самодвижением к нравственным идеалам, требовательностью к себе, самокритичностью, способностью к действию и ответственности за принимаемые решения. И чем раньше мы начнем культивировать и развивать эти качества, тем скорее сформируем ответственного гражданина.

В соответствии с этим тезисом мы и построили свою работу.

Важным фактором в развитии гражданского просвещения молодежи в Республике Башкортостан стала Детская общественная правовая палата, созданная вузом под эгидой Комитета Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО. Программа ее действий явилась позитивным опытом применения инновационных системных технологий в области гражданско-правового просвещения.

Миссия Детской палаты — просвещение и воспитание детей молодежи в духе идей толерантности, ненасилия, миротворчества, уважения к правам человека, идеалам демократии и гуманизма. Члены Детской палаты — дети от 8 до 18 лет. Для них эта организация стала своеобразной инновационной площадкой, где проходят апробации детских законотворческих инициатив, разрабатываются и реализуются социальные проекты. Полученные знания и навыки в области прав человека и прав ребенка позволяют им приобрести инструмент защиты своих прав, стать — и это очень важно — своеобразными точками кристаллизации в развитии правовой культуры среди своих сверстников, точками роста в развитии де-

мократического правового государства. Сегодня проекты Детской палаты имеют широкий общественный резонанс, дети и молодые люди принимают участие в процессе принятия решений, связанных с их правами и законными интересами, и это служит, на наш взгляд, незаменимой школой для их социализации, развития у них способностей формулировать собственное мнение, свободно выражать свою позицию по всем вопросам, затрагивающим права и обязанности ребенка.

По инициативе членов Детской общественной правовой палаты была создана Детская Ассамблея народов России. Для многонациональной и поликонфессиональной республики такая организация просто необходима, особенно в условиях усиления миграционных процессов. В рамках Ассамблеи дети и молодежь учатся жить в мире и согласии, овладевают навыками межкультурной коммуникации, знакомятся с традициями и культурой своего и других народов, формируют основы толерантного поведения. Эта структура реализует и социокультурные проекты, связанные с адаптацией детей мигрантов, вовлекая их в совместную деятельность. Кроме того, члены Ассамблеи обучаются примирительным технологиям, способствующим профилактике межнациональных конфликтов и направленным на гармонизацию социальных отношений и формирование бесконфликтной среды в школе и обществе.

Академия успешного лидерства вуза ставит своей целью формирование креативного мышления учащихся, их лидерских качеств, умения работать в команде, стремления к постоянному пополнению знаний.

Существенную роль в гражданском образовании молодого поколения играет историко-патриотический музей института «Наследие», лаборатории «Гражданские ценности в молодежной среде», межкультурных коммуникаций, законотворчества и другие.

Нельзя не сказать и несколько слов о волонтерском движении. С позиции ООН, добровольчество является идеальным способом совершенствования общества, которое открыто практически для каждого. Вклад волонтеров Башкирского института социальных технологий — интеллектуальный: это создание соци-

ально ориентированных сайтов, консультации социально незащищенных слоев по правовым и финансово-экономическим вопросам и многое другое.

Все наши проекты направлены на решение основной задачи гражданского просвещения — поддержку жизнеспособности демократии, которая реализуется через формирование активной гражданской позиции каждого члена общества. Мы солидарны с Генеральным директором ЮНЕСКО Ириной Боковой в том, что «необходимо... рассматривать молодежь не только в качестве выгодоприобретателя или целевой группы, нуждающейся в помощи, но воспринимать как силу, способную вызвать позитивные перемены» [3].

Последние события во многих европейских странах явились убедительным свиде-

тельством того, как высока роль образования в предотвращении проявлений дискриминации и идеологии ненависти, как важно научить солидарности, чувству ответственности за себя и за других, правилам сотрудничества и участия в общественной жизни, как помочь человеку поверить в свой потенциал, и научить, как его можно реализовать. Учитывая, что наше общество многообразно, следует учиться демократическим ценностям и практикам, приобретать навыки разрешения проблем мирным путем. С одной стороны, это очень просто, а с другой — очень сложно.

На наш взгляд, именно гражданское просвещение позволит сформировать демократические и гражданские ценности в молодежной среде и сделать еще один шаг на пути к реализации Концепции устойчивого развития мира.

Литература

- [1] Обучаем демократии: Электронное пособие. Т. 1. Издание Совета Европы, 2011. — С. 6. — URL: http://derzhava.in.ua/spilnota/doccu/resources/DocLib/EDC_HRE%20Vol%20I%20-%20Educating%20democracy_Russian%20for%20Ukraine.pdf
- [2] *Пан Ги Мун*. Послание по случаю Международного дня демократии. 15 сентября 2015 г. [Электронный ресурс] <http://www.un.org/ru/sg/messages/2015/democracyday.shtml>
- [3] Послание Генерального директора ЮНЕСКО г-жи Ирины Боковой по случаю Международного дня молодежи. 12 августа 2015 г. [Электронный ресурс]. — <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002340/234064r.pdf>
- [4] Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. 26 мая 2004 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/appears/2004/05/64879.shtml>
- [5] *Согомонов А.* Гражданское образование // Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований. — 2011. — № 3 (56). — С. 18–28.
- [6] *Токвиль А.* Демократия в Америке / пер. с фр. — М.: Прогресс, 1992. — С. 192.
- [7] Хартия Совета Европы о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека, утвержденной в рамках рекомендации CM/Rec(2010)7 Комитета Министров [Электронный ресурс]. — URL: www.coe.int/t/edc
- [8] Центр новостей ООН [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=24247#.VlrItLhCUk>
- [9] Education for Democracy: A Statement of Principles // American Federation of Teachers. — Washington, 1987. — P. 8.
- [10] [Электронный ресурс]. — URL: <http://civilg8.ru/4530.php>
- [11] [Электронный ресурс]. — URL: <http://civilg8.ru/4926/>
- [12] [Электронный ресурс]. — URL: <http://sosensky.info/news/beseda-s-aleksandrom-sogomonovym.html>
- [13] [Электронный ресурс]. — URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2152

УДК 32.019.51

ГАЙДУК Вадим Витальевич,

доктор политических наук, кандидат юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой политологии
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
e-mail: vvgrb@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИМИДЖМЕЙКИНГ КАК НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Имиджевые характеристики, представляемые кандидатами, действующими политиками и инкумбентами проявляют свою эффективность, валидность при различных условиях (позитивных и негативных) ведения предвыборной кампании, реализации стратегических положений программы и конкретных политических решений. При этом эффективность деятельности политического лидера может определяться не только количественными и качественными индикаторами, характеризующими политико-управленческое действия, но и сформированным имиджевым конструктом, скрывающим реальное воздействие данного политика. В данной статье проследим основные функциональные особенности, на которые можно опираться при исследовании имиджевых позиций политических лидеров.

Ключевые слова: политический имиджмейкинг, политический лидер, инкумбент, кандидат, PR, коммуникации, воздействие.

Функционирование института политического имиджмейкинга возможно при активных воздействиях на него всех заинтересованных акторов, которые должны представлять собой коммуникативные акты.

Коммуникационное пространство и общественное мнение являются одними из наиболее важных аспектов формирования качественного образа. Составляя ясные представления об основах политического имиджмейкинга, важно ответить на вопрос: какими функциональными особенностями обладает институт политического имиджмейкинга?

Представляется важным, что для получения качественных, валидных и репрезентативных результатов аналитического исследования необходимо обращаться к источникам обеспечения работоспособности политического института. В нашем случае, особый интерес вызывает определение того, что входит в круг функционального обеспечения института политического имиджмейкинга. Определим функционирование института политического имиджмейкинга в современных политических реалиях

и постараемся определить векторы его дальнейшего развития.

Первое. В современном общественном развитии, где активно внедряются инновационные способы ведения экономической, производственной деятельности, социального обслуживания населения в течение последнего десятилетия сфера интерактивных и интегрированных коммуникаций становятся более востребованной. В этом контексте важно понимать, насколько медиатехнологии могут качественно отражать происходящие процессы и передавать коммуникационный посыл электоральным группам и общественности в целом. Функцию, соотносящуюся с этими процессами можно охарактеризовать как трансляционную.

Исследуя данную функциональную особенность, необходимо брать в расчет то, что трансляция определенной информации должна носить характер рационального посыла к аудитории конкретного политического лидера или кандидата. С.Ф. Лисовский отмечает, что трансляционная активность должна быть распространена на аудиторию с целью восприя-

тия конкретных программных установок, стратегий, проектов [5].

Формируя целостное представление о трансляционной функциональной особенности политического имиджмейкинга, стоит сказать, что современные условия и реалии сводят информирование общественности не просто в коммуникационный акт между субъектом и объектом взаимодействия, а в процесс купли-продажи информационной услуги, где политик (кандидат, инкубент) представляет собой заказчика, а общественность — покупателя, потребителя. Причем второй может и не подозревать, что на него оказывается коммуникационное взаимодействие. Таким образом, происходит управление процессами массовой коммуникации, формируя политическую ориентацию, включая в нее коммерческие аспекты воздействия ради прибыли. О подобных ориентациях говорит российский ученый, занимающийся проблемами политического менеджмента С.Н. Федорченко в своей работе «Искусство политического менеджмента». Он выделяет следующее: «Имиджмейкеры с помощью других политических консультантов — спин-докторов и PR-менеджеров создают события, исходя из знания того, что именно представляет интерес не только для целевых аудиторий, но и для самих масс-медиа, которые сильно изменившись, предпочитают освещать не политические события, а развлечения» [10, с. 68].

Продолжая исследовать трансляционную функцию, стоит отметить то, что сегодняшние избиратель (аудитория) не представляют собой неразборчивых потребителей рекламных и маркетинговых услуг спин-докторов, PR и GR-менеджеров, имиджмейкеров. Прежде всего, электоральные предпочтения в XXI веке формируются, исходя из потребительских запросов качества преподносимой услуги. «Образ гражданина-избирателя, задумывающегося о судьбе своего отечества и поэтому нуждающегося в достоверном политическом контенте, сменил образ избирателя-потребителя с неразборчивыми политическими предпочтениями, жаждущего постоянных развлечений», — считает Ж. Фарнель [9]. Здесь нельзя не согласиться, так как не перманентные ориентации формируют континуумы, на которые ориентируются как избиратели, так и сами политические лидеры.

Второе. Политический имиджмейкинг, по своей сути, имеет возможности для активизации масс и формирования из них целостной структуры, которая будет единая в своих решениях и сможет сконструировать «идеальную» модель для лоббирования интересов политического лидера. Здесь мы можем говорить о том, что при исследовании имиджевых аспектов политиков и политических институтов важным является то, что каждый из них играет определенные роли в политической среде. Соответственно, эту функцию мы можем обозначить как *мобилизационную*.

Общеизвестно, что массы в политической сфере, так или иначе, подвергаются процессам мобилизации. А если это подкрепляется качественными технологическими основами, такими как PR, реклама, паблисити, спин-докторинг и др., то и результат может быть направлен на то, что на определенном этапе акторы (может быть еще не знающие о том, что они будут принадлежать к разряду активного электората) будут качественно проинформированы и в их понимании будут выработаны определенные политические ориентации. Они будут утверждать, что необходимо поддерживать, голосовать и реализовывать свои гражданские и политические права в русле определенной политической силы. В этом аспекте выделяется, что политическая мобилизация может способствовать нарастанию реакции со стороны акторов политического действия. И здесь «задача мобилизации заключается в наложении целей движения на личные, частные интересы потенциальных его сторонников. Таким образом, необходимо задействовать такую мотивацию, которая направила бы людей на участие в этом движении, так обозначить баланс частных интересов, затрат и риска, чтобы склонить к действию» [7, с. 56]. Подчеркнем, что в качестве приводимой ими «мотивации» может быть что угодно: от мирных и вполне благородных целей и проектов до призывов к разжиганию войны и массовым убийствам. Соответствие различным социальным нормам тех или иных установок и мотиваций способствует организации/дезориентации народных масс, которыми можно управлять и формировать всевозможные модели развития событий.

Третье. Имиджевые технологии в политике стремятся к тому, чтобы с максимальной выго-

дой и привлекательностью вводить различные социальные группы в состояние всеобщей мотивации на совершение заранее запланированных действий со стороны команды политика. Чаще всего подразумевается участие в общественно-политических акциях (митингах, пикетах, шествиях и др.), голосовании за определенного кандидата и активизация внимания на политической девиации в сторону конкурирующего или оппозиционного кандидата. В данном случае мы можем констатировать существование и воздействие на электоральные группы *интегративной функции*.

Политическая интеграция электоральных групп в конгломерат людей с едиными политическими предпочтениями, социально-экономическими установками и определенным социальным статусом в обществе предполагает формирование единого электорального пула. В дальнейшем такой кластер сможет выстроить заслон перед вторжением других политических установок на закрепленный за ним территориальный, профессиональный, демографический и другого вида фронт. Интегративные основы, которые закладывают прочный фундамент для системной работы политических лидеров основан на таких индикаторах, как доверие, рациональные мышление, обоснованность принимаемых решений. В целостности, такие конструкты имеют, в том числе, свойство закладывать систему национальной безопасности в государстве за счет формирования качественных имиджевых характеристик [4].

Имиджмейкинг в сфере политики призван формировать целостные основы для продвижения тех или иных event-проектов, перформансов, партийных программ и платформ. В целом, все вышеуказанные категории и формируют единый образ политического лидера. И прежде всего основной целью создания имиджа является его продвижение для качественного проведения предвыборной кампании и прихода к власти либо удержание своих лидирующих позиций уже в процессе обладания властно-управленческими полномочиями. В этом и выражается *лоббистская функция* института политического имиджмейкинга.

В эпоху современных интерактивных технологий каждый может замечать в обыденной жизни подмену реальных вещей на копии, про-

тотипы и симуляции. К примеру, теперь можно не тратить средства на покупку реальных тропических фруктов, стоимость которых завышена в несколько раз в странах умеренного, субарктического и арктического поясов. Сегодня можно покупать заменители, подсластители и продукты, идентичные натуральным, что является более дешевым аналогом, нежели оригинал. Данная иллюстрация демонстрирует на бытовательском уровне, что благодаря умелому использованию PR-технологий, рекламы, маркетинга и лоббизма можно достигнуть значительных высот в коммерции. А если мы перенесем это на политическую сферу, то увидим схожие реалии: «замена одного другим» является уже не частным, а широко распространенным явлением. Так в одной из своих базовых работ Ж. Бодрийяр «Симуляции и симулякры» выделяет следующее: «Пропаганда становится маркетингом и мерчендайзингом главных идей, политических людей и партий с их «фирменным имиджем» [6, с. 120]. Дискурс, с которым сталкиваемся сегодня мы, формирует абсолютно новое восприятие действительности — информативное, медийное, «симуляционное». Такие аспекты современного мира сегодня и формируют политическую повестку дня, а продвигают (лоббируют) ее имиджевые технологии. Рациональное начало лоббирует, а образное, добавим к этому, имажитивное реагирует на рациональные позы и перебарывает в соответствии со своими представлениями и впечатлениями. Образные структуры, определяющие основные качества применяемых технологий являются важными аспектами при систематизации данных о проектах «идеальных» политических институтов: здесь сочетается одновременно рациональное и образное [1]

Лоббирование по средствам включения политического имиджа определенного актора включает в себя взаимодействие различных системообразующих информационных структур, которые в кооперации друг с другом могут создать отличный дискурс, внутри и вокруг которого будут выстраивать свою деятельность зависимые субъекты и объекты политики. В этом аспекте исследовательским сообществом отмечается то, что «появляется перспектива расширения средств и методов, используемых в лоббистской деятельности за счет инструментария PR, поскольку

ку лоббирование — это не только коммуникация с представителями власти, но также и технологии организации массовых акций, экспертных заключений, проведение медийных компаний и т. д.» [8, с. 164]. Добавить к этому мы можем обстоятельство, которое формирует те или иные политико-управленческие связи внутри дискурсивных практик, а именно — устойчивые в продвижении политических конъюнктур, которые проявляют свои идентичные свойства динамики [3].

Лоббизм, особо имиджевый, является одним из наиболее серьезных элементов в сфере политического имиджмейкинга: как мы уже отмечали ранее, основной игрок использует свойство рациональности по отношению к себе. Поэтому серьезное значение надо уделять тщательному планированию и дальнейшему фидбэку со стороны игрока, которому отведена роль исполнителя (зрителя) с образным свойством своей деятельности. В связи с этим возникает потребность у акторов, заинтересованных в продвижении их имиджевых технологий прибегать к применению теорий игр, которые пытаются математическими методами объяснить стратегическое взаимодействие акторов политики.

Подводя итоги рассуждению по поставленному вопросу, необходимо отметить, что функциональные особенности института политического имиджмейкинга обладают особым статусом, который определяет векторное развитие имиджевых технологий в политической сфере общества. Это значит, что дискурс вокруг со-

временных политических имиджевых технологий должен быть выстроен с учетом мнений всех заинтересованных акторов общественно-политического развития [6]. Но стоит отметить, что, как правило, то рациональное воздействие, которое оказывается на электоральные группы, возникает для оправдания действий, которые производят политтехнологи, PR и GR-менеджеры, спин-доктора и др.

В соответствии с выделенными нами функциями института политического имиджмейкинга, а именно: трансляционной, мобилизационной, интегративной и лоббистской систематизируем основные аспекты наших рассуждений. Функциональное обеспечение политического имиджмейкинга способствует раскрытию глубинных свойств и качеств воздействия одних акторов политического коммуникативного действия на другие. При этом выделенные нами функции, не претендуют на признание их в качестве истинного знания, но, по-нашему мнению, они заключают в себя наиболее общие характеристики, которыми может обладать институт политического имиджмейкинга и его структурные элементы.

Мы приходим к общему выводу, что в круг функционального обеспечения работоспособности института и структур политического имиджмейкинга входят те элементы, которые смогут качественно представлять интересы в ходе предвыборной кампании, освещения деятельности акторов: кандидатов, партий, действующих политиков и инкубентов.

Литература

- [1] Абрамов А.В., Федорченко С.Н. Исследовательский проект «идеальная партия России» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. — 2014. — № 1.
- [2] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О.А. Печенкина. — Тула, 2013. — С. 120.
- [3] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Политический тандем как инструментальный российский модернизации: смена декораций // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2012. — № 1 (13). — С. 9–15.
- [4] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Регион в системе обеспечения национальной безопасности России: дезинтеграционный потенциал // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2014. — № 2 (25). — С. 59–68.
- [5] Лисовский С.Ф. Политическая реклама. — М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. — 256 с.
- [6] Лукьянцев А.С. Трендовые основы формирования имиджа политического лидера в федеративной России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2014. — № 3 (24). — С. 96–99.
- [7] Соколов А.В., Соколова А.В. Мобилизация в общественно-политических кампаниях // Власть. — 2013. — № 11. — С. 56.
- [8] Сумская В.В. Информационно-политическое лоббирование и институционализация лоббирования // Научные ведомости. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. — 2014. — 1 (172). — С. 164.
- [9] Фарнель Ж. Лоббирование. Стратегии и техники вмешательства. — М.: А-приор, 2009. — 403 с.
- [10] Федорченко С.Н. Искусство политического менеджмента. — М.: ИИУ МГОУ, 2013. — С. 68.

УДК 316.32 + 32 + 33 + 355.233.231

ОЛЬШЕВСКИЙ Валерий Георгиевич,
кандидат экономических наук, доцент, профессор
кафедры социальных наук Учреждения образования
«Военная академия Республики Беларусь», профессор
Российской академии естествознания, г. Минск
e-mail: valgol2000@gmail.com

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ КАРТИНА МИРА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЕННОЙ СФЕРЫ И ВОЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье обосновывается необходимость переосмысления места военной сферы в системе социально-гуманитарных знаний. На основе системных представлений о социуме констатируется объективная обусловленность «присутствия» военной составляющей в экономической, социальной, политической и духовной жизни. Делается вывод о том, что военная сфера удовлетворяет не только потребности во внешней, отчасти и внутренней, безопасности, но и не менее важные потребности в самоуважении народа, его уважении со стороны мирового сообщества.

Ключевые слова: военная сфера, социально-гуманитарное знание, экономическая теория, «производственная» и «непроизводственная» сферы, Система национальных счетов, идеология национальной безопасности.

Очевидно, не будет преувеличением утверждение о том, что уровень гуманитарного осмысления военной сферы в современных условиях не соответствует ее роли в жизни общества. Поскольку в традиционном понимании основной задачей вооруженных сил является подготовка к возможной войне, отождествляемой с разрушениями и кровопролитием, гражданская наука и философия обходят военную деятельность своим вниманием. Социально-гуманитарные науки преимущественно ориентированы на описание и изучение мирного времени, поиски путей обеспечения благополучной, счастливой, духовно богатой, гармоничной жизни. Перефразируя высказывание «вычеркнутого из жизни» тоталитарным режимом известного выдающегося российского теоретика и практика военного дела начала XX в. А.Е. Снесарева, можно сказать, что гражданская наука и философия мало понимают военную сферу и обходят ее своим вниманием как нежелательную аномалию, а военные науки, занятые решением специальных задач, не в силах серьезно заняться ее гуманитарным анализом как основным вопросом [12, с. 256].

То, что военная тематика представлена в социально-гуманитарном знании чрезвычайно скромно, является серьезным пробелом в двояком отношении. С одной стороны, человечество нуждается в глубоком экономическом, социальном, политическом, философско-культурном осмыслении военной деятельности в теории военной сферы как составной части идеологии — социального компонента общего мировоззрения. С другой стороны, необходимо практико-ориентированное изучение военной деятельности как теоретическое обоснование целей и смыслов существования и развития вооруженных сил и военных организаций в целом, имеющих в большинстве стран мира. Особенно необходим такой анализ в постсоветских обществах, унаследовавших гуманистические ценности советского социума, традиционно миролюбивого, выступающего «оплотом мира во всем мире», объясняющего наличие армии и довольно масштабных военных расходов исключительно существованием «империалистической угрозы». В период глубоких мировоззренческих сдвигов в общественном сознании конца 80-х — начала

90-х гг., когда многие считали, что фактические военные усилия несопоставимы с реальными угрозами, общество оказалось на грани отказа от военной организации вообще. Это послужило духовной основой того самозабвенного энтузиазма, с которым разрушались и уничтожались в последние годы существования СССР и в постсоветских государствах оборонные структуры, конкурентоспособные военное производство и наука, эффективнейшие, не имеющие аналогов во всем мире, виды вооружений и военной техники, авторитет вооруженных сил.

Общественным взглядам на военную сферу, понимаемую как совокупность элементов, обеспечивающих военную безопасность государства в мирное и военное время, недостает главной отличительной черты мировоззрения — системности. Мировоззрение всегда несет на себе определенную печать субъективности, взгляды и убеждения опосредуются субъективным опытом людей, неразрывно связаны с их интересами, потребностями, ценностными ориентациями и установками. Уже поэтому, а также в силу сложной структуры общества, одни и те же явления получают различную оценку людей. Кроме того, мировоззрение, ценности людей характеризуются также своей общественной актуальностью. Эта особенность обусловлена самой природой человеческой деятельности и сознания. Общественное сознание, частью которого является мировоззрение, будучи по своему содержанию отражением общественного бытия, отражает не только мир как таковой, не бытие как таковое, а лишь освоенную человеком часть этого мира. Как писал Ф. Энгельс, «фактически каждое мысленное отображение мировой системы остается ограниченным объективно-историческими условиями, субъективно-физическими и духовными особенностями его автора» [8, с. 36]. Применительно к нашей теме это означает, что общество вполне закономерно по-разному относится к армии и военным усилиям в периоды войн, реальных военных угроз и в мирное время. Военные угрозы повышают социальный статус защитников Отечества, необходимость и значимость военных расходов и военного производства, а длительный мир порождает иллюзию автоматической

защищенности от внешних угроз и усиливает соблазны экономии на военной организации государства. Многие, далекие от современных политических реалий, люди просто не задумываются о том, что военная конфронтация или, по меньшей мере, жесткое, опирающееся на силу, конкурентное противостояние — повседневная реальность современного противоречивого мира. Фактически, человечество не проживает и дня без организованного вооруженного насилия, а войны являются постоянным спутником относительно мирного мирового развития и в наши дни. Воспринимаемое обыденным сознанием как само собой разумеющееся время мира — это ситуация, когда по политическим и иным причинам стреляют и проливают кровь где-то в другом месте. Поэтому военная составляющая должна быть постоянным элементом социально-гуманитарных представлений об обществе.

В большинстве развитых в политико-экономическом отношении стран мира объективная необходимость военной организации считается аксиомой даже в случаях отсутствия непосредственных военных угроз. Никому и в голову не придет называть военных «бездельниками» или «паразитами». Существование вооруженных сил считается закономерным результатом развития и углубления общественного разделения труда. Армия является атрибутом государственности. Это «оправдывает» ее существование даже в том случае, если ей не приходится воевать. Кроме того, современная государственная и военная стратегия прочно интегрировали впервые сформулированное еще в VI–V вв. до н.э. китайским полководцем и военным мыслителем Сунь-Цзы правило: важнейшей задачей армии является не победа, а недопущение войны самим фактом наличия военной мощи.

Военный фактор всегда играл значительную роль в политическом и социально-экономическом развитии народов, населяющих современное постсоветское пространство. Огромная территория, богатая природными ресурсами, всегда привлекала алчные взоры завоевателей с Востока и Запада. Это обуславливало особую необходимость в опирающейся на военную силу централизованной власти. Одной из характерных особенностей советского общества

также была исторически обусловленная высокая степень его «милитаризации» при миролюбии народа и внешней политики государства. И дело не только и не столько в значительных объемах военных расходов. Важно другое. Иерархические, по существу — военные образы мышления и действий пронизывали все общественные структуры. Н.И. Бухарин, бывший одним из ведущих теоретиков партии, нисколько не преувеличивал, когда в 1920 году говорил на IX съезде РКП (б), обосновывая необходимость милитаризации хозяйственной жизни: «Мы так построили свою собственную партию, что мы являемся самой милитаризованной организацией, которая когда-либо существовала; ведь наша партия есть военная организация почти в буквальном смысле слова. В этом обстоятельстве величайшая доблесть, величайшая сила нашей партии, по сравнению с лучшими рабочими партиями, которые существуют в мире. Она состоит в том, что мы были партией дисциплины, — партией, работающей по военному образцу» [5, с. 239]. По этому образцу и подобно строились и экономика, и другие сферы общественной жизни, формировался «социум, весь устроенный как армия, подобно армии, и устремленный к „победе“» [6].

Милитаризованным его можно называть лишь условно, поскольку милитаризм и естественное стремление государства обеспечить свою безопасность — совсем не одно и то же. В знаменитой в свое время книге «История милитаризма» американский исследователь А. Вагтс писал: «Это различие носит фундаментальный, определяющий характер. Военный подход — это прежде всего стремление сконцентрировать людские и материальные ресурсы, с тем чтобы максимально эффективно решать конкретные задачи. Милитаризм же представляет собой совокупность обычаев, представлений и интересов, которые хоть и связаны с войнами и армиями, но неизменно претендуют на гораздо большее, чем просто удовлетворение военных потребностей. Отказываясь от научного подхода, милитаризм опирается на подход кастовый и культовый, на власть и веру. Армия, устроенная так, что служит не целям подготовки к возможной войне, а интересам военных, является по своей сути милитаристской» [16, с. 13–15].

Созданная в СССР централизованно управляемая, военная по своей сути, общественная организация при всех ее противоречиях и недостатках позволила решить чрезвычайно трудные и исторически значимые в национальных и глобальных масштабах задачи. Однако теоретические вопросы о месте и роли армии и других силовых структур, при более широком подходе — военных методов решения общественных проблем в советском обществоведении остались неразработанными.

В традиционном для нашего социума общественном сознании глубоко укоренилось убеждение в негативном воздействии на социальное развитие не только войн, но и военных приготовлений. В советском обществоведении преобладали упрощенные экономические и социальные подходы, в основе которых лежало унаследованное марксизмом представление одного из самых известных социалистов-утопистов Р. Оуэна о будущем справедливом обществе без частной собственности, в котором не будет трех категорий людей — торговцев, священников и военных. Торговцев — потому что не будет товарного производства, рынка, торговли, денег и других стоимостных категорий. Священников — потому что всеобщее развитие и просвещенные люди будущего отвергнут религию как «опиум народа» (Маркс). Военных — потому что социальная революция произойдет одновременно во всех развитых странах, распространится на весь мир и приведет сначала к созданию всемирной Республики трудящихся, а затем к бесклассовому, самоуправляемому обществу без государства, противоречий и конфликтов, к всеобщему времени мира. Высказывание К. Маркса, уподобляющее войну тому, что «нация выбрасывает в воду часть своего капитала» [7, с. 29] распространялось на военные расходы в любых условиях. Они чаще всего отождествляются с милитаризацией экономики и социума в целом. С этой точки зрения можно считать приведенное выше высказывание А. Вагтса чрезвычайно актуальным.

Научная трактовка военной организации государства и военной сферы в целом в современных условиях возможна только на основе системного подхода к общественной жизни. Окружающий нас материальный, социаль-

ный и идеальный мир составляют не отдельные, изолированные друг от друга предметы, явления и процессы, а совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих объектов и субъектов, определенного рода системные, целостные образования. Можно утверждать, что системный подход к анализу живой и неживой природы является императивной предпосылкой и условием современных научных представлений о природе и обществе, научности мировоззрения как базисного компонента идеологии. В этом смысле системный подход является методологией и идеологией современной науки. В изданной еще в 70-х гг. XX в. книге под характерным названием «Взлет теории систем. Идеологический анализ» американский политолог Р. Лилиенфельд писал: «Теория систем не является философией и не является наукой; это идеология и ее надо рассматривать как таковую» [17, с. 192–193].

В современных условиях проблема системности приобрела не только методологическое, но и огромное мировоззренческое и практическое значение, особенно в так называемых транзитивных обществах, к числу которых относятся и Россия, и Беларусь. Не подлежит сомнению то, что низкая эффективность общественных реформ в странах постсоветского пространства обусловлена, наряду с другими обстоятельствами, не вполне адекватными представлениями об универсальной системности вообще и о взаимосвязях экономической, социальной, политической и духовной сфер общества в частности, и вытекающей отсюда несистемностью и непоследовательностью предпринимаемых действий. Особенно необходим системный подход для адекватного понимания военной сферы, которая чаще всего трактуется метафизически, без учета всех сложных общественных взаимосвязей.

Известно, что система (от греч. *systema*) — это целое, составленное из частей, упорядоченная совокупность взаимосвязанных, структурно субординированных элементов, обладающая организованностью, относительной замкнутостью и способностью выполнять функции, которые не могут осуществлять отдельные ее элементы. Основными признаками системы и в то же время принципами системного подхода являются целостность, слож-

ность и мультипараметричность соответствующего объекта, эмерджентность как результат его функционирования.

Целостность системы означает, что все ее элементы, будучи относительно самостоятельными, вместе с тем взаимосвязаны, образуют определенное единство, выполняя свою функцию, служат общей цели функционирования и способствуют формированию наилучших результатов применительно к определенному критерию эффективности.

Сложность системы состоит в том, что в ней можно выделить множество элементов-подсистем, и в то же время она входит в качестве подсистемы в систему более высокого порядка. При этом система может иметь несколько качественно различных уровней строения, не редуцируемых один к другому (закономерности функционирования одного уровня нельзя вывести из закономерностей другого уровня, несмотря на взаимную связь между ними).

Мультипараметричность системы означает, что изменение какого-то одного из многих ее элементов (параметров) ведет к изменению других элементов (параметров) и системы в целом. Особенно значимо это свойство в социальных системах, центральным элементом которых является человек. Действия людей обычно направлены на преодоление того или иного физиологического или психологического «недостатка» (дефицита) и тем самым — на изменения. Изменения человека ведут к изменению системы. И наоборот: изменения других элементов системы ведут к изменениям человека.

Наконец, эмерджентность системы (от англ. *emergent* — неожиданно появляющийся) означает, что система в целом приобретает свойства, не присущие ни одному из ее элементов и не сводящиеся к сумме их свойств. А результат функционирования системы дает эффект, отличный от «сложения» результатов функционирования всех входящих в систему элементов [1–3; 11].

При системном подходе вся совокупность комплексных проблем подразделяется на хорошо и слабо структурированные. Хорошо структурированные проблемы характеризуются изученностью связей и возможностью их количественного выражения. Слабо структури-

рованные проблемы наряду с формализуемыми элементами содержат неизвестные и неизмеримые компоненты. Проблемы общественного развития относятся к числу слабо структурированных. Этим объясняется сложность анализа, прогнозирования и управления социальными процессами.

Здесь следует напомнить, что термин «социальный» в буквальном переводе с латинского языка означает «общественный». В современных условиях он употребляется в широком и узком смысловых значениях. В широком смысле социальные процессы (явления, отношения) охватывают всю совокупность феноменов в четырех основных сферах общественной жизни: экономической, социальной в узком смысле, политической, духовной.

Главным критерием общественного прогресса является положение человека в обществе. В этом смысле развитие социальной сферы имеет приоритетное значение. Однако материальные основы благополучной, обеспеченной и счастливой жизни, вместе с ними и военной мощи, формируются экономикой, материальным и нематериальным производством. Экономическая и социальная сферы непосредственно связаны между собой и обуславливают друг друга. Большое влияние на положение и мироощущение человека оказывает политика государства, уровень духовности общества и отдельных индивидов. Поэтому социальное (в широком смысле) развитие является результатом взаимодействия всех перечисленных составляющих.

Положение человека определяется степенью удовлетворения его потребностей, структура которых чрезвычайно сложна и многообразна. Как известно, в экономической теории, менеджменте, психологии и других социально-гуманитарных науках, изучающих поведение человека, широко распространена классификация потребностей американского физиолога и философа А. Маслоу. Все многообразные человеческие потребности он разделил на пять групп: физиологические, потребности в безопасности и уверенности в будущем, социальные, в уважении и самоуважении, в самореализации и самовыражении. При этом потребности в безопасности трактуются очень широко, как потребности в защите от голода,

нищеты, болезней, преступников и внешних врагов. Каждый отдельный человек стремится обеспечить свое будущее и будущее своих близких приобретением солидного образования, надежной профессии, хорошо оплачиваемой работы, недвижимости, финансовых активов и т.д. Общество в целом обеспечивает безопасность созданием силовых структур и организацией обороны. В контексте рассматриваемой проблемы важно подчеркнуть: обеспечение мирных условий жизни, вооруженная защита общества (оборона) — это важнейшая, первичная потребность и отдельного человека, и народа, и государства, социума в целом.

Применение основных принципов системности к анализу военной сферы позволяет сделать вывод о том, что она органично вплетена во все сферы общества. В экономической жизни она представлена оборонно-промышленным комплексом и экономикой вооруженных сил. В социальной сфере — особенностями положения занятых в военном производстве, места военнослужащих и членов их семей в социальной структуре общества, уровня, качества и образа их жизни, отношениями военнослужащих и других социальных групп, стратификацией и отношениями в пределах армии. В политической сфере — особой ролью армии в политических процессах. Как атрибут государственности она участвует в формировании общественного сознания и мироощущения, общественной идеологии и психологии, духа патриотизма и общественного оптимизма, которые в современных условиях во многих странах стали своеобразными нематериальными «факторами производства», ускоряющими социальную динамику. Этому способствуют тесные взаимосвязи гражданских и военных составляющих в науке, образовании и подготовке кадров, в финансировании государственных расходов, в производстве и потреблении. Социальная роль военной сферы чрезвычайно противоречива, но она является неотъемлемым и объективно обусловленным элементом общественной организации.

Одной из важнейших причин недостаточного социально-гуманитарного осмысления военной деятельности является современное состояние экономической науки и других, свя-

занных с ней, социально-гуманитарных наук. Теория военной сферы фактически остается за пределами их анализа. В преподаваемых в высшей школе курсах экономической теории научные проблемы военной сферы либо вообще не ставятся, либо обозначаются лишь вскользь. В лучших случаях армию упоминают лишь при рассмотрении структуры национальной экономики. При этом ее обычно относят к так называемой «непроизводственной сфере» наряду с органами правопорядка, судебной системой, религиозными и другими общественными организациями, которые, как принято считать, существуют за счет «реальной экономики». Большинство современных справочных изданий исключают ее и из непроизводственной сферы и из экономики в целом [9, с. 800; 15, с. 801]. Правда, в некоторых «продвинутых» изданиях говорится о том, что в настоящее время термин «непроизводственная сфера» изымается из научного употребления, заменяется понятиями социально-культурная сфера, социальная сфера [4, с. 436; 13, с. 243], что само по себе проблематично, но и к этим последним армию отнести трудно.

В некоторых экономических учебных изданиях упоминается военная экономика, которую рассматривают как четвертое подразделение общественного производства наряду с производством средств производства, производством предметов потребления и производством нематериальных благ и услуг [14, с. 160], что свидетельствует о реализме подхода, но не отражает всей сложности социальных взаимосвязей. Правда при этом под военной экономикой авторы понимают изготовление вооружения и военной техники и не учитывают, что с хозяйственной точки зрения вооруженные силы также являются частью военной экономики, которая в современных условиях стала постоянным и неотъемлемым элементом экономической системы общества.

Социально-гуманитарные науки, в рамках которых анализируется современная военная сфера, должны соответствовать времени. Без учета перехода человечества на инновационный путь развития, формирования экономики, основанной на знаниях, увеличения роли человеческого капитала и инвестиций в человеческий капитал, осмысления новой роли

образования и других формирующих человеческий капитал и обеспечивающих его функционирование видов деятельности современные социально-гуманитарные науки не могут оставаться науками в подлинном смысле этого слова. Трактовка хозяйственной, точнее — производственной деятельности и связанная с ней структуризация национальной экономики приобретают в этом отношении ключевое значение. Традиционно мыслящие экономисты постсоветского пространства почему-то не задумываются о том, что начатый еще в советское время перевод национальной статистики на Систему национальных счетов означает, по существу, отказ от присущего марксистской парадигме разграничения и противопоставления «производственной» и «непроизводственной» сфер. Принципиально меняется и трактовка образования, здравоохранения, науки, научного, информационного, рекреационного обслуживания, других видов сервисной, в том числе и военной, деятельности как непроизводительных [10]. В этом контексте деятельность военнослужащих и получение ее общественно-необходимого результата (обеспечение внешней и отчасти внутренней безопасности, оборона) выступают как производство абсолютно общественного блага. Поскольку отличительным признаком общественных благ вообще, обороны, военной безопасности в особенности, является неисключаемость ни одного субъекта общественных действий из их потребления, эти услуги предоставляются не только государству и обществу в целом, но и каждому отдельному индивиду.

Военная сфера как единство всех элементов общественных структур, обеспечивающих военную безопасность, является перманентной и интегрированной подсистемой социума в целом, системы социальных отношений в широком смысле. Четко определить ее границы невозможно в силу специфики военного производства и потребления.

Военно-техническая и кадровая оснащенность вооруженных сил закладывается на дальних подступах к собственно военному производству и потреблению: в базовых отраслях (добывающая промышленность, металлургия, машиностроение), инфраструктуре материального и нематериального производства. Усло-

вием производства и эффективного применения конечной военной продукции является формирование и развитие человеческого потенциала, удовлетворение потребностей работников оборонного производства, военнослужащих и гражданского персонала вооруженных сил. Эти потребности обеспечиваются отраслями, производящими потребительские товары — сельским хозяйством, пищевой и легкой промышленностью. Армия и другие силовые структуры потребляют также множество других видов продукции общего назначения — ткани, лекарства, нефтепродукты, автобусы, холодильники, телевизоры, мебель, цемент, уголь и др. Важнейшее значение для обеспечения обороноспособности государства имеет качество человеческого потенциала обороны. В наиболее общей постановке в узком смысле он представляет собой совокупность физических, интеллектуальных и духовных сил и качеств людей, вовлеченных в военную сферу, принципиально влияющих на результаты ее функционирования. Поскольку войны выигрываются не армиями, а народами, человеческий потенциал обороны в широком смысле — это совокупность сил и качеств всего населения, влияющих на обороноспособность страны. Таким образом, обеспечение военной безопасности как составного компонента национальной безопасности в современных условиях

требует сбалансированного и согласованного развития всех отраслей экономики, всех сфер общества в целом.

Подобная широкая социально-гуманитарная трактовка военной сферы чрезвычайно важна для формирования адекватной современным реалиям идеологии национальной безопасности как составной части государственной идеологии, включающей общие принципы безопасной жизнедеятельности, понимание гражданами страны объективной необходимости, роли и места вооруженных сил и военной организации в целом в системе общественного разделения труда и атрибутов государственности, настоятельной потребности постоянного качественного их совершенствования.

Обобщая все изложенное, подчеркнем: военная сфера, обеспечивающая общие условия существования и развития социума, нуждается в постоянной заботе и внимании власти, общества, науки. Следует помнить, что она удовлетворяет не только потребности во внешней, отчасти и внутренней, безопасности, но и, при условии их соответствующего состояния, не менее важные потребности в самоуважении народа, его уважении со стороны мирового сообщества. Таким образом, ее роль отнюдь не исчерпывается выполнением функций по обеспечению военной безопасности.

Литература

- [1] Алексеев П.В. Социальная философия: учеб. пособие. — М.: ТК Велби, 2003. — 256 с.
- [2] Афанасьев В.Г. Системность и общество. — М.: Политиздат, 1980. — 368 с.
- [3] Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. — М.: Наука, 1973. — 270 с.
- [4] Борисов А.Б. Большой экономический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Книжный мир, 2009. — 860 с.
- [5] Девятый съезд РКП (б). Март — апрель 1920 г.: протоколы. — М.: Партиздат, 1934. — 618 с.
- [6] Крылов К. К философии армии // Отечественные записки. — 2002. — № 8 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=9&article=360>
- [7] Маркс К., Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — М.: Госполитиздат, 1961. — С. 5–338.
- [8] Маркс К. К критике политической экономии (черновой набросок 1857–1858 годов) // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. — 2-е изд. — Т. 46. — Ч. I. — М.: Политиздат, 1968. — 559 с.
- [9] Новый энциклопедический словарь. — М.: Большая Рос. энцикл., РИПОЛ КЛАССИК, 2004. — 1455 с.
- [10] Ольшевский В.Г. Макроструктура национальной экономики в контексте системного подхода // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд: сб. мат-лов XII Междунар. науч.-практич. конф. / под общ. ред. С.С. Чернова. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. — С. 33–37.
- [11] Ольшевский В.Г. Экономическая система общества как институционализируемая экономическая культура // Институциональные закономерности устройства и эволюции социально-экономической системы Беларуси: мат-лы и докл. науч. конф.: В 2 ч. — Ч. 1. Мн.: Изд-во БГУ, 2004. — С. 198–207.
- [12] Снесарев А.Е. Философия войны. — М.: Финанс. контроль, 2003. — 287 с.

- [13] Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2005. — 946 с.
- [14] Теоретическая экономика. Политэкономия: учеб. для вузов / под ред. Г.П. Журавлевой и Н.Н. Мильчаковой. — М.: Банки и биржи; ЮНИТИ, 1997. — 485 с.
- [15] Экономическая энциклопедия / Науч.-ред. совет изд-ва «Экономика»; Ин-т экон. РАН; гл. ред. Л.И. Абалкин. — М.: Экономика, 1999. — 1055 с.
- [16] Vagts A. A history of Militarism: Civilian and Military. — New York: Meridian Books, 1959. — 394 p.
- [17] Lilienfeld R. The Rise of System Theory. An Ideological Analysis. — N.Y.: John Wiley&Sons, 1978. — 328 p.

УДК 327 (575.2+470)

ХАЛАНСКИЙ Игорь Викторович,кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой политологииКиргизско-Российского Славянского университета, г. Бишкек
e-mail: igor_halanskii@mail.ru

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ КИРГИЗСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья освещает наиболее важные аспекты развития киргизско-российских отношений, сложившихся к началу второго десятилетия XXI века.

Ключевые слова: Киргизская Республика, Российская Федерация, киргизско-российские отношения, стратегическое партнерство.

Современные киргизско-российские отношения отличаются достаточно высоким уровнем политического взаимодействия. Интенсивный характер носит обмен письмами и посланиями руководителей государств по различным вопросам двусторонних отношений и многостороннего международного сотрудничества. Контакты на уровне руководителей государств осуществляются как на уровне заседаний высших органов региональных международных организаций (СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ и ШОС), так и на двусторонней основе. В 2012 году Президент Киргизской Республики (КР) трижды посетил Российскую Федерацию. В мае делегация КР приняла участие в юбилейной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ и неформальном заседании Совета Глав государств СНГ, а в июне Президент КР по приглашению Президента РФ принял участие в «Российском Давосе» — Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге. В сентябре 2012 г. КР посетил Президент РФ В.В. Путин. В совместном заявлении президентов двух стран нашли отражение ведущие сферы двустороннего взаимодействия [8]. 5 декабря 2012 г. на саммите ШОС в Бишкеке состоялась встреча Президента КР и Премьер-министра РФ.

Развивается диалог на межправительственном уровне. В июле 2012 г. в Москве с рабочим визитом побывал Премьер-министр КР. В августе КР посетила делегация во главе

с Первым заместителем Председателя Правительства РФ. В ходе переговоров стороны достигли принципиальных договоренностей по военному и энергетическому сотрудничеству, а также вопросам реструктуризации государственной задолженности КР перед РФ [5].

Активное сотрудничество налажено между внешнеполитическими ведомствами обеих стран. В апреле 2012 г. состоялся рабочий визит Министра иностранных дел РФ в Бишкек, приуроченный к 20-летию установления дипломатических отношений между РФ и КР. В рамках поездки состоялось подписание межправительственного Соглашения о сотрудничестве в гуманитарной сфере и Программы сотрудничества между внешнеполитическими ведомствами двух стран на 2012 год [6]. Кроме того, было принято совместное заявление министров иностранных дел РФ и КР.

Межпарламентские связи развиваются как на многосторонней основе (в рамках МПА СНГ, ОДКБ и ЕврАзЭС), так и в двустороннем формате. В марте и мае 2011 г. с рабочими визитами РФ посетил Председатель Парламента КР, в ходе которых он был принят руководителями ряда ведомств РФ, а также ознакомился с инвестиционным потенциалом Республики Татарстан. В целях обсуждения текущего состояния и перспектив взаимодействия представителей высших законодательных органов двух стран создана постоянная диалоговая площадка — Межпарламентская комиссия по сотруд-

ничеству между Федеральным Собранием РФ и Парламентом КР. Третье заседание Комиссии состоялось в июле 2012 г. в Москве. В ходе встречи парламентарии обсудили меры по расширению русскоязычного культурно-образовательного пространства в КР, а также миграционную проблематику, которая является важной частью двустороннего взаимодействия.

Консульское и миграционное взаимодействие осуществляется на основании Договора между РФ и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, Консульской конвенции между РФ и КР [2], Соглашения между Правительством РФ и Правительством КР о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев [9], Договора между РФ и КР о правовом статусе граждан РФ, постоянно проживающих на территории КР, и граждан КР, постоянно проживающих на территории РФ, Соглашения между Правительством РФ и Правительством КР о трудовой деятельности и социальной защите трудящихся-мигрантов [10], Соглашения между РФ и КР об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами РФ, прибывающими для постоянного проживания в КР, гражданами КР, прибывающими для постоянного проживания в РФ, и выхода из прежнего гражданства, Протокола о сотрудничестве между Министерством юстиции РФ и Министерством юстиции КР в области исполнения уголовных наказаний, Соглашения между Министерством внутренних дел РФ и Министерством иностранных дел КР о сотрудничестве в области миграции. Трудовые мигранты из КР вносят значительный вклад в экономику республики благодаря высокому уровню сотрудничества с РФ в области миграции.

Основу договорно-правовой базы торгово-экономического сотрудничества КР и РФ составляют 17 соглашений и протоколов. Россия является ведущим торговым и экономическим партнером КР. Внешнеторговый оборот с РФ составил в 2011 году 25,9% от общего объема экспортно-импортных операций КР и достиг 1709,3 млн дол. (рост на 27,8% по сравнению с 2010 годом). Внешнеторговый оборот КР и РФ за январь-сентябрь 2012 г. составил 1428,7 млн дол. (увеличился по сравнению

с аналогичным периодом 2011 года на 21,9%). Экспорт — 171,1 млн дол. (снижение — 19,2%). Импорт — 1257,6 млн дол. (увеличение — 31,0%). Удельный вес РФ во внешнеторговом обороте КР — 29,3 млн долларов [4].

Наиболее крупные совместные российско-киргизские экономические проекты разрабатываются в электроэнергетическом секторе и газовой отрасли. Активизировалось российско-киргизское сотрудничество по основным проектам в топливно-энергетической сфере. В ходе визита Президент РФ в КР подписаны соглашения о строительстве и эксплуатации Верхне-Нарынского каскада ГЭС и Камбаринской ГЭС-1, о реструктуризации задолженности КР перед РФ [11]. Достигнута договоренность проработать до 1 ноября 2012 г. возможность реконструкции Бишкекской ТЭЦ-1. В газовой области сотрудничество осуществляется в рамках Соглашения между ОАО «Газпром» и Правительством КР о сотрудничестве в газовой отрасли от 16 мая 2003 г. Идет работа по актуализации программы геологического изучения недр на площадках КР «Кугарт» и «Восточный Майлису IV». 11 апреля 2012 г. принята Программа мероприятий по проработке общих принципов и основных условий осуществления проекта участия ОАО «Газпром» в приватизации части принадлежащего КР пакета акций ОАО «Кыргызгаз».

Ряд экономических проектов с полным или частичным участием РФ по разработке месторождений полезных ископаемых в КР находятся в 2012 году в процессе предварительной проработки. В частности, Министерство природных ресурсов КР рассматривает инвестиционное предложение российской компании «Полюс Золото» по участию в освоении месторождений на территории КР.

10 октября 1997 г. была создана Межправительственная киргизско-российская комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и гуманитарному сотрудничеству (МПК), в ходе заседаний которой обсуждаются наиболее важные вопросы двустороннего сотрудничества. 28 апреля 2012 г. в Бишкеке состоялось 14 заседание МПК. Были обсуждены вопросы двустороннего сотрудничества в области электроэнергетики, нефтегазовой отрасли, промышленности, сельского хозяйства,

транспорта, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, образования и науки, таможенной сферы, миграции, банковской сферы и туризма. Стороны обменивались информацией о мероприятиях по реализации Программы экономического сотрудничества между правительством РФ и правительством КР на 2010–2013 гг.

Основные решения МПК, согласно Протоколу: продолжить работу по согласованию проектов соглашений о строительстве и эксплуатации Камбаратинской ГЭС-1, а также Верхне-Нарынского каскада ГЭС; рассмотреть возможность поставок электроэнергии из КР в Россию в 2012 году; ОАО «Газпром» и Правительству КР возобновить работы по геологическому изучению недр на лицензионных площадях КР — «Кугарт» и «Восточный Майлису IV»; проработать условия взаимного осуществления проекта участия ОАО «Газпром» в приватизации части пакета акций ОАО «Кыргызгаз»; продолжить работу по дальнейшему развитию сотрудничества по изготовлению и поставке предприятиям РФ оборудования, приборов автоматического контроля, узлов, деталей и комплектующих для технологического оборудования; проработать вопрос строительства в КР при участии российской стороны комбината по производству мяса бройлеров и модульного мясокомбината средней мощности; продолжить реализацию мероприятий, связанных с исполнением Межгосударственной целевой программы «Рекультивация территорий государств ЕвразЭС, подвергшихся воздействию уранодобывающих производств»; в первом полугодии 2012 года провести заседание Совместной российско-кыргызской рабочей группы по обсуждению проблемных вопросов, возникающих при реализации Соглашения между правительством КР и правительством РФ о трудовой деятельности и социальной защите трудящихся-мигрантов от 28 марта 1996 г. и Протокола к нему от 22 сентября 2003 г., а также иных вопросов в области миграции, представляющих взаимный интерес; продолжить проведение курсов повышения квалификации преподавателей русского языка и литературы школ КР; разработать концепцию совместного инновационного научно-образовательного про-

екта «Консорциум технических университетов КР и РФ» и пр. [14].

В 2009 г. Россия предоставила РФ государственный кредит в размере 300 млн дол. и оказала безвозмездную финансовую помощь в размере 150 млн дол. В настоящее время достигнута договоренность о списании 489 млн дол. долга КР перед РФ. Часть суммы в размере 189 млн долларов. Уже списана единовременно в полном объеме, другая часть в размере 300 млн дол. будет списываться равными долями по 30 млн дол. в год, начиная с 2016 г.

Посольство РФ на регулярной основе оказывает помощь школам и детским домам. Начальным и средним образовательным учреждениям КР передано около 360 тыс. экземпляров учебной, художественной и методической литературы. Одновременно действуют программы, направленные на расширение гуманитарного сотрудничества. Ряд школ КР подключены к российскому образовательному каналу «Школьник ТВ». Реализуется программа «Московский аттестат», дающая возможность старшеклассникам пройти курс дистанционного обучения и получить российский аттестат. Специалистами в области профессионально-технического образования ведется работа по изучению возможности восстановления или создания совместных учреждений для подготовки кадров, которые были бы востребованы на российском рынке труда.

Базовой основой для развития научных связей является Соглашение о сотрудничестве между Российской академией наук (РАН) и Национальной академией наук (НАН) КР, подписанное в 2003 году. В рамках Соглашения осуществляется обмен учеными, включая участников семинаров, симпозиумов и конференций, на бесплатной основе размещаются публикации научных работ. Одновременно киргизские ученые имеют возможность ознакомиться с последними научными исследованиями российских коллег. НАН КР поддерживает связи с научными учреждениями России.

Примером киргизско-российского взаимодействия в сфере научных исследований является геодинимический полигон. Ранее полигон был станцией Института высоких температур. В результате совместного постановления, объект приобрел статус международного. На стан-

ции трудятся ученые не только из РФ и КР, но и ряда других стран, ведутся совместные электромагнитные и сейсмологические наблюдения.

В марте 1996 г. подписано Соглашение между Правительствами РФ и КР о сотрудничестве в сфере высшего образования, согласно которому на базе государственных высших учебных заведений обеих стран в двустороннем порядке могут создаваться филиалы. В настоящий период в КР действуют филиалы российских вузов: филиал Балтийского государственного технического университета «Военмех», Бишкекский филиал «Международного славянского института», Киргизско-Российская академия образования, Бишкекский филиал «Российского государственного торгово-экономического университета», филиал Российского государственного социального университета в г. Ош, Бишкекский, Каракольский и Ошский филиалы Московского института предпринимательства и права. В соответствии с Соглашением установлена квота приема на обучение граждан РФ и КР в вузы стран. РФ предоставляет бюджетные места для киргизстанцев соотечественников, постоянно проживающих в республике. Актом доброй воли РФ является вступивший в 2012 году в силу Закон о признании документов об образовании КР [12].

Научно-техническое сотрудничество между РФ и КР осуществляется на основе Соглашения, подписанного в октябре 1997 года. Примером эффективного двустороннего взаимодействия в сфере высшего образования является Киргизско-Российский Славянский университет (КРСУ), на базе которого функционирует научно-исследовательский институт регионального славяноведения. Предметом исследований служат взаимоотношения славянского и тюркоязычного миров в свете новых геополитических отношений. НИИ в рамках российской федеральной программы «Русский язык» опубликовал ряд работ, определяющих концептуальные позиции официального языка страны. При содействии Посольства РФ институт (с 2003 г. по настоящее время) принимает участие в работе курсов повышения квалификации учителей русского языка.

В марте 2011 г. подписано Соглашение между Правительством РФ и Правительством КР

об учреждении и условиях деятельности Российского центра науки и культуры в г. Бишкеке и Кыргызского Дома науки и культуры в г. Москве. В апреле 2012 г. подписано Соглашение между Правительством РФ и Правительством КР о сотрудничестве в гуманитарной сфере.

Сотрудничество в гуманитарной и социальных сферах осуществляется на основе Соглашения между Правительством РФ и Правительством КР о статусе корреспондентов СМИ РФ в КР и корреспондентов СМИ КР в РФ, Соглашения между Правительством РФ и Правительством КР о сотрудничестве в области гражданской обороны, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, Соглашения между Правительством РФ и Правительством КР о сотрудничестве в области гражданской обороны, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, Соглашения между Министерством здравоохранения РФ и Министерством здравоохранения КР о сотрудничестве в области здравоохранения и медицины, Меморандума о сотрудничестве в социально-трудовой сфере между Министерством труда и социального развития РФ и Министерством труда и социальной защиты КР.

Развитие взаимовыгодных политических, торгово-экономических и культурных связей КР с субъектами РФ занимает заметное место во взаимодействии двух стран. На данный момент подписано более 30 договоров и соглашений о разностороннем межрегиональном сотрудничестве. Из 83 субъектов РФ 76 имеют торгово-экономические и иные связи с КР. Взаимодействие идет также по линии торгово-промышленных палат обоих государств (подписано 18 двусторонних соглашений).

Общий объем российской гуманитарной помощи КР (не считая взносы в институты ООН), начиная с 2010 г., составил порядка 50 млн дол. Кроме того, существенной поддержкой для КР стала отмена таможенных пошлин на ГСМ, экспортируемых из России, с февраля 2011 г. В 2011 году около 800 госслужащих КР прошли обучение по гранту России в размере 2,8 млн дол.

С 2010 по 2012 гг. РФ оказала КР помощь в размере 60 млн дол. США [3]. За два года оказана помощь в размере 45 млн дол., в том числе 20 млн дол. были выделены в рамках со-

действия по международному развитию ООН на ликвидацию чрезвычайных ситуаций и поддержку бюджета. В 2012 году Россия выделила грант в 25 млн дол. на поддержку бюджета КР. Кроме того, глава Правительства РФ подписал соглашение о выделении КР 20 тыс. т зерна.

РФ активно поддержала процесс вступления КР в ТС, оказала Кыргызстану политическую поддержку [1; 13, с. 25–35]. 29 мая 2014 г. Россия, Белоруссия и Казахстан подписали договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), который вступил в силу с 1 января 2015 г. Создание Союза выводит страны-участницы на более высокий уровень интеграции. Три государства берут обязательства гарантировать свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы [7], осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики: в энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте. Таким образом, завершается формирование крупнейшего общего рынка на пространстве СНГ в 170 млн чел., который станет новым мощным центром экономического развития. Формирование интеграционного альянса в форме конфедеративного союза проходит

три стадии: зону свободной торговли в рамках СНГ, Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС и Единое экономическое пространство (РФ, РК, РБ), состоящее из ряда проектов и соглашений, членство в которых определяется каждой страной самостоятельно. Общая схема выглядит следующим образом: СНГ (Зона свободной торговли) → Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) (2001) (в его рамках Таможенный союз (2010)) → Единое экономическое пространство (2012) → Евразийский экономический союз (2015) → Евразийский Союз (ЕАЭС) (после 2015).

Таким образом, эти позитивные результаты были достигнуты в первую очередь благодаря особому вкладу России и сохранению ее роли в качестве ведущего международного партнера Киргизии. Лишь преобладание значительной геостратегической помощи России способствовало сохранению здесь уникальной в своем роде конфигурации политического и экономического взаимодействия, позволявшей предотвратить дестабилизацию политической и экономической обстановки и обеспечить Киргизии относительно комфортное существование.

Литература

- [1] Выступление и ответы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел КР Э.Б. Абдылдаевым, Москва, 8 октября 2012 г. — [Электронный ресурс]. — URL: http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/archive/country/10927
- [2] Консульская конвенция между Российской Федерацией и Киргизской Республикой (Бишкек, 25 января 1994 г.).
- [3] Крутько А. С 2010 года Россия оказала Кыргызстану помощь в размере 60 миллионов долларов / Тез. докладов II кыргызско-российской межрегиональной конференции «Расширение межрегионального сотрудничества Кыргызстана и России, как вектор обеспечения устойчивого развития экономики» (Бишкек) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kabar.kg/rus/economics/full/44819> (дата обращения 01.12.2012).
- [4] НСК КР. Социально-экономическое положение КР за январь-октябрь 2012 г. (Бишкек) — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.stat.kg/> (дата обращения 21.11.2012).
- [5] Посольство РФ в КР. Киргизско-российские отношения. Политические контакты [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kyrgyz.mid.ru/> (дата обращения 28.11.2012).
- [6] Программа сотрудничества между Министерством иностранных дел Российской Федерации и Министерством иностранных дел Киргизской Республики на 2012 год (Бишкек, 5 апреля 2012 г.).
- [7] Путин одобрил смягчение миграционного режима между РФ и КР [Электронный ресурс]. — URL: <http://rus.azattyk.org/content/article/27076485.html> (дата обращения 16.10. 2015)
- [8] Совместное заявление по итогам официального визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в Киргизскую Республику (Бишкек, 20 сентября 2012 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kyrgyz.mid.ru/dog.html>
- [9] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев (Бишкек, 18 июля 1995 г.),

включая Протокол между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством иностранных дел Киргизской Республики о порядке реализации указанного Соглашения (Москва, 18 апреля 2003 г.) и Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о продлении срока его действия (Москва, 12 июля 2004 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kyrgyz.mid.ru/dog.html>

[10] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о трудовой деятельности и социальной защите трудящихся-мигрантов (Москва, 28 марта 1996 г.), включая Протокол о внесении изменений и дополнений в указанное Соглашение (Москва, 22 сентября 2003 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kyrgyz.mid.ru/dog.html>

[11] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики об урегулировании задолженности Киргизской Республики перед Российской Федерацией по ранее предоставленным кредитам (Бишкек, 20 сентября 2012 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kyrgyz.mid.ru/dog.html>

[12] Федеральный закон Российской Федерации от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования процедур признания документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122561/

[13] *Халанский И.В.* Киргизия и евразийское пространство: возможности интеграции // Материалы XXXIII Международной науч.-практич. конф. «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история»: сб. статей. № 1 (33). — Новосибирск, 2014. — С. 25–35.

[14] Четырнадцатое заседание Межправительственной российско-киргизской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и гуманитарному сотрудничеству. Посольство РФ в КР. Киргизско-российские отношения [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kyrgyz.mid.ru/> (дата обращения 28.11.2012).

УДК 323(470)

ГОЛОВКО Юлия Марковна,
кандидат исторических наук,
докторант кафедры национальных и федеративных отношений
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва
e-mail: fom16@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ЛИФТЫ И РЕКРУТИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Возможность развития молодежных политических элит и ее рекрутирования заключается в возможности формирования из нее нового управленческого слоя, способного возглавлять крупные государственные, общественные и бизнес структуры. Современное общество остро нуждается в системной работе с молодежной аудиторией, поэтому органы государственной власти стремятся интегрировать усилия для системной работы в данном направлении, но все же существуют проблемы, которые приходится решать. Одна из главных — недоверие к молодежным элитам и их действиям. В данной статье наш исследовательский интерес обуславливается определением этапов образования такой социальной категории как «молодежная элита» в постсоветской и современной России и перспектив формирования социальных лифтов для рекрутмента молодежной аудитории во власть.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, молодежные политические элиты, социальные лифты, кадровая политика, лидерство, государственная молодежная политика, политическая регионалистика и этнополитика.

Молодежная политика постсоветской российской власти постепенно трансформировалась по мере возникающих вызовов. Н.М. Красникова выделяет три этапа эволюции государственно-молодежных отношений, обусловленных трансформационными процессами, происходящими в политической системе государства: изменением характера политического режима, складыванием партийной системы государства, электоральными циклами, а также процессом формирования институционально-правовых основ молодежной политики в государстве [1].

Первый этап развития государственно-молодежных взаимодействий в постсоветской России можно условно датировать первой половиной 1990-х годов.

Политическая ситуация периода распада СССР и либеральных реформ, получивших название «шоковой терапии», характеризовалась двумя базовыми чертами: кризисом легитимности и фрагментацией политической

системы. Возникло резкое отторжение у части общества новых властных институтов, напротив — для значительной части молодого поколения была характерна делегитимизация традиционных для советского общества органов власти, что не в последнюю очередь было спровоцировано целенаправленной антисоветской кампанией в годы перестройки. В результате обозначились заметные межпоколенческие разрывы в массовом сознании по поводу «должной» социально-политической системы.

Фрагментация политической системы в начале 1990-х гг. затронула не только партийную структуру КПСС и советы, но и спровоцировала распад таких центральных для общества институтов, как профсоюзы и комсомол, которые наряду с партийными организациями играли определяющую роль в советской общественной системе, мобилизуя широкие слои населения на реализацию властных решений. Кризис коммунистической молодежной структуры проявил-

ся в двух ипостасях — на идейно-политическом и структурно-организационном уровнях. Произошел фактический распад главного института молодежной социальной мобильности.

В условиях резкого перехода к капиталистическому пути развития возникла тенденция коммерциализации комсомола, что само по себе является доказательством его кризиса и разрушения как коммунистической организации молодежи. В 1990 году под эгидой комсомола функционировало свыше 4000 малых предприятий [2].

Общая волна демократического движения, глубокие расколы в общественной самоидентификации, а также кризис и дальнейший распад комсомола способствовали формированию различных молодежных общественных и политических движений. Возникают Российский союз молодежи, Молодежный союз юристов, сосредоточившие свою деятельность на представлении и защите интересов молодежи как особой социально-демографической группы.

В условиях кризиса советской и становления новой — демократической — политической системы в начале 1990-х гг. на федеральном уровне требовались переосмысление принципов и направлений работы государства с молодежью, выработка новых подходов к воспитанию молодого поколения в соответствии с ценностями зарождающейся системы. Одним из эффективных инструментов формирования молодого поколения, обладающего политическим сознанием с системой демократических ценностей и установок, являлась государственная молодежная политика. Федеральный центр берет на себя инициативу по формированию институционально-правовой базы молодежной политики, появляется ряд законодательных актов, определяющих понятие и основные направления молодежной политики (Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» (1991 г.); Указ Президента Российской Федерации «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» (1992 г.); «Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации» (1993 г.).

В первой половине 1990-х гг. молодежные общественные движения лишь пытались вос-

полнить нарушенную обратную связь между молодежью и государством в лице властно-управленческих органов, занимающихся проведением молодежной политики, инициируя формирование механизма прямого диалога активистов молодежных организаций с представителями властных структур. Молодежные движения стремились получить возможность прямого представительства своих интересов и устанавливать систему контактов с органами власти, позволяющую оказывать влияние на проведение молодежной политики.

Институционализация молодежных движений и общественно-политических организаций на первом этапе заключалась лишь в законодательном признании права на функционирование. Становлению новых молодежных организаций не препятствовали, но использовали механизмы взаимодействия лишь ситуативно, как правило, во время проведения той или иной предвыборной кампании. К участию в процессе принятия решений молодежные организации почти не допускали, не признавая, таким образом, в них акторов политической системы.

Второй этап во взаимодействии государства с молодежными организациями и движениями в Российской Федерации начинается с принятия Федерального закона о государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в 1995 году, который принимается с учетом грядущего высококонкурентного электорального цикла.

Согласно Федеральному закону 1995 года, государство вводило реестровый механизм во взаимоотношениях с молодежными общественными организациями. Данный механизм предполагал оказание со стороны государства финансовой, административной, консультационной и иной поддержки тем молодежным движениям и организациям, деятельность которых укладывалась в рамки проводимого в стране реформистского курса. Для молодежных общественных организаций реестровый механизм стал своего рода гарантией нормальных условий существования и функционирования.

Означенный механизм, принятый российской властью в 1995 году, логически укладывался в рамки подготовки к крайне важной для нее президентской кампании 1996 года,

на которых решался дальнейший курс развития страны. Был заключен негласный социальный контракт — власть предоставляла активным слоям молодежи возможности для социальной реализации, и, в свою очередь, рассчитывала на ее электоральную поддержку.

В дальнейшем, со второй половины 1990-х годов, началось формирование оппозиционными политическими партиями собственных дочерних и близких молодежных организаций. Возникают «Союз коммунистической молодежи», «Соколы Жириновского», Молодежное «Яблоко», Авангард красной молодежи. На тот момент участие в деятельности данных объединений, за исключением последнего, вполне могло служить социальным лифтом. КПРФ сумела продвинуть своих ставленников на два десятка губернаторских постов и заняла сотни депутатских мест в различных органах представительной власти. Либеральная часть элиты имела сильные позиции в федеральных и московских государственных и корпоративных структурах.

В целом государственная молодежная политика на первых двух этапах носила паллиативный характер. Действующая власть не стремилась заменить распавшуюся комсомольскую организацию новой структурой, с иным идеологическим наполнением, но теми же функциональными характеристиками. Политика реестра не носила стратегического характера и не задавала направления развития молодежных организаций. Более системно пытались действовать оппозиционные партии, но у них по определению было меньше ресурсов.

Третий этап реализации государственной молодежной политики начинается с момента прихода к власти В.В. Путина и продолжается по сей день.

Путинский режим считается достаточно авторитарным, подвергается резкой критике с либерально-демократических позиций, но в сфере практического целеполагания новый режим сделал несколько шагов вперед. Изначально был взят курс на формирование позитивной российской идентичности, и направлен он был, прежде всего, на «несоветские» молодежные слои населения [4]. Уже в январе 2000 г. была создана межрегиональная моло-

дежная общественная организация «Идущие вместе». Общий ее курс носил либерально-государственнический характер и опирался на ценности свободы и патриотизма.

Решительная активизация молодежной политики была обусловлена также действием двух видов социально-политических факторов — внешних и внутренних.

Факторами первого из них выступили события начала 2000-х годов на территории Югославии, Грузии и Украины, где специально сформированные молодежные организации выступили авангардом так называемых «цветных революций», которые привели к смене власти в данных государствах.

Факторами второго ряда стало, с одной стороны, появление в стране городских по преимуществу слоев новой, уже полностью постсоветской молодежи, выросшей в условиях открытого общества, желающей европейского пути развития, но и в тоже время не готовой жертвовать национальными интересами. С другой — завершение процесса передела собственности резко сузило возможности экономических социальных лифтов для молодежи.

Можно выделить несколько отличительных особенностей нового этапа.

1. Возникновение значительного количества молодежных провластных политических организаций («Молодая гвардия», «Наши», Евразийский союз молодежи, «Россия молодая», «Местные»).

2. Активное вмешательство действующей российской власти системы в работу с молодежными политическими, социальными, культурными организациями. В школах, ссузах и вузах начинают проводиться мероприятия, направленные на воспитание «российского патриотизма», а также лояльности к действующей властной элите, политическому курсу и государственному устройству.

3. Применение властью новых механизмов для интеграции политически и общественно активной молодежи в политическую систему, а в дальнейшем — и в политическую элиту. Основными механизмами здесь выступают молодежный парламентаризм и проектная деятельность. Оба механизма способствуют развитию инициативности молодежи, формированию ее гражданских качеств, а также овладению пер-

воначальными профессиональными управленческими навыками.

При этом как молодежный парламентаризм, так и проектная деятельность обладают рядом ограничений для молодежи по возможности влияния на политический процесс, поскольку как организационный состав молодежного парламента, так и окончательное решение по финансированию проекта, предложенного молодежной организацией, принимаются органами власти. Политическая практика предоставляет множество фактов, когда органами власти поддерживаются проекты, соответствующие общей стратегии политического курса региона или государства в целом, а в молодежные парламенты не допускаются представители оппозиционных молодежных организаций.

Переходя от общего к частному, мы можем отметить, что привлечение молодежи к работе в органах государственного и муниципального управления является не идеологическим нарративом, а актуальной потребностью всех уровней власти. Эта проблема особенно актуальна для депрессивных территорий и моногородов, в которых отток населения, в первую очередь его молодой и мобильной части, накладывает объективные ограничения на поле выбора возможных кандидатов.

Одним из наиболее активных способов рекрутирования молодежи в элитно-управленческие структуры являются выборы в местные органы представительной власти. Во время работы в муниципальных и региональных представительных органах представители молодежи получают серьезный опыт участия в политическом процессе, знания и опыт решения ре-

альных проблем населения, становятся более подготовленными к дальнейшему продвижению в сфере государственного и муниципального управления.

Так, по инициативе Московского городского отделения «Молодая гвардия «Единой России», Департамента территориальных органов исполнительной власти и Московского центра местного самоуправления создан Клуб молодых депутатов муниципальных собраний внутригородских муниципальных образований.

Основной целью создания Клуба является повышение интереса молодежи к участию в деятельности органов местного самоуправления и налаживание взаимодействия между молодыми депутатами для наиболее эффективной работы с населением [3].

4. Системная работа по маргинализации таких политических организаций как Авангард красной молодежи, «Оборона», Молодежные «Яблоко», которые оказались фактически выключенными из политической системы.

Таким образом, на третьем этапе отчетливо проявились себя две тенденции. С одной стороны, это встраивание в политическую систему молодежных общественных и политических организаций с потерей ими статуса выразителей интересов общества и подконтрольным государству положением (Российский союз молодежи, «Наши», «Молодая гвардия» и др.). С другой стороны, это исключение из процесса принятия и реализации политических решений тех молодежных организаций, которые не интегрированы в политическую систему и осуществляют относительно независимую от власти деятельность (Авангард красной молодежи, «Оборона» и др.).

Литература

- [1] Красникова Н.М. Взаимодействие и взаимовлияние молодежной политики и молодежного движения в современной России: дис. ... канд. полит. наук. — Пермь, 2008. — С. 217.
- [2] Красильников Д.Г. Межсистемные политические ситуации в России в XX веке. — Пермь, 2001. — С. 203.
- [3] Немерюк А.А. Актуальные вопросы молодежных организаций в современной России и перспективы их решения // Вестник Екатеринбургского института. — 2009. — № 4. — С. 74.
- [4] Нигматуллина Т.А. Политические настроения молодежи: региональный аспект // Труд и социальные отношения. — 2013. — № 8. — С. 90–95.

УДК 323

ШАЙХУТДИНОВА Айгуль Айратовна,

аспирант кафедры политологии, философии и социологии
Башкирской академии государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан, г. Уфа
e-mail: sherr08@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: КОММУНИКАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Политический дискурс представляет собой многозначительное явление в политической науке, определяющее особенности практической деятельности. Внутри тематики гражданского общества особо остро строит вопрос коммуникационного взаимодействия и политической модернизации, так как эти компоненты отражают общее развитие институтов гражданского самоуправления. Данная статья отражает основные теоретические концепции, обосновывающие развитие и функционирование гражданского общества в рамках коммуникационного взаимодействия и основ политической модернизации России в современности.

Ключевые слова: гражданское общество, политический дискурс, политическая наука, социальные институты, политическая модернизация, коммуникационное воздействие, политическая теория.

Политический дискурс, в своей сумме, должен основываться на планомерном эволюционном развитии одной простой системы к уложенным формам взаимодействия. Политические институты, осуществляющие правомочные позиции внутри государства должны обеспечивать согласование интересов граждан и поддерживать работоспособность институциональной основы «прав человека». Можно соглашаться или нет с полемикой относительно «большого» или «минимального» государства, но то, что именно гражданское общество, по своей сути, призвано формировать общественное мнение и охранять права граждан в государстве наравне с общепринятыми институтами, нельзя не определить как истину в политической теории современности.

Законодательная ветвь власти должна своей сильной основой, включая периодические выборы, самоуправление, независимостью и сдерживающими звеньями иных органов власти: исполнительной и судебной, обеспечивать реализацию ключевых гражданских прав и свобод. Так А. де Токвиль отмечал, что граждане должны активно участвовать в политической жизни государства, ибо их социальные

роли усиливают политические демократические тенденции. Одной из форм становления гражданского участия он видел американский суд присяжных, который представлялся ему достаточно самостоятельным по отношению к своему управлению и политическому статусу в общественном сознании. К тому же институт суда присяжных приучает людей к разумности, справедливости и квалифицированному принятию жизненно важных решений (в данном случае имеется в виду вынесение решения по конкретному делу в рамках судопроизводства) [1].

Гражданское сообщество в современных условиях, конечно же, отличается от того, которое рассматривали в своих исследованиях Алексис де Токвиль, Гегель и другие представители классической политической мысли, положившие начало теоретическому обоснованию гражданского общества и его институциональных формирований. При этом Дж. Кин, современный исследователь общественных отношений, считает, что сегодня гражданское общество представляет собой благополучное сочетание тех институциональных горизонтов, которые обеспечивают достойную реали-

зацию гражданских прав и свобод [8]. Можем согласиться с автором и попытаемся выявить собственные границы гражданского общества в современном мире.

В представленной ниже схеме мы отразим общую структуру взаимодействия институтов государства и гражданского общества, сопрягающуюся в политическом дискурсе. Для участников политического процесса дискурс представляет особый вид взаимодействия, внутри которого могут быть решены основные вопросы, касающихся общих положений авторов политики.

Политический дискурс способен формировать идентичности в политике, соответствующие общепринятым представлениям, которые должны опираться на права человека, о которых мы говорили выше, и человеческое достоинство. По мнению представителя франкфуртской школы Ю. Хабермаса, моральные задатки в человеке способствуют развитию системы прав человека в государстве [4]. Серьезное правовое сознание и его качественный уровень в обществе позволяют исследователю утверждать, что в таком сообществе возможна качественная институционализация сферы гражданского самоуправления. Моральность поведения акторов политики должна входить в форматы взаимодействия, основанные на современных принципах «публичности», о чем также говорил вышеуказанный автор. В нашем понимании должно быть четко структурировано введение в политическую практику тех процедур, которые бы могли наиболее характерными для общества методами, формировать ценностные предпосылки для гражданского общества в рамках того дискурса, который присущ акторам. «Публичность», по мнению Хабермаса, является концентрированным выражением готовности общества искать новые формы реализации демократических тенденций [5]. Коммуникация в таком случае

представляется важным источником демократических преобразований, ведущих к самоорганизации граждан, в дальнейшем выражающаяся в созревании гражданского общества.

Консенсусные установки в рамках публичного коммуникационного дискурса, устанавливаемые государством совместно с гражданскими активистами, приводят к организационному становлению делиберативных (совещательных) основ демократических ориентаций. Политические переменные нового поколения должны представлять разительно инновационные формы, отличающиеся от тех, которые существовали еще 5–10 лет назад. В соответствии с этим политический интерес актора является важным для оформления институциональной сферы гражданственности в современном мире. Взаимные уступки, сотрудничество и посредничество представляются важным для коллективной выработки идей политического дискурса в рамках основ гражданского потока для дальнейшей институционализации самоопределения и самоуправления граждан в политике. Исследователями также отмечается, что новые форматы взаимодействия с гражданским обществом позволяют говорить о дополнительных стимулах, которым следует придерживаться при демократизации общества и обеспечения безопасности граждан [6].

При этом сегодня важно понимать, что политический дискурс о гражданском обществе должен соответствовать реалиям социально-экономических условий, возникающих в мире. В частности, Э. Лакло и Ш. Муфф категоричны в своих изысканиях и считают, что для современного мира важно, чтобы присутствовала «полифония» голосов, формирующая определенную и неповторимую идентичность в дискурс-анализе политических процессов [10]. Далее Муфф входит в своего рода полемику с устремлениями общественного развития,

Схема 1 — Структура взаимодействия институтов государства и гражданского общества

считая, что система «друг-враг» не представляется упорядоченной и структурированной. По ее мнению, современная политическая действительность должна формироваться из посылок добросовестной конкуренции акторов [2].

Гражданское общество является активным и фундаментальным условием модернизационного процесса. Сегодня не случайно делается акцент на человеческий фактор, опирающийся на ценности институтов демократии. Американский политолог Карл Дойч представлял, что модернизационный аспект политики кроется в его ценностном освоении гражданами государства. Исходя из этого, можно считать, что главная миссия модернизации — формирование общества с культурной структурой и возможностью полноценной социализации входящих в него индивидов, что возможно только лишь при максимальном задействовании механизма самоуправления, самоорганизации и автономизации во всех процессах модернизации. Вопрос об обновлении общества должен ставиться самим обществом.

В общем, видится, что для успеха модернизационных процессов в современной России, требуется модернизация сознания, а именно — активизация гражданского контроля, усиление гражданской ответственности, распространение гражданских инициатив, формирование гражданского общества. Необходимо повышение интеллектуального и общечеловеческого потенциалов, чтобы быть способными к конкуренции в современном мире. Речь идет о модернизации, которая основана на открытом диалоге общества и государства, национальной консолидации и широком патриотическом согласии, балансе интересов большинства социальных групп, последовательном федерализме и муниципальном движении.

Политические партии должны играть особую роль в процессе подключения общества к модернизационным процессам, они организуют контроль над деятельностью государственной и местной власти, однако на данный момент партии не показывают себя достаточно сильными и готовыми для подобного контроля. Большинство не в состоянии обеспечить явку своих членов на выборы или иные простейшие организационные меры.

В своем выступлении, которое было посвящено вопросам развития политической системы, Д. Медведев уделил особое внимание немаловажной роли политических партий в процессе модернизации, указав на то, что именно партии должны подключать народные массы к проведению реформ. В качестве примера он указал на партию «Единая Россия», которая реализует различные проекты, направленные на совершенствование отраслей и регионов: «Инфраструктура России», «Кадровый резерв», «Развитие Арктики и Антарктики» и др.

На сегодняшний день действуют 37 партийных проектов, 23 из них — социальные, 14 — инфраструктурные. Все они направлены на осуществление реформаторской деятельности в самых разнообразных сферах государственной работы.

Квалификационные и профессиональные кадры являют собой также особый аспект осуществления модернизации. На сегодняшний день в России система подготовки кадров для управленческой и политической сферы крайне слабо развита и не имеет обширной поддержки. Современный политик или государственный служащий должен обладать обширными знаниями в разнообразных областях [3].

Часто бывает так, что местная элита не осознает задач и посылки модернизации и поэтому препятствует ее осуществлению. Для гражданского общества жизненно важно, чтобы диверсификация экономики и модернизационные аспекты политики наилучшим образом сказывались на их деятельности. Отсюда следует, что модернизация страны невозможна без формирования модернизационной элиты, и это, в свою очередь, предполагает коренное обновление правящей группы и формирование авангарда единомышленников. Отметим, что модернизация в российской политической системе может быть выражена во взаимодействии важнейших акторов, которые заинтересованы в общей диверсификации.

Современная модернизация России будет происходить в стране, которая на своем историческом пути уже осуществила несколько незаконченных модернизаций, т. е., уже присутствует некоторый опыт и возможность опоры на элементы общества, модернизированные нашими предшественниками.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать выводы.

Во-первых, модернизация представляет собой масштабный проект, охватывающий все сферы и стороны жизни общества и государства, являющийся процессом формирования (реформирования) базовых социальных институтов.

Во-вторых, дальнейшее развитие России требует совершенствования политической системы, улучшения государственного и муниципального управления, что делает политическую модернизацию важнейшей составной частью общей комплексной модернизации.

В-третьих, для дальнейшей продуктивной реализации задумок по осуществлению модернизации в современной России требуется доскональный анализ недостатков и недоработок, выявление причин неудач. Предполагаем, что государство так же заинтересовано в получении объективных, проработанных и обоснованных встречных предложений от иных субъектов модернизации. Совершенно очевидно, что главный предмет модернизации — человек. Но вот инициатором процесса, его модератором должно стать государство, которое в состоянии активизировать гражданское общество и включить в модернизационные процессы все общественные силы.

Политическая система России начала свою трансформацию вслед за российским социумом, экономикой, общественным сознанием. Политическая система, как и весь социум, вступила на путь перемен более двадцати лет назад и на настоящий момент все еще находится в переходном состоянии, так и не достигнув завершенного этапа. Мы отошли от советской политической системы, но не установили продекларированные в 90-х годах XX в. демократические структуры власти. В связи с этим сегодня и в ближайшем будущем нашему государству предстоит постоянно разрешать главное противоречие трансформационного периода — противоборство между требованием сохранения политико-властной стабильности и управляемости общества и потребностью демократической модернизации политической системы и государственной власти, что в свою очередь явно не является тождественным первому. Российская Федерация находит-

ся в двоякой ситуации, при которой существует как «моноцентризм» властных полномочий, так и уже запущенные, необратимо действующие механизмы демократизации политико-властной системы, разделения ветвей власти, формирования гражданского общества, распространения практики политического плюрализма. Диалектика исторического момента состоит в том, что реформы в стране остаются незавершенными, коренные общественные трансформации все еще востребованы, и им в определенной мере свойственны мобилизационный режим, единство нации, ее консолидация вокруг единой политической силы и одного лидера. Передовые формы демократии и свободы найдут поле для реализации в условиях экономического, политического и общественного порядка. В переходном обществе нет места для скоротечного возникновения устойчивых демократических институтов.

Только такой подход позволяет строить адекватную политику, обеспечить политико-властную стабильность и эволюционное развитие страны. С учетом современных реалий в России можно утверждать, что российская политическая система, обладая определенной стабильностью, тем не менее, нуждается в дальнейшей модернизации, что и составляет основу современного политического процесса.

Модеризационный аспект политического процесса может быть выражен в системном переходе от одной формы развития дискурсивного ряда гражданского общества к другому. Поэтому важно обращать внимание на поступательное развитие современного сообщества. В связи с этим Э. Гидденс считал, что существующая сегодня рефлексивная система общественного развития представляется абстрактной и важно соблюдение правил, которые сводятся от общества современности, Модерна [8].

Мыслитель предостерегает нас от тотального вмешательства абстрактных политических систем в обобществленную жизнь человека, ибо доверять как первоочередной истине, с его точки зрения, таким системам категорически нельзя.

Политический дискурс о гражданском обществе должен также выводиться из максимального сочетания плюралистических основ

и мнений участников политики. Единый пласт информации, однако, представляется не обязательно главным для гражданского общества. Для него важна не одномерность информационного массива, а скорее разновекторность. В таком случае политико-экономические модернизационные основы проникнут глубже и смогут вызвать соучастие среди множества акторов [7]. Такого подхода придерживается С. Бенхабиб. Она предполагает, что современный политический дискурс вокруг общественного самоуправления и политики в целом должен принимать совещательные принципы демократического управления. Тогда возможно говорить о всесторонней поддержке продуктов общественного контроля, обсуждения интересующих вопросов гражданами и органами государственной власти. Исходя из этого, публичный дискурс понимается как системное видение основных проблем и точек соприкосновения участников политики для нахождения квалифицированных решений.

В целом, подводя итоги данному исследованию, стоит остановиться на следующих выводах:

- гражданское общество должно определяться как сфера эффективного политического консенсуса и конкуренции акторов за решение проблем, стоящих перед обществом;

- политический дискурс вокруг тематики гражданского общества является не новым, но не потерявшим свою актуальность в современном мире, соответственно, для политической теории он представляется важным. Структурированность подходов к гражданскому обществу и его теоретическим концепциям представляет широкий пласт в науке;

- модернизационный аспект политики России представляет широкое поле взаимодействия ученых, политиков, общественных деятелей, которые имеют возможности выявить необходимые пункты для экономического роста, политической стабильности и социальной справедливости.

Литература

- [1] Демократия в Америке / пер. с фр. предисл. Гарольда Дж. Ласки. — М.: Прогресс, 1992.
- [2] Муфф Ш. Демократия в многополярном мире // Прогнозис. — 2010. — № 1.
- [3] Сулейманова Ш.С. Медиаполитика в современном российском обществе: краткий курс лекций: учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Этносоциум, 2013.
- [4] Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном Мир-Обществе // Полис. Политические исследования. — 2010. — № 2.
- [5] Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы. — М., 1989.
- [6] Хайрутдинова Л.Р. Взаимодействие институтов гражданского общества с органами государственной власти в противодействии с коррупцией в Республике Татарстан в сравнении с зарубежным опытом // Политика, государство, право. — 2014. — № 3.
- [7] Benhabib S. Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy. — Princeton: Princeton University Press, 1996.
- [8] Giddens A. The Consequences of Modernity. — L., 1990.
- [9] John Keane. Democracy and Civil society. — London: University of Westminster, 1998.
- [10] Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. — London, 1992.

УДК 323(470)

БУТЧАНИН Антон Михайлович,

соискатель кафедры конституционного права
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва
e-mail: butchanin@yandex.ru

ФЕДЕРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО РОССИИ И ВХОЖДЕНИЕ КРЫМА: ВОПРОСЫ ЛЕГИТИМНОСТИ

Состояние и перспективы развития внутренних федеративных отношений внутри Российской Федерации, безусловно, являются одними из наиболее актуальных вопросов сегодня. Особо эта сфера стала актуальной в 2014 году, после образования в России двадцать второй республики — Крым и третьего города федерального значения — Севастополя. И поэтому особенности вхождения двух новых субъектов Федерации кардинально повлияли на внутреннее федеративное устройство Российской Федерации, что сделало данное государство абсолютно уникальным в международной правовой системе. Ни кейс Косово, ни Абхазии не является 100 % идентичным этому. И в данном исследовании прослеживаются основные конституционно-правовые особенности присоединения Крымского полуострова к России, вхождения в ее конституционно-правовое поле и основные нормативно-правовые, теоретические конструкции, легитимизирующие данный процесс. В этом же ключе здесь рассматриваются основные позиции международного права и сообщества по поставленному исследовательскому вопросу.

Ключевые слова: федерализм, субъекты Российской Федерации, республика Крым, город федерального значения, Севастополь, федеративное государство, федеративные отношения, национальная политика, национальная безопасность, национальные интересы, национальные отношения, легитимность, референдум, политическая регионалистика, этнополитика,

Каждое государство имеет свое устройство — внутреннюю территориальную организацию, систему разделения на территориальные образования и систему взаимоотношений между центральной властью и властями территориальных образований. Известны две основные формы государственного устройства — унитарная и федеративная. Унитарная форма предполагает единство системы государственной власти. В данном случае «единство» означает наличие единой (одной) системы власти. А под единством системы власти в соответствии с ч. 3 ст. 5 Конституции Российской Федерации следует понимать тесную вертикальную взаимосвязь между двумя системами власти, доводимую до образования единой системы исполнительной власти в пределах ведения Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения (ч. 2 ст. 77).

Реформирование федеративных отношений в Российской Федерации обуславливает необходимость переосмысления происходящих изменений в субъектном составе Российской Федерации, заставляет вновь обратить внимание научного сообщества на развитие федеративных отношений и характер взаимоотношений между Российской Федерацией и ее субъектами в целом, задуматься о роли и значении конституционно-правового процесса объединения субъектов Российской Федерации в развитии федеративных отношений.

Федеративные отношения, включающие в себя отношения не только между Федерацией и субъектами Российской Федерации, но и отношения между самими субъектами Российской Федерации, представляют собой многоэлементный, многомерный феномен, отражающий комплекс политических явлений, происходящих на территории субъектов

Российской Федерации, достаточно сложный для научного познания. Вновь образованные субъекты Российской Федерации в результате объединения — правовое явление, степень изученности которого не высока, внимание юристов в большей степени приковано к изучению становления и развития федерализма в России. В юридической науке преобладают работы, посвященные федеративным отношениям в российском государстве, что вполне оправданно и объяснимо. Разработка проблем объединения субъектов Российской Федерации в юридической науке вызывает неудовлетворенность.

Образование новых субъектов Российской Федерации повлекло за собой появление новых конституционно-правовых систем субъектов Российской Федерации (конституционно-правовая система Пермского, Красноярского, Камчатского, Забайкальского краев, Иркутской области) и новых систем законодательства субъектов Российской Федерации, а также принесло существенные изменения в законодательство объединившихся субъектов Российской Федерации, что требует устранения политических коллизий между системами законодательства объединившихся субъектов Российской Федерации. Здесь мы должны понимать, что процессы сецессии, объединения, присоединения действуют под влиянием определенных субъективных и объективных факторов.

В.В. Гайдук и А.Р. Сулейманов определяют, что «дезинтеграционные тенденции в современных условиях могут активизироваться в самых различных регионах. По-нашему мнению, не стоит абсолютизировать и связывать очаги дезинтеграции лишь с приграничными регионами, центробежной политической «чуме» могут быть подвержены (хотя и гипотетически) любые субъекты Федерации. Другое дело, что не все из них имеют этнические, культурные основания и могут муссироваться отдельными политическими силами для реализации своих узконаправленных интересов» [2].

Также ученые, с учетом событий «Крымской весны», предполагают следующее в отношении событий социально-политического конфликта Украины и отсоединения Крыма от украинской конституционно-правовой системы: «развитие

ситуации на юго-востоке Украины не создает таких же благоприятных предпосылок для России, которые имелись у нее в Крыму. Эти предпосылки необходимо развивать — особенно в том случае, если ставка будет сделана на этот сценарий. Но необходимо учитывать, что в случае реализации этого сценария Россия должна будет отстаивать свой геополитический выигрыш в течение длительного времени в условиях неблагоприятной внешней среды. Без существенных изменений в экономической и идеологической политике государства эта задача может оказаться непосильной» [3].

Правовой основой любых решений по модернизации государственно-территориального устройства России, т. е. по изменению состава, количества, наименования, границ субъектов Федерации, является Конституция Российской Федерации, где в гл. 1 ст. 5 поименованы виды субъектов Российской Федерации и в гл. 3 зафиксировано федеративное устройство страны, в частности, в ч. 1 ст. 65 определен состав Российской Федерации.

В первоначальной редакции Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» не было четко прописано, кто конкретно должен обращаться к главе государства, что порождало некоторые неудобства. Поэтому в 2005 году вышел Федеральный конституционный закон от 31.10.2005 № 7 «О внесении изменений в статьи 10 и 11 Федерального закона „О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации“», уточнивший статус лиц, за которыми закрепляется инициатива образования в составе Российской Федерации нового субъекта, а именно, что предложение формулируется совместно парламентами и главами всех заинтересованных в объединении регионов. В предложении, то есть в письме, должны содержаться обоснование объединения, сведения о предполагаемом наименовании нового региона, его статусе, границах, прогноз социально-экономических и иных последствий, связанных с реализацией объединительной инициативы, информация о предполагаемых сроках проведения референдумов и пр.

Выступить с инициативой о вхождении в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта иностранного государства или его части и заключении международного договора должно данное иностранное государство. После поступления предложения о принятии в состав Российской Федерации, Президент России уведомляет о нем Совет Федерации Федерального Собрания (СФ ФС) Российской Федерации, Государственную Думу, Правительство Российской Федерации и при необходимости проводит с ними соответствующие консультации. Рассмотрение предложения и принятие решений, касающихся заключения международного договора, осуществляются в соответствии с Федеральным законом от 15.07.1995 № 10-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [8].

В случае принятия в свой состав нового региона, Россия будет обязана обеспечить его территориальную целостность, как часть своей территориальной целостности. Территориальная целостность является составным элементом государственной целостности, которая, в свою очередь, не сводится только к вопросам территории, а касается и других элементов единой системы, которой является государство.

Российская Федерация должна будет взять на себя многие международные обязательства. Необходимо также будет распределение полномочий и финансов между Федерацией и новым субъектом Федерации. Следовательно, необходимо сначала укрепить федеративные начала российского государства, заложенные действующей Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации. Поскольку даже в нынешних условиях в обеспечении государственной целостности остаются проблемы, Россия прежде всего сама должна быть готова к принятию в свой состав нового региона. Увеличение масштабов и экономического потенциала, принятие новых регионов в состав Российской Федерации без сущностного изменения ситуации в этой сфере может вызвать серьезные проблемы в решении вопросов обеспечения целостности российского государства.

Таким образом, порядок образования в составе Российской Федерации нового регио-

на определен главой III Федерального конституционного закона от 17.12.2001 № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».

В данном кросс-темпоральном аспекте исследования стоит отметить, что должны быть обеспечены права и свободы человека и гражданина, как на территории России, так и принимаемого государства, учтены не только сложившиеся исторические, хозяйственные и культурные, но, как представляется, и экономические связи. Важно оценить уровень социально-экономических возможностей нового субъекта Федерации для определения необходимых затрат и осуществления стратегического планирования с целью обеспечения выравнивания уровня его социально-экономического развития.

Кроме того, указанная норма закрепляет положение о соблюдении принципов федеративного устройства, одним из которых и является государственная целостность, которая на первое место поставлена не случайно.

Государственная целостность означает, что Российская Федерация — это исторически сложившееся федеративное целостное суверенное государство, включающее в себя другие государственные образования. Они не имеют права выхода из состава Федерации. Российская Федерация имеет общую, единую территорию, охватывающую территорию всех субъектов; являясь суверенным государством, осуществляет территориальное верховенство, обеспечивает свою неприкосновенность. Власть государственных органов Российской Федерации распространяется на всю территорию страны в рамках полномочий, отнесенных к ведению Федерации. Россия имеет единое гражданство Российской Федерации; единую правовую систему и как составную часть — законодательную систему, подразумевающую верховенство Конституции Российской Федерации; федеральную собственность, обеспечивающую осуществление государственного суверенитета; единое экономическое пространство, не допускающее установления таможенных границ, пошлин, сборов и иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансов; единую денежную и кредитную систему; единую валюту; государственный язык; Вооруженные Силы,

судебную и правоохранительную системы; государственные символы — флаг, герб и гимн; столицу Российской Федерации; международную правосубъектность (ст. ст. 1, 6, 8, 11, 15, 65, 67, 70, 71, 73, 75, 77 и др. Конституции Российской Федерации).

Как представляется, основным требованием к принятию в Российскую Федерацию нового субъекта является понимание государственных интересов. С государственно-правовой точки зрения государственные интересы выступают как обусловленные потребностями социума и зафиксированные нормами позитивного права, официально декларируемые направления государственной политики во всех сферах жизнедеятельности общества, реализуемые посредством функций государства. Ведущая роль в юридическом закреплении государственных интересов принадлежит основному закону (конституции) государства, фиксирующему основные социальные ценности, находящиеся под защитой и охраной государства, политико-правовые гарантии реальности этой защиты и охраны, политико-правовые основания, принципы и способы формирования публичной политической власти, распределение между ними сфер осуществления государственных дел [4].

В целом, можно сказать, что вхождение в состав Российской Федерации Республики Крым и города Федерального значения для российской конституционно-правовой системы стало случаем, в котором необходимо разбираться точно и скрупулезно. Так до весны 2014 г. были известны случаи укрупнения отдельных субъектов Российской Федерации, сейчас же мы столкнулись с абсолютно неизвестным кейсом, который представляет особый исследовательский интерес.

Международно-правовое значение присоединения Крыма.

Территория Крымского полуострова представляет собой поликультурное образование, на котором, в том числе, живут различные этнические общности, которые имеют право на то, чтобы быть услышанными и признанными. Обратимся к Уставу ООН, статье, регламентирующей основные цели Организации: «Организация Объединенных Наций преследует Цели:

...развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира» [9]. Акцентируя внимание на принципах общественной безопасности, построения сообщества без насильственного вмешательства во внутренние дела государств, ООН обращается ко всему миру с призывами организации коллективной безопасности на основе существующих нормативно-правовых актов внутреннего и международного значения. Из этого должно сформироваться целостное представление о том, что общественно-правовые структуры могут быть эффективными только при соблюдении законодательства и активизации существующих ресурсообеспечивающих структур всего политико-правового и конституционного характера. Об этом говорит вместе с В.В. Гайдуком ректор Псковского государственного университета Ю.А. Демьяненко: «Различные аспекты безопасности тесно связаны между собой, поэтому для обеспечения комплексной безопасности необходимо учитывать всю совокупность факторов, влияющих на стабилизацию и дестабилизацию обстановки» [1].

Украина, столкнувшись лицом к лицу со своими проблемами, которые копились в течение двух десятилетий, не смогла справиться с собственной системой национальной безопасности, точнее с ее полным отсутствием. Это и стало катализатором того, что Крым не смог сделать иного выбора, кроме как вступить в состав Российской Федерации. К тому же сейчас, сквозь призму времени, западные политические лидеры и общественные деятели начали признавать легитимность и неизбежность произошедшего процесса. Одной из первых в этом вопросе была М. Ле Пен, лидер Национального фронта Франции, которая еще 17 марта 2014 г. признала независимость решения крымского народа. Она посчитала, что Европейский Союз выражает свою непоследовательность в принимаемых резолюциях и решениях. Этим, по ее мнению, он себя с каждым разом все более дискредитирует: «На мой взгляд, результаты референдума не вызывают никаких споров. Это было ожидаемо. И народ (Крыма), живший в страхе, бросился в объ-

яты той страны, откуда появился, поскольку вы знаете, что Крым является частью Украины только в течение 60 лет» [5].

Подтверждением этому служит то, что украинская политико-правовая система была уже не способна к марту 2014 г. выполнять свои функции по осуществлению безопасности в своем государстве, как во внутреннем, так и во внешнем воздействии. Здесь В.А. Томсинов пишет: «Неспособность украинского общества создать полноценное государство, обеспечивающее необходимые условия для нормальной человеческой жизни всем гражданам, как украинцам, так и представителям всех других этносов и культур, является еще одним основанием для выхода Крыма из состава Украины и воссоединения с Россией» [7].

Констатируем, что международно-правовой дискурс вокруг ситуации с вхождением Крыма в состав России еще долгое время будет влиять на развитие России в целом: экономическое, политическое, правовое, духовное.

Целостная система международного правового урегулирования сегодня вступила в стадию антагонизма с существующими реальностями, так как она выстраивает именно те дискурсивные принципы, которые формируются отдельными субъектами международно-правового характера. Соответственно, не лишним будет обратиться к идеям Эрнеста Лакло (Laclau E.) и Шанталь Муфф (Mouffe Ch.), которые работали, в основном, по теме определения дискурсов и то, каким образом, дискурс может влиять на политико-правовую действительность.

В частности, в одной из основополагающей работ они определили, что современная демократия должна определяться как «полифония» голосов, которая должна формировать особую дискурсивную идентичность [10]. Соглашаясь с современными мыслителями, мы можем обозначить, что таковую «полифонию» голосов, прежде всего, имеют властно-управленческие структуры международного сотрудничества, которые задают общий «бэкграунд» мирового развития. Формируя представления о новой системе выстраивания взаимоотношений, можно также сконцентрировать внимание на тех моделях, которым должны следовать современные государства, пытаясь оказаться в системе конкуренции.

Так, Шанталь Муфф (Mouffe Ch.) продолжает свое рассуждение и отмечает, что «современная демократическая политика требует, чтобы «другие» воспринимались не как враги, которые должны быть уничтожены, а как соперники, против идей которых можно бороться, даже отчаянно, но чье право защищать эти идеи никогда не будет поставлено под вопрос. Другими словами, важно, чтобы данный конфликт принимал не форму антагонизма (схватки между врагами), а форму агонизма (борьбы соперников)» [6]. Из этого можем определить, что сегодняшняя демократическая система должна принимать участников политического рынка как игроков («соперников»), которые борются за более выгодные позиции по реализации собственных интересов.

В контексте определения антагонизма в политико-правовом дискурсе вокруг «крымского вопроса» уделим немного внимания тем обстоятельствам, которые, по сути, стали катализаторами социального «взрыва», который произошел в Крыму и Севастополе, сыгравшим в итоге в пользу самого народа, выбравшего свое собственное развитие в условиях российской политико-правовой системы. Выделяется, что ряд ограничителей способствовал тому, что во внутреннем экономическом и правовом пространстве Украины сформировались определенные негативные тенденции:

- «размытость политической ситуации, потеря в ближайшее время стратегических политических ориентиров;
- усиление центробежных тенденций, активизирующее сепаратистские настроения и латентный или явный раскол по региональному признаку;
- силовое преследование и геноцид в стране;
- переориентирование комплексных экономических приоритетов;
- передел собственности между элитными группами» [3].

В целом, проанализировав обстоятельства и факторы развития внутривнутриполитического кризиса в Украине, основных документальных источников, правовых актов российской, крымской сторон и международных организаций, мы выявили основные противоречия в политико-правовом дискурсе между сторонами международного сотрудничества.

Отвечая на основной исследовательский вопрос в рамках данной статьи, отметим, что «крымский случай» является в определенной степени уникальным, так как он выявил основные противоречия во внутренней политико-правовой сфере Украины. Украина утратила собственную суверенность в связи с некомпетентностью в собственном общественно-политическом укладе жизни, что повлекло за собой отделение двух регионов и ее конституционно-правового поля. Эта дезинтеграция сыграла в пользу Российской Федерации, которая получила гораздо больше, чем просто 84-й и 85-й субъекты Федерации. Прежде всего, Россия продемонстрировала всему миру свою независимость в международном политико-правовом процессе и непоколебимость своим национальным интересам и историческим принципам сохранения целостности государственно-правового состава.

Системообразующие структуры помогли в кратчайшие сроки выстроить конституционно-правовую систему России, Республики Крым и города федерального значения Севастополь. Каждый из указанных акторов оказал благоприятное воздействие на другого с целью

сохранения собственных национальных основ и интересов своих граждан.

В данном контексте мы можем говорить о позитивном дискурсе и агонизме политико-правовых интересов между Россией и Крымом, которые смогли выстроить систему партнерства и выйти на уровень доверия, что повлекло 18 марта подписание Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в состав Российской Федерации Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов. При этом сейчас сложно оценить конкретные политико-правовые последствия в международной парадигме юридических отношений, насколько долгим будет процесс признания легитимности присоединения Крымского полуострова к Российской Федерации. В любом случае мы понимаем, что мировое сообщество рано или поздно придет к общему знаменателю, что действия России не носили неправомерных дезинтеграционных мер умышленного характера по отношению к Украине. Стечение обстоятельств в духе «украинского хаоса» само способствовало тому, чтобы историческая целостность России была восстановлена.

Литература

- [1] Гайдук В.В., Демьяненко Ю.А. Этнополитические инструментарии национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2013. — № 3 (22).
- [2] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Регион в системе обеспечения национальной целостности и безопасности России: дезинтеграционный потенциал // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2014. — № 2 (25).
- [3] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Украинская трагедия как вызов международной безопасности // Вопросы политологии. — 2014. — № 2 (14).
- [4] Иванов В.П. Юридический механизм обеспечения государственных интересов Российской Федерации (конституционно-правовые и организационные проблемы формирования реализации): дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006.
- [5] Марин Ле Пен признала итоги референдума в Крыму [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vz.ru/news/2014/3/17/677511.html> (дата обращения: 20.02.2015 г.).
- [6] Муфф Ш. Демократия в многополярном мире // Прогнозис. — 2010. — № 1.
- [7] Томсинов В. А. «Крымское право» или Юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // Вестник Московского университета. — Сер. 11 «Право». — 2014.
- [8] Федеральный закон Российской Федерации от 15.07.1995 № 101-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rg.ru/1995/07/21/mejdunarodnye-dogovory-dok.html> (дата обращения: 17.02.2015 г.).
- [9] Charter of the United nations [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.un.org/en/documents/charter/chapter1.shtml>
- [10] Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. — London, 1992.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 338.4(470.57)

ЗУЛЬКАРНАЙ Ильдар Узбекович,

доктор экономических наук, заведующий лабораторией
исследований социально-экономических проблем регионов
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
e-mail: zulkar@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ПРОБЛЕМ ОТРАСЛИ

В статье рассматриваются проблемы развития лесного хозяйства в Республике Башкортостан, среди которых вопросы глубокой переработки леса, в контексте этих проблем — состояние отрасли во всей стране. Показано, что проблемы носят не специфический, а системный характер, проистекающий из недостатков правовой и институциональной среды, в которой функционирует лесная отрасль. В частности, указаны недостатки, имеющиеся в Лесном кодексе Российской Федерации и других законодательных актах. Предложены пути решения поставленных проблем.

Ключевые слова: лесное хозяйство, глубокая переработка леса, инвестиционные проекты, лесной кодекс, недостатки законодательства.

Статья посвящена исследованию проблем развития лесной отрасли Республики Башкортостан с точки зрения связи этих проблем с системными явлениями, характерными для всей России. Соответственно, выводы, касающиеся Башкортостана, будут полезны и для всей страны. Даже по роли лесной отрасли в экономике Башкортостан как бы в уменьшенном масштабе повторяет Российскую Федерацию. В стране в целом леса покрывают 49,4% всей территории (первое место в мире), а в Башкортостане — примерно 40%.

Проблемы лесной отрасли, которые постоянно находятся в центре внимания руководства Республики Башкортостан уже на протяжении двух десятилетий, и особенно в последнее десятилетие, можно сгруппировать в две группы. Одна группа — это ведение собственно лесного хозяйства, что включает в себя работы по его охране от пожаров, очистке, лесозаготовительные и лесовосстановитель-

ные работы, работы по интенсификации роста леса и повышению его продуктивности, регулированию сортовой структуры. Вторая группа проблем касается обрабатывающей промышленности, в которой лесные ресурсы являются сырьем. Эта область включает изготовление пиломатериалов, бумаги, продуктов химической промышленности на основе леса как сырья.

В части собственно лесного хозяйства в советское время и в 1990-е гг. в общем и целом дела обстояли удовлетворительно: государство через свои предприятия (леспромхозы), осуществляло весь комплекс этих работ: проводило рубки ухода, выращивание посадочного материала и посадку новых лесов, плановую вырубку лесов (лесозаготовку), охрану от пожаров. В этом деле большую роль играли лесничие, которые наряду с охраной также вели учет лесов и контроль лесозаготовительных работ.

Проблемой как в советское время, так и после начала экономических реформ 1990-х годов, было чрезвычайно слабое развитие перерабатывающей промышленности. Заготавливаемый лес в виде сырого леса — «кругляка» вывозился за пределы страны, а оттуда ввозились продукты его глубокой переработки: бумага, мебель, фанера. Собственное производство этих конечных и промежуточных товаров было развито слабо, а их качество было невысоким. Достаточно отметить, что когда в России появились лазерные принтеры (1995–1996 гг.), то соответствующей твердости бумага вообще не производилась в стране и полностью ввозилась из-за рубежа, что привело даже к распространению и закреплению в русском языке термина «финская бумага», что по существу означало «специальная бумага для лазерного принтера», а прилагательное говорило о стране-производителе. Здесь примечательно, что Финляндия так же, как и Россия является страной богатой на леса, но сумевшей организовать глубокую переработку лесных ресурсов в масштабах, намного превосходящих внутреннюю потребность и ориентированную в значительной степени на экспорт.

Обладая самыми большими запасами леса в мире, тем не менее, Россия не является ли-

дером даже в лесозаготовке — самой первой стадии использования лесных ресурсов. Как мы видим в таблице 1, более половины заготовки деловой древесины в мире приходится на пять стран. В 2013 году к ним относились: США (17,3% от всего мирового объема заготовки), Россия (10,6%), Канада (8,7%), Бразилия (8,6%), Китай (8,5%). Тем самым, Россия почти вдвое отстает от США по заготовке леса, и ненамного превосходит Канаду, Бразилию и Китай по отдельности.

В чем Россия проявляет лидерство, так это в темпах роста лесозаготовки, деля это лидерство с Китаем (рост 131% и соответственно 138% в 2013 году к 2005 году) (табл. 1).

Заготавливая чуть больше леса, чем Китай, Россия катастрофически отстает от него по переработке лесных ресурсов. Так, Россия произвела бытовой и санитарно-гигиенической бумаги в 2013 году 320 тыс. т, а Китай — в 25 раз больше (8149 тыс. т). Объемы производства фанеры в Китае в 13,5 раз больше, чем в России. И так по всем позициям. В Китае, конечно, самая быстро развивающаяся экономика мира, и в настоящее время ее ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности, вывел эту страну на первое место в мире [2, 8, 10–11].

Таблица 1 — Динамика производства круглого леса в международном сравнении

Страны	2005 г.		2013 г.		2013 г. к 2010 г.
	тыс. пл. м ³	в % к итогу	тыс. пл. м ³	в % к итогу	в %
Мир	1 766 450	100	1 700 740	100	96
США	423 456	24,0	293 583	17,3	69
Россия	138 000	7,8	180 379	10,6	131
Канада	200 247	11,3	148 128	8,7	74
Бразилия	117 987	6,7	146 804	8,6	124
Китай	104 669	5,9	144 035	8,5	138
Швеция	92 300	5,2	63 000	3,7	68
Индонезия	50 072	2,8	62 606	3,7	125
Индия	44 966	2,5	49 517	2,9	110
Финляндия	47 116	2,7	49 331	2,9	105
Германия	50 905	2,9	42 052	2,5	83
Остальные страны	496 732	28,1	521 305	30,7	105

Расчеты автора на основе данных источника http://www.lesonline.ru/les_world

В этом плане имеет смысл обратиться к анализу положения России в мире (табл. 2). Видно, что заготавливая 10% леса в мире, по производству всех видов продукции лесотехнического характера, Россия в два и более раз занимает меньшую долю мирового рынка. Причем, если доля России в лесозаготовке возросла с 7,8% в 2005 году до 10,6% в 2013 году, то по

продуктам глубокой переработки леса доля нашей страны в лучшем случае возросла тем же, а не большим темпом (производство пиломатериалов с 5,5% в 2005 году до 8,1% в 2013 году). Как правило, доля России в мире почти не изменилась (производство целлюлозы 4,1% в 2005 году и 4,4% в 2013 году). А по многим важным позициям доля России в мире умень-

Таблица 2 — Динамика производства лесоматериалов

Продукция лесоматериалов	Годы	Мир	Российская Федерация	Доля РФ в мире (%)
Фанера, тыс. м ³	2013	85 231	3304	3,9
	2010	85 051	2689	3,2
	2005	73 631	2556	3,5
Газетная бумага, тыс. тонн	2013	29 143	1759	6,0
	2010	32 806	1963	6,0
	2005	38 833	1984	5,1
Коробочный картон, тыс. тонн	2013	40 923	150	0,4
	2010	40 283	185	0,5
	2005	33 783	250	0,7
Промышленный круглый лес, тыс. пл. м ³	2013	1 700 740	180 379	10,6
	2010	1 601 710	136 076	8,5
	2005	1 766 450	138 000	7,8
Пиломатериалы, тыс. м ³	2013	413 975	33 500	8,1
	2010	376 485	28 870	7,7
	2005	438 135	23 913	5,5
Упаковочная бумага, тыс. тонн	2013	17 968	100	0,6
	2010	19 700	460	2,3
	2005	15 727	565	3,6
Макулатура, тыс. тонн	2013	214 365	2100	1,0
	2010	212 104	2100	1,0
	2005	173 729	2100	1,2
Бытовая и сан-гиг. бумага, тыс. тонн	2013	30 915	320	1,0
	2010	27 817	213	0,8
	2005	25 395	165	0,6
Бумага и картон, тыс. тонн	2013	109 112	2563	2,3
	2010	110 146	2409	2,2
	2005	113 196	2737	2,4
Целлюлоза древесная, тыс. тонн	2013	173 222	7655	4,4
	2010	170 633	7376	4,3
	2005	173 987	7053	4,1

Источник: [http://www.lesonline.ru/les_world]

шилась (упаковочная бумага с 3,6% в 2005 году до 0,6% в 2013 году, причем абсолютное производство в мире возрастало в эти годы). Если принять во внимание, что рост доли России в производстве пиломатериалов возрос в полтора раза на фоне уменьшения абсолютного производства в мире, то можно сделать вывод: по всем позициям переработки лесных ресурсов, как по глубокой переработке (бумага), так и не очень глубокой (пиломатериалы), наша страна не только занимает скромное место в мире, но и сырьевая ее направленность возрастает, страна все больше вывозит сырой лес, а не перерабатывает его (табл. 2).

В этой связи возникает вопрос о причинах происходящего. Рассмотрим этот вопрос на примере Башкортостана, роль лесного хозяйства в его экономике примерно такая же, как в России в целом, как мы отметили выше. Попытки решения проблемы развития перерабатывающей промышленности в Республике Башкортостан прошли несколько этапов развития.

На первом этапе, в 1990-е годы, была попытка усовершенствовать государственное управление отраслью без изменения правового статуса вовлеченных в нее организаций — в данном случае речь идет о государственной компании «Башлеспром», которая занималась заготовкой леса и другими лесохозяйственными работами, которые сложились еще в советское время. Расчет был на повышение самостоятельности Республики Башкортостан в составе Российской Федерации, которое произошло в русле процессов «суверенизации», разрушения командно-административной экономики и ослабления руководящих механизмов из федерального центра, произошедших в силу проводимых им неудачных и затянувшихся реформ и вызванного ими спада экономики. Также республика частью получила, а частью отвоевала у Центра определенную свободу в законодательной деятельности, что позволило принять множество законов, регулирующих хозяйственную деятельность в Башкортостане. Еще больше было возможностей в оперативном управлении государственными предприятиями на территории республики, особенно теми, которые находились в республиканской собственности, как это имело место

быть с «Башлеспромом». При этом республика, бюджет которой формировался, главным образом за счет НДФЛ, налога на прибыль и НДС (часть сборов от которого с 1992 по 2001 гг. поступала в республиканский бюджет), была сильно мотивирована развивать глубокую переработку лесных ресурсов, т.к. это означало рост добавленной стоимости, прибыли и увеличение рабочих мест с высокой заработной платой.

Однако, несмотря на такую сильную мотивацию и наличие, казалось бы больших возможностей как по законодательному регулированию лесной отрасли, так и оперативному управлению со стороны государства, от «Башлеспрома» не удалось добиться изменения производственной политики: он продолжал заниматься, главным образом, лесозаготовкой и вывозом «кругляка» за пределы республики, а переработка не развивалась, сохраняя рамки, созданные в советские годы. Т.е. функционировали только фанерные комбинаты в Уфе и Амзинский лесокомбинат, который наряду с пиломатериалами выпускает этилацетат, пищевую соду, пищевую кислоту, активированный уголь, древесный уголь, брикетированный уголь, древесную смолу. Эти предприятия были созданы в 1950-е годы.

Стремясь изменить ситуацию, дать импульс развитию глубокой переработки лесных ресурсов, Правительство Республики Башкортостан пригласило в республику частных предпринимателей, пошло на приватизацию государственной компании «Башлеспром». В этом, видимо, проявилось разочарование в государственной форме собственности, и надежда, что «частники», преследуя собственный интерес получения прибыли, разовьют производство с высокой добавленной стоимостью — построят предприятия глубокой переработки лесных ресурсов. Собственно, новые собственники «Башлеспрома», называвшие себя также «инвесторами», публично заявляли эти планы. Так, саратовский предприниматель К.А. Аблязов, включивший «Башлеспром» в свою компанию «Нарат», таким образом описывал свои планы в 2004 году: «Запланировано строительство двух заводов по производству плит МДФ и одного — целлюлозно-бумажного, так как в республике очень мно-

го перестойной древесины и количество ее с каждым годом растет» [12].

Но уже в 2005 году планы того же К.А. Аблязова изменились и он в интервью газете «Республика Башкортостан» говорил: «...тому, кто лоббирует покупку и строительство такого завода МДФ, это очень выгодно, но стратегически подобный подход для интересов республики в корне неправильный. Никакая гигантская „стройка коммунизма“ в башкирских, в основном горных, лесах не пройдет. Береза здесь „спеет“ 60 лет, сосна — 90. Мощные заводы строят там, где дерево вырастает за 30 лет, как на Амазонке, в Индонезии, Бразилии, Африке. Если мы здесь затеем нечто подобное, страшно сказать, что будет. В наших горах будет расти только кустарник» [1].

Интересно, что если в первом своем заявлении К.А. Аблязов аргументировал возможность строительства заводов по производству плит МДФ наличием сырья в республике, то во втором интервью невозможность строительства этих фабрик аргументировал уже отсутствием сырьевой базы. Как показали последующие события, уже приватизированный «Башлеспром» так и не перешел к развитию производств по глубокой переработке лесных ресурсов, не оправдав надежд Правительства республики. Как и в период нахождения в государственной собственности, так и после приватизации (к которой тоже есть вопросы) «Башлеспром», став частной собственностью, продолжал только заготавливать лес и в сыром виде вывозить его за пределы республики.

Такая же история повторилась с компанией «Селена», которая также обещала построить комбинат по производству МДФ плит и под это обещание получила в аренду на льготных условиях, без конкурса, большие участки башкирского леса в 2009 году. Согласно инвестиционному проекту «Создание производства с полным циклом переработки древесины и выпуском высокотехнологической продукции» компания должна была к 2012 году построить завод по производству «высокотехнологичной продукции», инвестировав 2,1 млрд рублей [4–5, 9]. Однако до сих пор этого завода нет, ЛЗК «Селена» занимается, как и другие компании, лесозаготовкой и вывозом сырого леса, присваивая ренту, которая с точки зрения эко-

номической теории должна изыматься, в бюджет [3, 6]. В этой связи Правительство Башкортостана рассматривает вопрос о прекращении действия договоров аренды лесных участков с этой компанией [7].

Третьей после историй с Наратом-Башлеспромом и Селеной попыткой привить на почву Башкортостана предприятия действительно глубокой переработки лесных ресурсов стало приглашение компании «Кронашпан», уже имеющей предприятия по производству МДФ плит в других частях России. Но главное здесь то, что это международная компания, которая имеет десятки таких предприятий в Европе, и продукцию которой Россия импортирует.

Сравнение последнего проекта с предыдущими двумя позволяет сделать вывод, что основной причиной неудач с Наратом-Башлеспромом и Селеной было то, что владельцы этих компаний не имели никакого опыта в глубокой переработке леса, хотя и заявляли о намерениях построить МДФ и целлюлозно-бумажные комбинаты в Башкортостане. Вторая проблема отношений государства и бизнеса заключается в том, что многие чиновники ошибочно увязывают лесозаготовку с переработкой лесных ресурсов. Результатом этого является то, что под обещание построить заводы по переработке предприниматели получали в аренду леса для лесозаготовки. Экономическая бессмысленность и вредность для государства таких действий подробно раскрыта нами в [3, 6]. По существу, лесозаготовка и переработка лесных ресурсов — два отдельных бизнеса, в которых государство должно создать институты, обеспечивающие примерно одинаковую рентабельность, но несколько меньшую в лесозаготовке, т.к. этот вид деятельности намного проще в технологическом плане. Сейчас же государство создало институциональные и экономические (налоговые) условия, ошибочно обеспечивающие большую рентабельность в лесозаготовке. Для изменения этого положения необходимо предпринять ряд мер институционального характера [13], которые будут рассмотрены в дальнейших статьях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-02-00590а.

Литература

- [1] Аблязов К.А. Башкирский лесопромышленный комплекс мы выведем на вторые позиции после «нефтянки»: в республике реализуется масштабный проект по глубокой переработке древесины // Республика Башкортостан. — 2005. — 30 дек. — № 249 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.agidel.ru/?param1=4558&tab=3> (дата обращения 20.10.2015 г.).
- [2] Андерсон Д. Экономический рост и государство в Китае [Электронный ресурс]. — URL: <http://polit.ru/article/2008/07/17/china/> (дата обращения 15.10.2015 г.).
- [3] Барлыбаев А.А., Зулькарнай И.У. Глубокая переработка лесных ресурсов: нужны ли арендные отношения в этой области? // Экономика и управление. — 2013. — № 5 (115). — С. 24–29.
- [4] Бондарук А. «Селена» работает по-белому и планирует инвестировать в башкирскую лесопереработку 1,5 млрд рублей [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gorod-ufa.com/ufa/economy/11668-anatolij-bondaruk-selena-rabotaet-po-belomu-i-planiruet-investirovat-v-bashkirskuyu-lesopererabotku-15-mlrd-rublej.html> (дата обращения 20.10.2015 г.).
- [5] Вильданов Ф.Ш. Лесохимия — современное состояние и перспективы развития. Ч. 1. Целлюлозно-бумажное и гидролизное производство / Ф.Ш. Вильданов, В.Е. Аганбеков, Ф.Н. Латыпова и др. // Башкирский химический журнал. — 2012. — Т. 19. — № 4. — С. 208–212.
- [6] Зулькарнай И.У. Причины отсутствия глубокой переработки леса в Республике Башкортостан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2012. — № 2 (14). — С. 64–73.
- [7] Кузнецова Н. Лес у «Селены» и «Башлеспрома» заберут и отдадут его Kronospan'у. [Электронный ресурс]. URL: <http://archiv.proufu.ru/ekonomika/item/31117-minleskhoz-rb-les-u-selena-i-bashlesproma-zaberut-i-otdadut-ego-kronospan-u.html> (дата обращения 20.10.2015 г.).
- [8] Мерекина О. Лесные ресурсы Китая // Лесная индустрия. — 2007. — № 6 (20).
- [9] Перечень приоритетных инвестиционных проектов Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. — URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=5&ved=0ahUKEwim97LenrbJAhUJFCwKHZ4dAk4QFgg1MAQ&url=http%3A%2F%2Fag-rb.ru%2Ftinybrowser%2Ffiles%2FPerechen_prioritetnyh_investitsionnyh_proektov_29_aprelya_2013.doc&usg=AFQjCNE8ibyjorfeBYY8C6AcUZMZGdW73w&bvm=bv.108194040,d.bGg (дата обращения 20.10.2015 г.).
- [10] Россия и страны мира. 2014. // Статистический сборник / Росстат. — М., 2014. — С. 29–31.
- [11] Состояние лесов мира 2012 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/publications/pdfs/world_forests_2012_rus.pdf (дата обращения 20.08.2015 г.).
- [12] Файзрахманов Р. Уехать в Германию // Вечерняя Уфа. — 2004. — 15 дек. — № 240.
- [13] Шестакович А.Г., Зулькарнай И.У. Инновационный центр «Сколково» как проект по трансплантации успешных институтов «Силиконовой Долины» // Инновационная деятельность. — 2014. — № 3 (30). — С. 17–27.

УДК 338.43(470)

ЛАРЦЕВА Светлана Александровна,
кандидат экономических наук, доцент,
начальник учебно-методического управления ГБОУ ВПО
«Башкирская академия государственной службы и управления», г. Уфа
e-mail: lartseva@yandex.ru

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНЫХ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ В РОССИИ

В данной статье анализируется сектор личных подсобных хозяйств. Показаны исторические, экономические и правовые условия формирования и функционирования личных подсобных хозяйств в России. Отмечено, что личное подсобное хозяйство является определенной сферой занятости сельского населения.

Ключевые слова: личное подсобное хозяйство (ЛПХ), исторические и правовые условия формирования ЛПХ, государственной поддержки ЛПХ.

Личные подсобные хозяйства (ЛПХ) прошли длительный исторический путь, доказав свою жизнеспособность и устойчивость. По данным официальной статистики, личными подсобными хозяйствами в России занимается 16 млн семей, которые располагают 6,5 млн га земель (в среднем по 0,42 га на семью), или 3,3% сельскохозяйственных угодий страны. На этой площади владельцы ЛПХ производят 91,6% картофеля, 80,3% овощей, 51,8% мяса, 51,8% молока, 25,2% яиц от общего объема этих видов сельскохозяйственной продукции.

Личные подсобные хозяйства населения как специфичная форма аграрного производства появились в России в конце 20-х годов прошлого столетия. Среди исследователей-аграрников нет единого мнения относительно периодизации развития данной формы хозяйствования. Это связано с тем, что в основу периодизации положены разные критерии. Четко прослеживаются два подхода: первый опирается на отождествлении ЛПХ с единоличным крестьянским хозяйством, второй — на отношении к ЛПХ государственных структур.

Изучение исторических, экономических и правовых условий формирования и функционирования ЛПХ позволило выделить два периода их развития. Первый период — с конца 1920-х до начала 1990-х годов (ЛПХ в условиях социалистической системы хозяйст-

вия); второй период — с конца 1990-х годов по настоящее время (ЛПХ в условиях становления смешанной экономики).

На первом этапе ЛПХ функционировали в рамках социалистической (административно-командной) системы хозяйствования. В аграрной сфере эта система была представлена государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственностью. Главное средство производства — земля находилась в общенародной собственности. Колхозно-кооперативная собственность представлена колхозами, за которыми в бесплатное и бессрочное пользование закреплялась земля.

Крестьяне, вступившие в колхоз, вели ЛПХ, в собственности которого находились жилой дом, продуктивный и рабочий скот, птица, кролики, пчелы, различный сельскохозяйственный инвентарь и средства малой механизации. Приусадебный земельный участок под огород, сад или другие нужды предоставлялся семье в пользование. В указанный период приоритетным направлением являлось развитие крупных сельскохозяйственных предприятий. В. Бороздин характеризует социалистическую систему хозяйствования в аграрном секторе особыми отношениями между государством-собственником и пользователями земли [2].

Занятость в личном подворье считалась вторичной, а продукция и доход, полученные от

ведения личного подсобного хозяйства, — дополнительными. Если в среднегодовом исчислении общая занятость в личном подсобном хозяйстве в середине 70-х годов оценивается в 4,6–5 млн чел., то численность полностью занятых в личном подсобном сельском хозяйстве сравнительно невелика. В этот период она составляла около 1,8 млн чел., из которых 1,6 млн проживали в деревне [8]. Причем в основном это были женщины с малолетними детьми и пенсионеры.

Начало второго этапа в развитии ЛПХ связано с коренными изменениями во всей экономике страны — переходом к рыночным отношениям, основанным на различных формах собственности [5–6]. В 90-е годы земельные участки, отведенные для ведения ЛПХ, становятся собственностью граждан, что создает определенные условия для их трансформации в другие формы хозяйствования.

Неблагоприятные последствия для ЛПХ имели нормативные акты 1959 года, направленные на их насильственное ограничение. Такая политика объяснялась тем, что ЛПХ отвлекают работников от трудового участия в колхозах и совхозах и способствуют разворовыванию колхозного имущества. В результате с 1959 по 1964 гг. общая площадь земельных участков личного пользования уменьшилась в целом по РСФСР на 10%. Еще значительно пострадало животноводство. По всем регионам РСФСР поголовье крупного рогатого скота в личной собственности населения уменьшилось на 23%. Часть сельских жителей, не имея возможности держать личное подворье в достаточных для их семей размерах, стала покидать деревню [1, 10]. Именно на период интенсивного осуществления политики ограничения ЛПХ приходился повышенный миграционный отток сельского населения в города, а также резкое сокращение численности сельских семей.

Начало второго этапа развития ЛПХ характеризуется некоторыми особенностями: созданы законодательные и экономические предпосылки для развития ЛПХ как равноправной формы сельскохозяйственного производства и ее возможной трансформации в самостоятельные крестьянские хозяйства; сняты все ограничения на количество скота, содержащегося в ЛПХ; согласно действующему законо-

дательству приусадебные участки могут быть увеличены до одного гектара за счет земель, находящихся в ведении местных советов. Помимо этого, сельские жители, получившие земельные паи (работники сельского хозяйства, пенсионеры и часть работников социальной сферы), получили право использовать их для расширения ЛПХ; приусадебные участки земли для ведения ЛПХ, согласно Конституции Российской Федерации, переданы в собственность граждан.

В июле 2003 г. впервые в российской истории был принят закон «О личном подсобном хозяйстве», который институционально закрепил новый статус ЛПХ как владельцев земли и производителей сельскохозяйственной продукции. Закон не относит деятельность граждан по ведению личного подсобного хозяйства к предпринимательской деятельности, и, следовательно, владельцы таких хозяйств освобождаются от уплаты подоходного налога, что является определенным стимулом развития ЛПХ. Этот же закон предусматривает добровольную уплату владельцами и членами ЛПХ страховых взносов во внебюджетные фонды. При этом время, отработанное на личном подворье, зачисляется в трудовой стаж, все члены ЛПХ получают право пользоваться услугами страховой медицины и государственного пенсионного обеспечения. Кроме того, согласно ст. ст. 6 и 8 Закона Российской Федерации «О плате за землю» земельный налог на земельные участки личного подсобного хозяйства в границах и вне черты сельских поселений приравнен к налогу, взимаемому с сельскохозяйственных организаций (в 10 раз меньше, чем для дачников или владельцев земельных участков для индивидуального жилищного строительства). Соответствующими законами установлены льготы на подоходный налог (налоговые вычеты на расходы при приобретении земельных участков, жилых домов, хозяйственных сооружений и строений), налог на имущество, расположенное на земельном участке личного подсобного хозяйства, плата за забор воды для орошения и т. д.

В качестве меры государственной поддержки ЛПХ можно также отметить, что законодательно с 2003 года впервые предусматривается ежегодное бесплатное проведение ветери-

нарного осмотра скота, организация его ветеринарного обслуживания, борьба с заразными болезнями животных, содержащихся в личном подсобном хозяйстве.

В переходный период, в условиях значительного спада производства в коллективном секторе, для значительной части сельских семей собственное подворье явилось существенным подспорьем в формировании дохода [4]. Так, итоги Всероссийской переписи населения 2002 года показали, что из 100 жителей России 12 человек в качестве источника средств существования определяют личное подсобное хозяйство, а для одного человека доходы от ЛПХ являются единственным источником [7]. Важна роль этого хозяйства и в настоящее время, когда размер заработной платы работника, занятого в сельском хозяйстве, крайне низок и составляет только 50% от средней заработной платы в экономике, в то время как в 1990 году она составляла 95%. ЛПХ в настоящее время помогает поддерживать минимальный уровень жизни на селе.

Не следует забывать, что личное подсобное хозяйство является определенной сферой занятости сельского населения. В усло-

виях заметного сокращения рабочих мест в сельскохозяйственных предприятиях они выступили своеобразным социальным буфером, сдерживающим массовую безработицу. Спад производства в крупных сельскохозяйственных предприятиях за годы реформ привел к заметному сокращению рабочих мест, следовательно, и занятости сельского населения. Численность занятого населения в сельском хозяйстве Республики Башкортостан с 318,5 тыс. в 1991 году упала до 277,8 тыс. чел. в 1998 году или на 12,8% [3]. В 2002 году она возрастает до 300,1 тыс. чел., в 2004 г. составляет 288,6 тыс. человек. Но следует отметить, что этот рост произошел благодаря тому, что, начиная с 1999 года, в численность занятых стали включать численность лиц, занятых в личных хозяйствах производством продукции, предназначенной для реализации [9].

Представляется, что рассматриваемый сектор сельскохозяйственного производства имеет собственную «нишу» и не исчерпал свои возможности с точки зрения присущих ему функций. Государственная политика в отношении личных подсобных хозяйств должна быть предельно взвешенной и строиться с учетом реальной ситуации в аграрной сфере.

Литература

- [1] Богатырева М.Р., Малых Д.Д. Регулирование миграционной политики // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2015. № 3 (28). — С. 70–74.
- [2] Бороздин С.В. Земельные отношения и аграрные реформы. — М., 2002.
- [3] Галин Р.А., Ларцева С.А. О некоторых проблемах развития личного подсобного хозяйства // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Башкортостан. — 2000. — № 4.
- [4] Малых О.Е. Доходы: структура, источники и механизм реформирования: дис. ... канд. экон. наук. — М., 1999.
- [5] Малых О.Е., Полянская И.К. Трансакционные издержки, как отражение адаптации поведения экономических субъектов // Методологические проблемы моделирования социально-экономических процессов: сб. статей II Всерос. конф. с междунар. участием (г. Уфа, 14–15 ноября 2014 г.). — Уфа, 2014.
- [6] Малых О.Е. Роль государственного регулирования в развитии национальных экономик / Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет». — Уфа, 2006.
- [7] Население и общество // Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2005. — № 95. — Ноябрь.
- [8] Староверов В.И. Советская деревня на этапе развитого социализма. — М., 1976.
- [9] Уровень жизни населения Республики Башкортостан // Статистический сборник. — Уфа, 2003.
- [10] Bogatyreva M.R. Transformation of the Labour Migration Management System // World Applied Sciences Journal. — 2014. — Т. 30. — № 11.

УДК 338.48(470.621)

СМОТРОВА Инна Александровна,

магистрант Высшей школы бизнеса

Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

e-mail: ruban-d@mail.ru

РУБАН Дмитрий Александрович,

Philosophiae Doctor, кандидат геолого-минералогических наук,

доцент Высшей школы бизнеса

Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

e-mail: ruban-d@mail.ru

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ В ЭЛЕКТРОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ОПТИМИЗАЦИИ

Современный туристический образ Республики Адыгея в электронном пространстве изучен с помощью контент-анализа представительной выборки Internet-страниц организаций сферы туризма. Установлено, что Адыгея позиционируется как горный регион с хорошей гостиничной базой. Этот образ неполон, т. к. не отражает всего спектра туристических ресурсов. Оптимизация образа возможна при содействии административных органов и профессиональных объединений представителей туристической индустрии.

Ключевые слова: Адыгея, гостиничное хозяйство, природный туризм, туристический образ, электронный ресурс.

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение глобального электронного информационного пространства стало логичным следствием широкого распространения сети Internet. В результате появились новые возможности для формирования и продвижения узнаваемых образов территорий, что важно для становления последних в качестве туристических дестинаций и последующего повышения их конкурентоспособности [1; 3–5; 7; 15–17]. Это актуально, в частности, для Южного федерального округа, регионы которого соревнуются за инвестиции, информационные, транспортные и туристические потоки, экологические, экономические и социально-культурные проекты [2].

Целью настоящей работы является анализ Internet-ресурсов для выявления особенностей современного туристического образа Республики Адыгея в электронном пространстве. С практической точки зрения это важно

по причине того, что данный регион Южного федерального округа приобретает все большее значение в качестве важной туристической дестинации [9; 12], и, следовательно, его корректное позиционирование в электронном пространстве в высшей степени актуально. Подобного рода исследования уже предпринимались ранее [2], однако за последние годы произошло много изменений. Туристическая индустрия республики преобразилась фундаментально, что обязательно должно было привести к существенной трансформации образа данного региона. Более того, настоящая работа основана на оригинальной методике изучения туристического образа.

ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА

Республика Адыгея находится в центральной части Северо-Западного Кавказа и занимает площадь более 7 тыс. км², на которой проживают около 450 тыс. человек. По характеру

рельефа регион условно можно разделить на три части: равнинную, предгорную и горную.

На равнинной части региона туризм не особо популярен, а вот предгорная и горная части играют немаловажную роль в развитии въездного и внутреннего туризма [11]. Наиболее привлекательными объектами являются Лагонакское нагорье, водопады Руфабго, долина р. Белой (в т.ч. Хаджохская теснина), урочище «Партизанская поляна». Адыгея отличается не только природным разнообразием, способствующим развитию различных активных видов туризма, но и многовековой историей, которая отражена в таких объектах показа как дольмены, менгиры (IV–II тыс. до н.э.), курганы, а также нематериальном культурном наследии адыгов (легенды, обычаи, народные промыслы) [11].

Последнее десятилетие отмечено исключительно быстрым развитием туризма в Адыгее. Так, в 2008–2009 гг. эта сфера выросла на 34% [13]. Тем не менее, туристическая деятельность остается сравнительно однообразной. Это главным образом природная рекреация и природный (в т.ч. пешеходный, экстремальный, а также познавательный) туризм.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Представления о туристическом образе территории, который следует отличать от туристского образа (последний характеризует туристов, а не территорию), изложены в целом ряде работ [1; 4–6; 14; 15–17]. Туристический образ связан с образом региона вообще и брендом (узнаваемым символом) в частности. Как было отмечено [3], логотип региона является частью бренда туристической дестинации.

Концептуальная основа настоящей работы заключается в следующем. Туристический образ региона может быть объектным (это образ сам по себе, как он создан и как продвигается) и перцептивным (образ в восприятии туристов). Объектный образ имеет три составляющих: материализованный образ (конкретные объекты (гора, гостиница и т.п.), род деятельности, вид туризма и др.), символический образ (специально созданный символ региона), качественный образ (положительный, нейтральный, отрицательный). Объектный образ может выражаться текстом, фотографиями, рисунка-

ми. Наибольшее значение имеет именно графическая информация. Бренд — это объектный материализованный или символический (чаще) образ, который может быть представлен в виде простого рисунка (в т.ч. логотипа)/фотографии и/или в виде короткого текста (лозунга). Бренд может пониматься и более широко, в таком случае он тождественен объектному образу в целом. Объектный образ формируется как случайно, так и специально. Он продвигается по различным каналам, одним из которых является Internet.

Изучение туристического образа Республики Адыгея в электронном пространстве основано на контент-анализе (изучении содержания) Internet-страниц, посвященных туризму в этом регионе. С помощью общеизвестных поисковых систем было выбрано 29 Internet-страниц (табл. 1). Приоритет отдавался наиболее популярным электронным ресурсам. Соотношение владеющих ими организаций по профилю их деятельности в целом отражает структуру туристической индустрии республики. Подборка этого фактического материала производилась летом–осенью 2015 г.

Для каждой Internet-страницы проводился контент-анализ. При этом обращалось внимание на ту информацию, которая соответствует составляющим объектного туристического образа территории. Основное внимание уделялось информации, представленной в графическом виде. Полученные сведения были обобщены качественно и частично количественно. В настоящей работе результаты контент-анализа конкретных Internet-страниц не приводятся по этическим соображениям (в частности, чтобы не затронуть коммерческие интересы владеющих страницами организаций).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Все проанализированные Internet-страницы (табл. 1) содержат ту или иную информацию, которая способствует формированию туристического образа Республики Адыгея в электронном пространстве. Изображения природы (чаще ландшафты, реже конкретные объекты) присутствуют на 16 страницах (55%). Преобладают изображения гор. Реже показаны типично горные реки. Историко-культурных объектов практически не иллюстрируются.

Таблица 1 — **Internet-страницы, использованные в целях настоящего анализа**

Internet-страница	Профиль организации
prokat-maykop.ru	Товары для туризма
kmv-fishing.ru	Товары для туризма
база-солнечная.рф	КСР*
azish-tau.com	КСР
lagonaki-adygeya.ru	КСР
gory-adygei.ru	Экскурсионные услуги
oshten.com	КСР
ryabinovka.com	КСР
usadba-parfenova.ru	КСР
euro-camo.ru	Товары для туризма
stardolina.ru	КСР
lagonaki.com	КСР
gost-usadba.ru	КСР
u-kamina.com	КСР
kemping-yut.ru	КСР
adygcomtur.ru	Административный орган
oshten-tur.ru	Экстремальный туризм
pobedatur.jimdo.com	Экскурсионные услуги
masterraft.ru	Рафтинг
adyg-museum.ru	Музей
neoplantur.ru	Транспортное обеспечение
gornaya-derevnya.ru	КСР
adygheya.ru	Административный орган
lagonaki.ucoz.ru	Рафтинг
tetistur.ru	Экскурсионные услуги
skalamonah.ru	КСР
target-shop.ru	Товары для туризма
elota.org	Охотничье хозяйство
энэктур.рф	КСР

* Примечание. КСР — коллективные средства размещения.

Из объектов животного мира на фотографиях часто фигурируют кони. Это весьма важно, т.к. конь присутствует на официальном гербе республики, а также прочно ассоциируется с представлениями о народах Кавказа. Кроме того, конные экскурсии — весьма популярное направление туристическо-рекреационной деятельности в республике. Важно отметить, что природа Адыгеи показана как в летнее, так и в зимнее время, что хорошо подчеркива-

ет всесезонность дестинации. При этом создается впечатление, что некоторые фотографии сделаны за пределами региона, в котором отсутствуют столь «дикие» горы, как показаны на них. Узнаваемых на фотографиях природных объектов немного, а поясняющие подписи часто отсутствуют. В текстовых блоках упоминаются Лагонакское нагорье, водопады Руфабго, Хаджохская теснина и некоторые другие популярные объекты, отмеченные выше. Архетипи-

ческие образы в туристическом дискурсе можно подразделить на две группы: первую образуют универсальные образы, восходящие к архетипическому, а также мифологическому пластам человеческого сознания; вторая группа связана с константами определенного национального сознания и зависит от религиозной и культурной традиций; архетипические образы в туристическом дискурсе коррелируют с ведущими концептами бытия — человеком, природой и пространством [7]. В случае с Адыгеей очевидным кажется нацеленность электронных ресурсов именно на архетипические образы первой группы.

На Internet-страницах многочисленных баз отдыха, гостевых домов, гостиниц и прочих коллективных средств размещения зачастую показаны соответствующие строения, их интерьер, а также предоставляемые их постояльцам услуги. В итоге значительная часть информации, содержащейся в электронном пространстве и посвященной туризму в Республике Адыгея, касается именно гостиничного хозяйства, демонстрируя его хорошее состояние и разнообразие. Это является важной предпосылкой для осознания посетителями проанализированных электронных ресурсов огромного рекреационного (однако именно рекреационного в узком смысле!) потенциала республики.

Сравнительно большое число Internet-страниц содержит информацию о возможностях приключенческого и экстремального туризма в горах Адыгеи. Встречаются изображения, иллюстрирующие сплав по бурным рекам (рафтинг), занятия альпинизмом, многодневные пешие переходы, конные прогулки, джиппинг. На некоторых страницах фигурируют товары, предназначенные для путешествий в горах: рюкзаки, палатки, альпинистское снаряжение.

Хотя многие Internet-страницы содержат логотип владеющих ими фирм, эти символы имеют лишь косвенное отношение к символическому объектному туристическому образу рассматриваемого региона. Однако 13 электронных ресурсов (45%) содержат и символы, касающиеся собственно Республики Адыгея. В основном это горы. Реже в таком качестве выступают реки и объекты животного мира (кони и в одном случае медведь). Официаль-

ный герб и прочие символы республики встречаются единично (прежде всего, на Internet-страницах административных органов). Историко-культурное наследие в качестве символов практически никак не проявляется в символах региона, используемых на Internet-страницах.

В связи с тем, что объектный туристический образ региона складывается, в первую очередь, из той информации, что распространяют сами туристические организации, нестранно, что в случае с Республикой Адыгея не выявлено ресурсов, которые бы отражали отрицательные черты этого образа. Тем не менее, однозначно положительный качественный образ продвигается лишь 13 Internet-страницами (45%). В остальных случаях он может быть определен как нейтральный. Двумя основными положительными чертами, которые можно установить по результатам проведенного контент-анализа, являются востребованность Горной Адыгеи как дестинации, а также хорошая туристическая инфраструктура. Отмеченную выше нейтральность подчеркивает также тот факт, что туристические компании, располагающиеся в самой Адыгее, на своих Internet-страницах (всего таковых рассмотрено порядка 10, однако они не включены в таблицу 1 по объективным причинам) практически никак не способствуют продвижению данного региона. На них преобладает информация о дестинациях выездного туризма, зачастую иностранных.

Результаты контент-анализа Internet-страниц, посвященных туризму в Республике Адыгея, обобщены в таблице 2. Как можно увидеть, к настоящему времени в электронном пространстве сформирован достаточно конкретный туристический образ этого региона, который имеет ряд отличительных особенностей.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Качество объектного туристического образа региона определяется полнотой и корректностью представленной информации, а также дизайном и функциональностью сайтов. Обобщенные результаты контент-анализа (табл. 2) в сопоставлении с представлениями о географических особенностях региона и туристических ресурсах [8; 11–12] позволяют сделать вывод о его значительной неполноте.

Таблица 2 — **Содержание объектного туристического образа Республики Адыгея в электронном пространстве**

Составляющие	Содержание
Материализованный	горы, лес, кони, хорошее развитие гостиничной базы, всесезонность дестинации, рекреация, приключенческий и экстремальный туризм
Символический	горы
Качественный	востребованность дестинации, хорошая инфраструктура туризма

Материализованный образ неполон по следующим обстоятельствам. Во-первых, он никак не отражает равнинную часть республики, которая больше горной по площади и характеризуется не менее богатыми природными ресурсами для развития туризма. Например, речные долины на равнине являются потенциально привлекательными для рекреации. Подобного рода неполнота уже отмечалась ранее [10]. Во-вторых, информация об историко-культурных особенностях региона весьма скудна. Лишь изредка встречаются упоминания о дольменах. Это следует понимать как огромное упущение, т. к. путешествие в Адыгею — «типичный кавказский регион» в восприятии туристов — может представлять собой интерес именно как возможность познакомиться с культурой, традициями, бытом кавказских народов. В-третьих, крайне недостаточна информация о Майкопе (административный центр республики) и других населенных пунктах, которые сами по себе вполне могут привлечь туристов. В-четвертых, продвижение собственно рекреации, а также приключенческого и экстремального туризма не позволяет отразить в полной мере потенциал рассматриваемого региона. В его пределах возможно развитие различных форм паломнического, познавательного (в т. ч. экологического и геологического), образовательного, делового, сельского, этнического и других видов туризма. Более того, эти направления деятельности уже существуют, что требует адекватной репрезентации в электронном пространстве. Кроме того, акцент на приключенческом и экстремальном туризме,

который проявлен весьма отчетливо (так или иначе эти виды туризма фигурируют более чем на четверти из проанализированных Internet-страниц), может способствовать восприятию региона как специфической дестинации, ориентированной на активный отдых, требующий специальной физической подготовки, специальных знаний и т. д. Иными словами, такого рода неполнота приводит к позиционированию Адыгеи как «региона не для всех», что, безусловно, в корне неверно.

Символический образ неполон, т. к. далеко не только горы могут выступать в качестве символа республики. В частности, в этих целях могут использоваться историко-культурные особенности региона (прежде всего, речь идет о национальной культуре адыгов), известные археологические находки (в т. ч. т. н. «майкопские бычки» — фигурки, характерные для древней майкопской культуры [12]), а также национальные символы (герб, флаг и т. д.). При этом именно они в полной мере позволяют подчеркнуть уникальность республики. Что касается качественного образа, то своего рода неполнота связана с его значительной нейтральностью, устанавливаемой по результатам проведенного контент-анализа Internet-страниц.

Ранее уже было показано, что образ горной Адыгеи как туристической дестинации характеризуется значительно некорректностью, что может иметь неблагоприятные следствия для развития туризма в данном регионе [6; 10]. Настоящее исследование позволило обратить внимание на то, что проблема в действительности еще глубже. Во-первых, для иллюстрации

природных особенностей иногда используются изображения, которые не соответствуют фактическому состоянию туристических ресурсов Адыгеи. В частности, выше уже отмечалось, что горы в этом регионе вовсе не являются столь «дикими» и «неприступными», как показано на ряде Internet-страниц. Во-вторых, отсутствие пояснительных надписей к изображаемым природным объектам делает их слабо узнаваемыми. Как следствие, популярные у туристов места (Лагонакское нагорье, водопады Руфабго и т.д.) становятся известными лишь по своим названиям, а не визуально. Организации явно не стремятся к единой цели — формированию и продвижению туристического образа региона.

Что касается дизайна Internet-страниц, то последние значительно разнятся по своему внешнему виду. Наиболее часто встречающиеся проблемы сводятся к следующему. Во-первых, это дисбаланс между текстом и графикой. В некоторых случаях наблюдается явный избыток текста и недостаточность иллюстраций. Однако часто имеет место, напротив, «пересыщение» страниц графическими объектами. Во-вторых, недостаточно четко обозначен профиль деятельности организации — владельца страницы (исключением являются коллективные средства размещения, которые, как правило, хорошо самоидентифицируются). В-третьих, некоторые Internet-страницы неудобны в использовании из-за размера, организации гиперссылок, сложности использованных интерактивных средств и т.д. В-четвертых, лишь часть проанализированных электронных ресурсов снабжена форумом, где можно познакомиться с отзывами других посетителей.

Как следует из всего вышесказанного, с туристическим образом Республики Адыгея в электронном пространстве связан целый ряд существенных проблем. Их учет весьма важен с учетом того, какую роль играют электронные ресурсы в качестве источников информации для современных туристов [14]. В этой связи на первый план выходит необходимость решения задачи по оптимизации объектного туристического образа рассматриваемого региона. Это возможно за счет действий, во-первых, республиканских административных органов,

ответственных за развитие туризма, и, во-вторых, профессиональных объединений работников туристической индустрии в регионе, которые могут оказать воздействие на отдельные организации (сходные идеи сформулированы в работе [10]).

Результаты настоящего исследования позволяют наметить основные направления деятельности по оптимизации туристического образа Адыгеи в электронном пространстве. Это, прежде всего, размещение на Internet-страницах туристических организаций информации обо всем спектре природных и историко-культурных ресурсах, которыми обладает регион, а также о населенных пунктах и всех видах туризма. Далее необходима «централизованная» разработка туристических символов республики, которые бы потом рекомендовались к использованию на всех электронных ресурсах. Internet-страницы должны быть модифицированы таким образом, чтобы они создавали максимально позитивный качественный образ Адыгеи. Во избежание некорректности распространяемых сведений и неудачного дизайна страницы должны разрабатываться с участием профессионалов, которые имеют достаточный и успешный опыт разработки страниц для туристических организаций. Например, профессиональные объединения работников (владельцев) туристических организаций могут сориентировать последних, чтобы они обращались при разработке страниц именно к таким профессионалам. Или же консультации и прочая помощь последних может предоставляться бесплатно, т.е. путем финансовой поддержки со стороны республиканских органов власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Контент-анализ Internet-страниц, посвященных туризму в Республике Адыгея, позволил сделать следующие выводы. Во-первых, к настоящему времени сформировался определенный объектный туристический образ данного региона в электронном пространстве. Во-вторых, этот образ показывает Республику Адыгею как горный регион, обладающий преимущественно природными ресурсами, хорошей гостиничной базой, являющийся всесезонной дестинацией с преобладанием природ-

ной рекреации, приключенческого и экстремального видов туризма. В-третьих, установлено, что сформированный к настоящему времени образ нуждается в оптимизации по причине частичных неполноты, некорректности, а подчас и неудачного дизайна Internet-страниц. В-четвертых, только содействие административных органов, профессиональных объединений и отдельных организаций позволит решить задачу по проведению оптимизации туристического образа.

Перспективы последующих исследований связаны с необходимостью изучения, во-первых, не только объектного, но и перцептивного туристического образа Адыгеи, а, во-вторых, — влияния образа региона в целом на туристический образ в частности. Для этого потребуются проведение социологических исследований в виде опросов, интервью и т.д. По-видимому, окажется необходимым и создание инфраструктуры для такого рода исследований.

Литература

- [1] Гуляева Н.В., Горошко Н.В. Формирование образа туристического региона на примере Новосибирской области // Инновации. Менеджмент. Маркетинг. Туризм. — 2013. — № 1.
- [2] Калашникова С.В. Проблемы позиционирования Республики Адыгея как привлекательного туристического направления // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2009. — № 2.
- [3] Ковынева Л.В. Формирование регионального бренда в регионах России // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2014. — № 5.
- [4] Левочкина Н.А. Туристические бренды территории: структура и особенности // Российское предпринимательство. — 2012. — № 20.
- [5] Никанорова Е.В. Географические и туристские образы территории // Сборник научных трудов / ГОУ ВПО «Пермский государственный университет». — Пермь, 2008.
- [6] Паникарская Н.И., Стаценко А.А., Рубан Д.А. Туристический образ региона в сетевом пространстве: проблема качества информации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2015. — № 1.
- [7] Пименова З.П. Архетипические образы в туристическом дискурсе // Сборник конференций НИЦ «Социосфера». — 2013. — № 2.
- [8] Раковская Э.М. Физическая география России. Т. 2. — М.: Академия, 2013.
- [9] Смолякова Ю.И. Туризм в Республике Адыгея: современный взгляд на развитие // Новые технологии. — 2008. — № 5.
- [10] Смотров И.А., Рубан Д.А. Ландшафтный туристический образ Республики Адыгея в электронном пространстве // Проблемы природоохранной организации ландшафтов. — Новочеркасск: Лик, 2015.
- [11] Сыроватская В.К. Туристско-рекреационный потенциал Республики Адыгея // Young Science. — 2014. — № 4.
- [12] Трепет С.А. Адыгея. — Майкоп: Кубанское кн. изд-во, 2011.
- [13] Хажокова С.С. Сценарные условия развития экономического потенциала туризма в Адыгее // Новые технологии. — 2010. — № 4.
- [14] Щекунцева О.С., Смотров И.А., Рубан Д.А. Сетевые технологии в развитии регионального туризма // Вестник ТИСБИ. — 2015. — № 3.
- [15] Gallarza M.G., Gil-Saura I., Calderon Garcia H. Destination image: Towards a Conceptual Framework // Annals of Tourism Research. — 2002. — V. 29.
- [16] Kim S.S., McKercher B., Lee H. Tracking Tourism Destination Image Perception // Annals of Tourism Research. — 2009. — V. 36.
- [17] Mano A., da Costa R.A. A Conceptual Model of the Antecedents and Consequences of Tourist Destination Image // Procedia Economics and Finance. — 2015. — V. 23.

УДК 332.1

КАЛИМУЛЛИНА Эльза Рамисовна,

кандидат социологических наук, доцент

Уфимского государственного университета экономики и сервиса

e-mail: KalimullinaER@mail.ru

ИСМАГИЛОВА Тагира Валинуровна,

кандидат экономических наук, доцент

Башкирского института социальных технологий (филиала)

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа

e-mail: tagira_i@mail.ru

ФИНАНСЫ РЕГИОНОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВА

В настоящее время усиливается роль региональных финансов, через которые государство активно проводит социальную политику. В статье рассматриваются вопросы формирования единых подходов при реализации региональной политики, укрепление финансовой самостоятельности и раскрытие инвестиционного потенциала субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: финансовая система, социальная политика, инвестиционный фонд, инвестиционные проекты, доходы, расходы.

Одной из важнейших составных частей финансовой системы государства являются региональные финансы, которые охватывают региональные бюджеты административно-территориальных единиц и финансы субъектов хозяйствования, используемые для удовлетворения потребностей регионов. Региональные финансы обеспечивают финансирование широкого круга мероприятий, связанных с социально-культурным и коммунально-бытовым обслуживанием населения. Таким образом, региональные финансы — это система экономических отношений, посредством которой распределяется и перераспределяется национальный доход на экономическое и социальное развитие территорий.

В последние десятилетия во многих государствах наблюдается регионализация экономических и социальных процессов. Все в большей мере функции регулирования этих процессов переходят от центральных уровней государственной власти к региональным. Поэтому роль региональных финансов усиливается, а сфера их использования расширяется. Величина региональных финансов растет,

и во многих странах она составляет преобладающую часть финансовых ресурсов государства.

Через региональные финансы государство активно проводит социальную политику. На основе предоставления региональным органам власти средств для их бюджетов осуществляется финансирование муниципального народного образования, здравоохранения, коммунального обслуживания населения. При этом круг финансируемых мероприятий расширяется. За счет средств региональных бюджетов стали финансироваться не только общеобразовательные школы, но и высшие учебные заведения, крупные объекты здравоохранения, мероприятия по внутренней безопасности, правопорядку, охране окружающей среды и др. В современных условиях все в большей степени региональные органы власти призваны обеспечить комплексное развитие регионов, пропорциональное развитие производственной и непроизводственной сфер на подведомственных территориях [7]. Значительно возрастает их координационная функция в экономическом и со-

Рисунок 1 — Доходы и расходы региональных консолидированных бюджетов по итогам первой половины 2014 г. [6]

циальном развитии регионов. Это вызывает необходимость дальнейшего расширения и укрепления финансовой базы региональных органов власти, решения ряда проблем, связанных с совершенствованием методов формирования и использования финансовых ресурсов регионов.

В Послании Президента Федеральному Собранию и Основных направлениях деятельности Правительства до 2018 года одним из ключевых приоритетов государственной политики названо сбалансированное региональное развитие. На решение этой задачи направлена подготовленная Минрегионом России Государственная программа «Региональная политика и федеративные отношения» [4]. Ее основная цель — формирование единых подходов при реализации региональной политики, укрепление финансовой самостоятельности и раскрытие инвестиционного потенциала субъектов Российской Федерации.

Сегодня регионы различаются не только по социально-экономическим показателям, производственному потенциалу, но и по уровню развития инфраструктуры, по научно-технической базе, по качеству жизненной среды. Очевидно, что при устранении этих диспропорций политика выравнивания должна дополняться политикой стимулирующего развития. Инвестиционный фонд Российской Федерации (далее — Фонд) образован в январе 2006 года и в соответствии с Бюджетным Кодексом Российской Федерации (далее — БК РФ) пред-

ставляет собой часть средств федерального бюджета, которая подлежит использованию в целях реализации инвестиционных проектов на принципах государственно-частного партнерства [2].

Во исполнение норм БК РФ постановлением Правительства Российской Федерации от 1 марта 2008 г. № 134 утверждены Правила формирования и использования бюджетных ассигнований Фонда, закрепляющие базовые положения о требованиях к проектам, порядке их отбора, принятии Правительством Российской Федерации решений об утверждении паспортов проектов, требования к инвестиционным соглашениям, определяющим взаимные обязательства и ответственность участников проектов [7]. Главная цель использования средств Фонда — поддержка приоритетных для государства и регионов конкретных инвестиционных проектов путем создания транспортной, инженерной или энергетической инфраструктуры государственного или муниципального значения, без которой эти проекты не могут быть реализованы. Инвестиционные проекты, получающие государственную поддержку за счет бюджетных ассигнований Фонда, должны отвечать приоритетам социально-экономического развития Российской Федерации или отдельных субъектов Российской Федерации, определенных Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и другими документами страте-

гического планирования. С момента создания Фонда государственную поддержку получили 16 проектов, имеющих общегосударственное значение, и 34 региональных инвестиционных проекта [3]. Их общая стоимость составляет более 1 трлн 244 млрд рублей. Общий объем государственной поддержки проектов составляет 336,6 млрд рублей (из них средства Фонда — 305 млрд руб.), а объем частных инвестиций — 908 млрд рублей. Из указанных средств по состоянию на 1 июля 2012 года частными инвесторами освоено 471,7 млрд руб., за счет средств государственной и муниципальной поддержки выполнено работ в объеме более 164,5 млрд рублей. В 2012 году объем бюджетных ассигнований Фонда, предусмотренный законом о бюджете на 2012 год, составляет 37,9 млрд рублей. В настоящее время можно констатировать, что Фонд стал катализатором инвестиционной активности частных инвесторов. Согласно статистике отобранных проектов, в среднем на 1 рубль средств федерального бюджета привлекается от 3 до 6 рублей частных инвестиций, а по некоторым ре-

гиональным проектам — до 10 и даже 17 рублей [5].

Деятельность Фонда позволяет решать и социальные задачи, так, по общегосударственным проектам планируется создать более 130 тыс. рабочих мест, по региональным — свыше 30 тыс. рабочих мест.

Региональные финансы — это не только система экономических отношений. Они являются и совокупностью денежных средств, используемых на экономическое и социальное развитие территорий. Главным направлением использования региональных финансов является финансовое обеспечение социальной и частично производственной инфраструктуры. Основным источником ее финансирования стали бюджетные ассигнования и средства субъектов хозяйствования (предприятий, организаций). В Российской Федерации к таким бюджетам относятся бюджеты республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономных округов, районов, городов, районов в городах, поселковых и сельских органов самоуправления.

Литература

- [1] Асадов А.М. Правовые основы организационного обеспечения финансовой деятельности государства в России. — Екатеринбург: Урал. ун-т, 2011. — 344 с.
- [2] Боровиков В.И. Денежное обращение, кредит, финансы: курс лекций. — М.: Центр, 2011. — 224 с.
- [3] Бюджетный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 31.07.1998 № 145-ФЗ (с изм. и доп. от 09.02.2011 № 17-ФЗ) // СЗ РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 785.
- [4] Валютное регулирование в системе государственного управления экономикой / под общ. ред. В.М. Крашенинникова. — М.: Экономика, 2012. — 400 с.
- [5] Вахрин П.И., Нешиной А.С. Финансы. Денежное обращение. Кредит. — М., 2012. — 656 с.
- [6] Доходы регионов уверенно снижаются. Время и деньги: выпуск от 14.08.2014 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-39958.htm>
- [7] Конституция Российской Федерации: Принята на всенародном голосовании 12.12.1993 г.

УДК 338.2(470)

ШЕСТАКОВИЧ Анна Геннадьевна,*старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный университет экономики и сервиса»**e-mail: starodubovaag@mail.ru***ИШМУХАМЕТОВ Наиль Салаватович,***кандидат экономических наук,
доцент кафедры общей экономической теории
исследований социально-экономических проблем регионов
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
e-mail: 007@efbgu.ru*

ВОПРОСЫ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И СЫРЬЕВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ РОССИИ

В статье рассматривается проблема развития инновационного предпринимательства в стране в увязке с преодолением сырьевой направленности отечественной экономики; анализируются причины, пути изменения ситуации.

Ключевые слова: инновации, предпринимательство, энергоресурсы, интеллектуальный капитал.

Одним из основных факторов, определяющих интенсивный экономический рост в странах — мировых лидерах в современных условиях становятся инновации, которые производятся и распространяются в рамках инновационного предпринимательства при поддержке государства [6]. В России проблема развития инновационного предпринимательства во многом обусловлена отсутствием спроса на инновационные продукты со стороны отечественных предпринимателей.

Некоторые критики считают, что российский бизнес не нацелен покупать и внедрять новые технологии [1, 3], т. к. ориентирован на добычу полезных ископаемых и их продажу, что приносит в условиях действующей системы налогообложения большую прибыль по сравнению с инновационной экономикой. Также отмечается, что отечественные производители предпочитают покупать апробированные технологии за рубежом, базируясь на том, что на сегодняшний момент заимствования выгоднее собственных разработок [9–10].

Есть мнение, что проблема отсутствия спроса на инновации обусловлена сырьевой направленностью отечественной экономики,

сырьевые компании мало заинтересованы в развитии науки, т. к. качество выпускаемой ими продукции вполне конкурентоспособно и без применения новейших технологий [7]. Ю.В. Яковец — доктор экономических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации указывает на главную роль государства в части развития спроса на технологии, исключает возможность крупных сдвигов в инновационном развитии только за счет рыночных механизмов [8]. Наряду с этим есть направления исследований, согласно которым проблемы инновационного развития изучаются с точки зрения культурных особенностей населения [5].

С собственно экономической точки зрения, как показывают исследования [1–3], причина отсутствия успехов в инновационном развитии и сохранении сырьевой модели экономики России кроется в том, что государство неверно организует отношения государства с бизнесом. Суть этих отношений заключается в том, что государство не изымает через налоговую систему всю ренту, содержащуюся в природно-сырьевых ресур-

сах. В результате, предприниматели, имеющие доступ к добыче природных ресурсов, присваивают эту ренту, которая не является заработанным им доходом и представляет собой сверхдоход, никак не связанный с их предпринимательскими качествами.

Полученный таким образом сверхдоход, источником которого является рента, привлекает, конечно, в эти отрасли бизнесменов, что создает коррупционные риски. То, что эти отрасли создают коррупцию в государстве видно из факта, что рентабельность в этих секторах не выравнивается с рентабельностью в других отраслях, не связанных с рентой. Если бы не было коррупционной составляющей этих видов бизнеса, то исчез бы административный барьер, препятствующий другим бизнесменам переходить в сырьевые отрасли, как это предсказывает экономическая теория для случая совершенной конкуренции.

Говоря о сырьевой направленности отечественной экономики, стоит сразу отметить, что данный фактор во многом является определяющим в формировании бюджета страны и ее благополучия, в связи с чем природные ресурсы страны можно воспринимать не как барьер в развитии инноваций, а как конкурентное преимущество, которое дает возможность развитию отраслей промышленности без крупных затрат. Переход к инновационному предпринимательству не состоится, если сырьевой сектор хозяйства останется невосприимчивым к новым технологиям [1, 4].

Именно данный сектор должен стать движущей силой в инновационном развитии всей экономики России, определяющей перспективы ее роста. Поэтому основательная технологическая модернизация этого сектора должна стать основным условием воплощения в жизнь таких перспектив. Об этом свидетельствует опыт развитых стран, в которых компании-лидеры в сфере энергетики успешно реализуют стратегии диверсификации и освоения научно-технических рубежей, направленные на снижение экономических издержек, освоение новых методов и технологий добычи, транспортировки и хранения продукции, на развитие смежных производств и услуг. Поэтому выход России на новый этап социально-экономического развития, который в стратеги-

ческом плане означает эволюцию экономики от экспортно-ориентированной к инновационной, должен предполагать поиск новых, более продуктивных механизмов диверсифицированного экономического роста, как со стороны государства, так и со стороны бизнеса. Многие ученые-экономисты подчеркивают, что экономический подъем нашего государства может быть обеспечен только на пути оптимального сочетания инновационных и инвестиционных возможностей во всех хозяйственных отраслях [2].

Приоритетным должно стать развитие интеллектуального капитала. В России он находится на достаточно высоком уровне и предоставляет возможность отечественной экономике развиваться не по сырьевому, а по инновационному пути. В этом случае все усилия государства должны быть сконцентрированы на интеграции науки и производства, оснащении последнего новейшими технологиями, повышении качества продукции, что сделает ее конкурентоспособной на мировом рынке. Этот путь развития предполагает значительное увеличение инвестирования в науку, повышение качества образования, укрепление связей науки, образования, производства [6]. Связь «образование — наука — производство» представляет концентрацию интеллектуального потенциала страны на задачах производства, опираясь на которое и используя рыночные механизмы возможно осуществить скачок, подняться на качественно новый уровень технологического развития и экономического роста.

Государство должно в большей степени поддерживать молодых ученых в научных изысканиях, создавать благоприятный социально-экономический климат для осуществления инновационных процессов, выступать связующим звеном между академической наукой и социальными запросами. Например, в развитых странах (США, Западная Европа) роль государства в области поддержки инноваций можно свести к следующим аспектам: государство способствует развитию науки, в том числе прикладной, подготовке научных, инженерных кадров (основной источник инновационных идей); в рамках большинства правительственных ведомств существуют разнообразные программы, направленные на повышение инно-

вационной активности бизнеса; государственные заказы, преимущественно в форме контрактов, на проведение НИОКР обеспечивают начальный спрос на многие новшества, которые затем находят широкое применение в экономике страны; фискальные и прочие элементы государственного регулирования формируют стимулирующее воздействие внешней среды, которые обуславливают эффективность и необходимость инновационных решений отдельных фирм; государство выступает в роли посредника в деле организации эффективного взаимодействия академической и прикладной науки, стимулирует кооперацию в области НИОКР промышленных корпораций и университетов.

Особое место в системе мер воздействия государства на инновационный бизнес занимают мероприятия, стимулирующие кооперацию промышленных корпораций в области НИОКР и кооперацию университетов с промышленностью. Так, в настоящее время США осуществляет несколько программ по организации сотрудничества научно-исследовательских учреждений и промышленных фирм. Одной из них являются «Промышленно-университетские кооперативные исследовательские центры». Данная программа реализуется с 1973 года. Она предусматривает создание кооператив-

ных университетско-промышленных центров на базе разработки и реализации крупной исследовательской программы, в которой участвует несколько промышленных фирм и один университет [3, 6]. Создание подобной модели в России возможно при условии устранения существующих барьеров на пути их формирования. Необходимо установить устойчивые связи между основными звеньями инновационной системы — научными организациями, учреждениями высшего образования, малыми инновационными предприятиями и крупными компаниями. Этот процесс должно начать государство, создавая условия, необходимые для формирования подобной системы.

В целом, по данной проблеме можно сделать вывод, что в связи с наличием сырьевой направленности экономики представители российского бизнеса первостепенной задачей считают для себя не рост оборота, выигрыш в конкурентной борьбе за счет внедрения новых разработок в производство, а доступ к ресурсам, и до тех пор пока ситуация не изменится, спроса на инновации не будет и, следовательно, развитие инновационного предпринимательства будет тормозиться.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-02-00590а.

Литература

- [1] Барлыбаев А.А., Зулькарнай И.У. Глубокая переработка лесных ресурсов: нужны ли арендные отношения в этой области? // Экономика и управление. — 2013. — № 5 (115). — С. 24–29.
- [2] Зулькарнай И.У. Анализ межрегиональных различий в предоставлении услуг высшего образования федеральным центром // Экономический анализ: теория и практика. — 2010. — № 13. — С. 29–33.
- [3] Зулькарнай И.У. Причины отсутствия глубокой переработки леса в Республике Башкортостан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2012. — № 2 (14). — С. 64–73.
- [4] Инновационная стратегия правительства США в XXI веке [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cfin.ru/press/management/2002-3/08.shtml>
- [5] Лебедева Н.М., Ясин Е.Г. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. — 2009. — № 2. — С. 16–26.
- [6] Шестакович А.Г., Зулькарнай И.У. Инновационный центр «Сколково» как проект по трансплантации успешных институтов «Силиконовой долины» // Инновационная деятельность. — 2014. — № 3. — С. 17–27.
- [7] Шишков Ю.В. Государство и догоняющее развитие // Мировая экономика и международные отношения. — 2011. — № 6. — С. 15–29.
- [8] Яковец Ю.В. Фундаментальное исследование глобальных экономических трансформаций // Вопросы экономики и права. — 2014. — № 76. — С. 97–100.
- [9] Ясин Е.Г., Снеговая М.В. Институциональные и культурные ограничения догоняющих стран // Вопросы экономики. — 2009. — № 11. — С. 32–49.
- [10] Ясин Е.Г., Снеговая М.В. Институциональные проблемы России в мировом контексте // Вопросы экономики. — 2010. — № 1. — С. 114–128.

УДК 338.2

БЕЗЗУБКО Борис Игоревич,*преподаватель Донбасской национальной академии
строительства и архитектуры, Украина, г. Краматорск**e-mail: okbuzzeb@mail.ru*

СОЗДАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Предметом данной статьи является сущность социального механизма стратегического планирования социально-экономического развития территорий. Целью исследования является разработка направлений совершенствования социального механизма с помощью решения задач: повышения информированности населения, усиления диалога власти и населения.

Ключевые слова: *социальный механизм, стратегическое планирование, социально-экономическое развитие.*

Стратегическое планирование социально-экономического развития территорий в соответствии с требованиями устойчивого развития является в настоящее время необходимым направлением в государственной национальной, региональной и местной политике. В ходе осуществления такой деятельности получают значительные преимущества как органы государственной власти, местного самоуправления, так и члены территориальных сообществ. Совершенствование стратегического планирования способствует комплексному развитию территории, аккумуляции всех видов ресурсов на решение наиболее актуальных задач развития территории, способствует повышению конкурентоспособности территории. Это вызывает повышенное внимание со стороны как ученых, так и специалистов-практиков к развитию государственных механизмов стратегического планирования территорий.

Следует отметить большой вклад в развитие теории стратегического планирования территорий отечественных ученых А. Широкова, Г. Ветрова, В. Рохчина и других. Вместе с тем недостаточно исследованным является ряд теоретических и практических вопросов, связанных с созданием и эффективным функционированием государственных механизмов стратегического планирования развития территорий (СПТ).

Государственные механизмы СПТ можно трактовать как категорию управления, включающую цели управления, элементы объекта и его связи, на которые осуществляется воздействие, действия в интересах достижения целей, методы воздействия, материальные и финансовые ресурсы управления социальным и организационным потенциалами [2, с. 37]. По сути дела, государственные механизмы управления — это совокупность функций, рычагов, методов, инструментов и стимулов управления, обеспечивающих взаимосвязь его подсистем.

Для развития СПТ на региональном и местном уровне необходимо наличие определенных государственных механизмов: нормативно-правового, организационного, информационного, финансового и социального.

Социальный механизм стратегического планирования развития территорий является в настоящее время самым малоизученным и можно говорить о его формировании.

В основе социального механизма должно лежать социальное партнерство между органами государственной власти, местного самоуправления и членами территориального образования в процессе СПТ, которое обеспечивает создание системы взаимодействия власти, бизнеса и населения в процессе разработки и реализации СПТ.

Социальный механизм стратегического планирования территорий предполагает организацию совместной деятельности органов государственной власти, предпринимателей и общественности, внедрение партнерского подхода в процессе стратегического планирования социально-экономического развития территорий. Следует отметить, что за рубежом данный механизм эффективно функционирует. На региональном и местном уровнях при разработке стратегий и стратегических планов развития территории опираются на организацию широкого диалога и дискуссий со всеми членами территориальной общины, целевыми группами. Все это помогает осуществить творческий процесс СПТ, сформулировать имидж территории (региона, населенного пункта), цель и основные задачи развития. Именно активное участие граждан становится фактором, объединяющим различные интересы и подходы. Процесс разработки и утверждения планов предусматривает постоянное информирование населения, формирование общественного мнения и поиск компромиссов в случае возникновения разногласий между органами местного самоуправления и отдельными заинтересованными группами лиц [5, с. 85].

В ходе проведенного исследования состояния социального механизма СПТ в России и в Украине были выявлены следующие проблемы:

1. Многие стратегии развития территорий имеют исключительно экономическую направленность в ущерб социальной и экологической составляющей.

2. В настоящее время не сформированы действенные механизмы привлечения общественности, согласования баланса интересов разных групп населения, государственно-частного партнерства в процессе СПТ.

3. Роль представителей негосударственных структур и общественности на всех этапах носит преимущественно декларативный характер. При реализации стратегий развития территории население территориального образования рассматривается как объект управления, а должно рассматриваться как активный субъект СПТ.

4. Процесс СПТ не является открытым и прозрачным, не имеет место свободный до-

ступ членов территориального образования к содержанию стратегических документов. Генеральные планы органы государственной власти в большинстве случаев относят к документам служебного пользования. В открытом доступе для жителей отсутствует информация о ходе выполнения стратегических документов.

Указанные проблемы и недостатки свидетельствуют о необходимости создания единой, взаимосвязанной системы документов стратегического планирования. Это не только позволяет определять цели, задачи и направления развития, но и представляет собой удобный и эффективный управленческий механизм, инструмент для принятия обоснованных и своевременных решений.

В качестве предложений по дальнейшему совершенствованию социального механизма СПТ предлагаются:

1) расширение участия представителей общественных организаций, целевых групп в работе общественных советов, рабочих групп, комиссий по подготовке, обсуждению, разработке, внедрению, мониторингу и контролю разрабатываемых стратегических документов.

Консультации органов власти с общественностью проводятся с целью:

- привлечения граждан к участию в управлении государственными делами;

- обеспечения свободного доступа граждан к информации о деятельности органов исполнительной власти;

- обеспечения гласности, открытости и прозрачности в деятельности органов власти;

- содействия системному диалогу органов власти и общественности;

- повышения качества подготовки и принятия решений по важным вопросам государственной и общественной жизни с учетом мнения общественности;

- создания условий для участия граждан в разработке проектов решений власти по вопросам, которые являются важными для общества [1].

2) организация обязательного рассмотрения общественных инициатив и предложений по содержанию стратегических документов;

3) внедрение в практику деятельности органов государственной власти и органов мест-

ного самоуправления механизмов социального заказа и общественного договора.

Под общественным договором понимается соглашение между органами государственной власти и местного самоуправления и представителями общественных организаций, в котором закреплены за сторонами соглашения конкретные права, обязанности, функции, определен порядок проведения консультаций, предоставления финансирования и других ресурсов (например, помещения, транспорта, экспертов) для реализации инициатив в интересах общества.

В Украине общественные договоры между властью и общественными организациями впервые были подписаны осенью 2006 года в нескольких городах Львовской области — Дрогобыче, Червонограде, Сокале и Самборе в рамках Программы «Демократизация Украины: программа малых проектов», реализуемой при финансовой поддержке Министерства по делам международного развития Великобритании (DFID). Первый опыт общественных договоров связан не столько с обеспечением конкретного инструментария сотрудничества органов власти и третьего сектора, сколько гарантиям такого сотрудничества и ключевым принципам, что сыграло значительную роль в учреждении самой практики общественных договоров [4];

4) создание системы постоянного информирования населения о содержании стратегических документов, результатах мониторинга и контроля их выполнения.

Положение об обязательном обнародовании проектов принятых стратегических документов, отчетов по их реализации требует внесения изменений в законодательство, что, в свою очередь, значительно усилит возможность обсуждения стратегических документов членами территориального образования, прозрачность принятия управленческих решений на местном и региональном уровнях.

Для улучшения информационного сопровождения функционирования социального механизма СПТ предлагается использовать следующий опыт, который был реализован в Украине:

1) Интернет-проект «Демократор» [3] — это глобальная, универсальная и структурирован-

ная площадка публичного и открытого взаимодействия граждан, органов государственной власти и местного самоуправления, организаций, партий и общественных движений. Он представляет собой унифицированную информационную систему общего пользования, которая позволяет:

- пользователям открыто публиковать свои предложения, обсуждать проблемы, собирать голоса в поддержку своих предложений, формировать обращение в виде заявлений, предложений, жалоб, инициатив и т. п. и направлять эти обращения в органы государственной власти и местного самоуправления;

- организациям, в чей адрес было направлено обращение от граждан, открыто размещать ответы, информировать о принятых решениях по существу полученного обращения, а также информировать население о результатах мониторинга экономической, социальной, культурной и духовной сфер жизни граждан на территории их проживания (возникающие проблемы и пути их решения, протестные настроения, общественное мнение и т. п.)

- пользователям давать публичную открытую оценку на размещенные организациями ответы и принятые решения по обращениям.

Такая платформа позволяет гражданам обсуждать, голосовать и отправлять петиции и информационные запросы в государственные структуры.

2) Интерактивная карта проблем «Измени свой город» призвана помочь жителям территориального образования установить связь с органами государственной власти и местного самоуправления для решения возникающих проблем.

3) Сайт Viesai [6] посвящен систематическому обнародованию бюджетных расходов, предоставлению финансовой информации в публичном секторе в едином месте и в удобном формате. Данные об использовании бюджетных средств можно рассматривать на картах, во временном разрезе и с помощью других техник визуализации.

4) Платформа Reclames [6] собирает жалобы пользователей для того, чтобы улучшать прозрачность принимаемых управленческих решений. При помощи данной платформы ана-

лизируются полученные жалобы от населения, рассчитываются и публикуются рейтинги уровня удовлетворенности населения качеством и количеством предоставляемых муниципальных услуг, услуг от компаний и государственных структур.

5) Проект BaniPierduti показывает в графическом формате информацию о выделении и расходовании бюджетных средств.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальный механизм стратегического планирования социально-экономического развития территорий является важной частью государственных механизмов, требует дальнейшего совершенствования с целью повышения прозрачности принимаемых управленческих решений, вовлечения населения в процесс стратегического планирования.

Литература

- [1] Висоцька О.М. Удосконалення діалогу органів влади і громадськості на регіональному рівні [Електронний ресурс]. — URL: <http://academy.gov.ua/ej/ej16/txts/12VOMGRR.pdf>
- [2] Нижник Н.Р., Машков О.А. Системний підхід в організації державного управління: навч. посібник / за ред. Н.Р. Нижник. — К.: УАДУ, 1998. — 160 с.
- [3] Система электронной демократии «Демократор» [Электронный ресурс]. — URL: vk.com/democrator2012
- [4] Тарнаруцький А. Впровадження практики суспільних договорів (компактів) [Електронний ресурс]. — URL: <http://crps.sumynews.com/policy-development/implementing-practice-social-contract/item/6-vprovadzhennya-prakty-ky-suspilnyx-dogovoriv-kompaktiv.html>
- [5] Управление муниципальным экономическим развитием / под ред. Г.Ю. Ветрова. — М.: Фонд «Институт экономики города», 2009. — 258 с.
- [6] OpenIdeas4ua — Приклади ініціатив [Электронный ресурс]. — URL: unhackathon.wix.com/start#!example/c/1066

УДК 334.7(470)

КОЖИНА Татьяна Павловна,
младший научный сотрудник лаборатории исследования
социальных процессов и эффективности государственного управления
Института социально-экономического развития территорий
Российской академии наук, г. Вологда
e-mail: t.kogina@mail.ru

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются общественные (некоммерческие) организации Вологодской области и динамика отношения к ним населения в первой половине 2010-х годов. Отмечаются особенности институционального доверия в мире, стране и регионе, выделяются причины низкого доверия общественным институтам. Выделяются социально активные группы населения. Обосновывается необходимость расширения государственной поддержки СО НКО в связи с проблемами, с которыми они сталкиваются в своей деятельности.

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО), общественные организации, институциональное доверие, власть, гражданский активизм, «третий сектор».

Основной институциональной формой гражданского общества выступает «третий сектор» — общественные (некоммерческие) организации и объединения (НКО). По состоянию на 28 июля 2015 г. Министерством юстиции Российской Федерации (Минюстом) зарегистрированы 227 тыс. 445 некоммерческих организаций. Из них больше всего — в Москве (15,2% от общего числа), Московской области (6,4%), Санкт-Петербурге (5,3%) и Краснодарском крае (3%).

Среди зарегистрированных НКО 27,8 тыс. профсоюзов, 27,7 тыс. религиозных организаций, 22,3 тыс. некоммерческих и общественных фондов, 20,3 тыс. автономных некоммерческих организаций, 17,4 тыс. учреждений [11]. Однако, по мнению экспертов, действующее законодательство допускает избыточное количество организационно-правовых форм НКО. Это создает сложности с объективной оценкой количества и качества их деятельности: «Отсутствует подробный статистический учет «третьего сектора», его экономики, занятости, финансовых потоков. И главное — отсутствует учет его эффективности» [6].

По своим основным показателям российский «третий сектор» заметно отстает от «третьего сектора» в развитых странах (преимущественно государств Западной Европы и Северной Америки). Так, в 2011 году в Российской Федерации доля доходов НКО в ВВП составляла 0,9%, в то время как в развитых государствах — 6,5% [13]. В организациях «третьего сектора» в России занято 1,1% от общей численности занятых, в развитых странах — 7,1%. Доля социально ориентированных НКО в Российской Федерации — 13,5%, в государствах Западной Европы и Северной Америки — 60–70% [13, 15]. В отличие от развитых западных стран, в Российской Федерации заметно преобладают организации, которые стремятся взять на себя функции общественного контроля и экспертизы [15].

Взаимодействие государственных органов и структур гражданского общества в сфере социальной политики становится важным «драйвером» институционализации в «третьем секторе» [1]. На федеральном уровне развитию СО НКО уделяется особое внимание, подчеркивается важность создания атмосферы сотрудничества и доверия в обществе,

расширения пространства свободы для гражданской инициативы, создания максимально комфортных условий для работы социально ориентированных НКО, снятия остающихся барьеров для их деятельности, оказания им методической и организационной помощи [21].

С целью мобилизовать ресурсы благотворительности и волонтерства для повышения эффективности социальной политики в России со стороны государства в последние годы проявляется стремление к сотрудничеству с социально ориентированными НКО (СО НКО), разрабатываются программы поддержки их деятельности [20]. В период с 2010 по 2014 гг. число региональных программ поддержки СО НКО увеличилось с 7 до 71 [23]. Общий объем финансовой помощи СО НКО в период с 2012 по 2014 гг. возрос с 4,8 до 10,3 млрд руб., или на 46,6% [11, 23]. В 2014 году в 45 субъектах Российской Федерации реализовывалась 71 региональная программа поддержки социально ориентированных НКО, на которые были выделены субсидии из федерального бюджета в общей сумме 660 млн руб. (в расчете на два года) [11]. В 2011 и 2013 гг. субсидии получили 49 субъектов на сумму от 600 млн руб. в 2011 году до 660 млн в 2014 году [23].

Социальная сфера и решение местных проблем являются наиболее важными для развития конструктивного гражданского активизма (здравоохранение, образование, активная старость, адаптация социально уязвимых групп населения). Приоритетными отраслями социальной сферы признаны образование, здравоохранение, социальная защита и социальное обслуживание граждан, культура [23]. С целью «систематизации и повышения открытости и прозрачности информации о государственной поддержке СО НКО» принята единая автоматизированная информационная система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (АИС СО НКО) [23].

В 2014 году вектор гражданской активности отчетливо сместился из политической сферы в социальную [6]. Число СО НКО в период

с 2011 по 2013 г. возросло с 97 до 113 тыс. (на 16,5%), средняя численность их работников — с 445 до 626 тыс. чел. (на 40,7%), средняя численность добровольцев — с 990 тыс. до 1 млн 346 тыс. чел. (на 36%) [23].

Согласно исследованию Росстата за 2012 год, деятельность в области образования и науки вели 25,4% социально ориентированных НКО, социальной поддержки и защиты граждан — 21,9%, физической культуры и спорта — 17,9%, патриотического и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи — 14,7%, благотворительности — 13,2%, здравоохранения — 10,9%, культуры и искусства — 9,5%, оказывали различную психологическую помощь 9,4%, юридическую — 8,8%, поддерживали пожилых людей 5,7%, инвалидов — 5,5%, матерей и детей — 4,2% [19].

При оценке заявок на грант в 2014 году позитивным фактором стало внимание к профессионализму сотрудников: вес критерия «наличие квалифицированного кадрового потенциала» увеличился с 0,1 до 0,2 [23].

Вологодская область занимает 1-е место в Северо-Западном Федеральном округе по удельному весу СО НКО, имеющих в собственности помещение (20%; табл. 1); 2-е после Санкт-Петербурга — по общему числу НКО (1696, 14%), средней численности работников (5719, 10%), поступлению средств (9%); 4-е — по количеству добровольцев (12%) [8]. В период с 2012 по 2014 гг. число получателей государственной поддержки в регионе увеличилось с 20 до 71, размер субсидий возрос в два раза (2012 г. — от 25 до 200 тыс. руб.; 2014 г. — от 50 до примерно 400 тыс. руб.) [17].

Ключевым фактором развития государственных и общественных институтов является доверие к ним людей, которое измеряется социологическими службами всего мира. По результатам авторитетного международного исследования Edelman Trust Barometer¹, общемировой тенденцией последних лет становится снижение институционального доверия. В 2015 году количество стран с институтами, которым доверяет более половины населения

¹ Результаты исследования ежегодно представляются в январе на Всемирном экономическом форуме в Давосе и отражают ситуацию предыдущего года, в который проводились опросы.

Таблица 1 — Основные показатели деятельности социально ориентированных НКО за 2013 год

Территория	Общее число НКО	В %*	Число НКО, имеющих помещение в собственности	В %*	Поступило денежных средств и иное имущество, тыс. руб.	В %*	Средняя численность работников в НКО, чел.	В %*	Средняя численность добровольцев в НКО, чел.	В %*
РФ	113 237	—	10 552	—	516 421 564	—	625 882	—	1 346 341	—
СЗФО	11 811	10,4**	925	8,8**	44 455 031	8,6**	55 868	8,9**	122 553	9,1**
Респ. Карелия	1303	11,0	94	10,2	689 185	1,6	1284	2,3	15 511	12,7
Респ. Коми	470	4,0	50	5,4	1 701 832	3,8	1893	3,4	10 342	8,4
Архангельская обл.	1061	9,0	71	7,7	1 696 819	3,8	2871	5,1	16 487	13,5
Вологодская обл.	1696	14,4	182	19,7	4 136 324	9,3	5719	10,2	15 149	12,4
Калининградская обл.	364	3,1	23	2,5	2 961 735	6,7	1914	3,4	8177	6,7
Ленинградская обл.	864	7,3	79	8,5	1 717 436	3,9	3389	6,1	9681	7,9
Мурманская обл.	1609	13,6	128	13,8	2 621 000	5,9	4975	8,9	7299	6,0
Новгородская обл.	438	3,7	49	5,3	799 751	1,8	1926	3,4	10 422	8,5
Псковская обл.	964	8,2	91	9,8	2 562 015	5,8	2334	4,2	5308	4,3
г. Санкт-Петербург	3042	25,8	158	17,1	25 568 934	57,5	29 563	52,9	24 177	19,7

* В % к среднему уровню по СЗФО.

** В % к среднему уровню по РФ.

Источник: Росстат.

(«*trustors*»), среди информированного населения¹ было минимальным за весь период измерений [24]. Среди всего населения дефицит доверия еще более ярко выражен: почти две трети стран попадают в категорию «*distrusters*» — не доверяющих ключевым институтам государства (власти, бизнесу, общественным организациям, СМИ), причем в эту категорию входят такие развитые страны, как США, Великобритания, Германия и Япония [24]. Наиболее высоким доверием в мире по-прежнему пользуются неправительственные (общественные) организации (НПО), но уровень доверия к ним снизился с 66 до 63% (табл. 2). К группе «*distrusters*»

на протяжении ряда лет относятся органы власти, хотя это единственный институт, доверие которому несколько увеличилось (преимущественно за счет Индии, России и Индонезии). Тем не менее, в 2015 году к числу «не доверяющих» правительству относятся более двух третей исследуемых стран. По мнению главы компании Р. Эдельмана, поразительное падение доверия было вызвано «непредсказуемыми и невообразимыми событиями 2014 года», такими, как распространение лихорадки Эбола в Западной Африке, исчезновение малайзийского лайнера, многочисленные взломы банков данных [24].

¹ Информированное население (*informed public*) — люди в возрасте 25–64 лет с высшим образованием, относящиеся к 25%-ной группе с наивысшими доходами, интересующиеся новостями политики и бизнеса.

Таблица 2 — **Уровень доверия ключевым институтам среди информированного населения (6–9 по 9-балльной шкале; в % от числа опрошенных)**

Институт	Среднемировое значение					Россия					Рейтинг России				
											среди 23 стран	среди 26 стран	среди 27 стран		
	2011	2012	2013	2014	2015	2011	2012	2013	2014	2015	2011	2012	2013	2014	2015
Власть	52	43	48	45	48	39	26	29	27	54	21	24	24	22	8
Бизнес	56	53	58	59	57	41	41	40	45	45	23	22	25	23	20–23
Масс медиа	49	52	57	53	51	37	33	38	35	44	18–20	25*	25	25	18
НПО	61	58	63	66	63	42	28	40	41	38	23	25*	25	26	25
Среднее	55	51	57	56	55	40	32	36	37	45	22	25*	26	22	18

* Среди 25 стран.

Источник: *Edelman Trust Barometer [Электронный ресурс]*. — URL: <http://www.edelman.com>

Россия относится к числу стран с невысоким уровнем доверия, однако в период с 2014 по 2015 гг. ситуация заметно улучшилась. Существенно (в два раза) возрос уровень доверия к власти (с 27 до 54%). По этому показателю Россия поднялась с 22-е на 8-е место в мире. Улучшилось также отношение к средствам массовой информации, показатель доверия которым возрос на 9 п.п. (с 35 до 45%). Позитивные изменения связаны, прежде всего, с ростом патриотических настроений на фоне присоединения Крыма к России. В отличие от общемировой тенденции, из четырех ключевых институтов по уровню доверия в России на первом месте стоит власть, особенно федеральная, на последнем — общественные организации.

Значимость институционального и межличностного доверия, горизонтальных связей со стороны населения, гражданского активизма обуславливает актуальность научных исследований, связанных с вопросами развития. В настоящее время представляется важным определить степень или стадию гражданского потенциала общества прежде всего в тех условиях, в которых оно существует и развивается, то есть на уровне конкретных территорий [9].

Гражданский потенциал общества измеряется как совокупность мнений граждан о политике государства, ее социальной и гражданской направленности, функционировании в интересах граждан социальных и политических институтов [9]. Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) на протяжении ряда лет проводит мониторинг общественного мнения, направленный на выявление потенциала гражданской активности населения¹.

В вопросах доверия важную роль наряду с экономическими играют социокультурные факторы [22]. Неизменными ценностями населения страны остаются вера, государство, персонифицированное в его руководителе, наука и армия, вследствие чего «рейтинг доверия выстраивается по несколько модернизированной формуле «Вера — Царь — Отечество» [12]. Церковь в российском менталитете неотделима от государства, воспринимается как важный государствообразующий институт [10].

События последних полутора лет объединили россиян на почве патриотизма, и как следствие, «россияне еще больше укрепили свое доверие согласно исконному принципу «за Веру,

¹ Ежегодно опрашивается по 1500 респондентов в возрасте 18 лет и старше в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Таблица 3 — Динамика уровня доверия действующим в стране общественными государственным институтам (в % от числа опрошенных)

Институт	2007 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Изменение (+/-) 2015 г. к			
							2014	2012	2011	2007
Уровень доверия >60%										
Президенту РФ	60,3	50,5	45,7	47,0	57,0	61,0	+4	+15	+11	+1
Уровень доверия >45%										
Правительству РФ	41,9	47,4	39,6	40,4	48,3	50,2	+2	+11	+3	+8
Церкви	44,8	47,5	41,4	43,9	44,7	45,3	0	+4	–2	+1
Уровень доверия >35%										
Армии	28,7	34,1	31,3	37,5	37,8	41,8	+4	+11	+8	+13
Полиции	28,3	32,1	29,3	33,7	35,4	39,1	+4	+10	+7	+11
Уровень доверия >30%										
Общественной палате РФ*	–	27,3	28,1	29,9	32,8	32,9	0	+5	+6	–
Общественной палате области*	–	25,7	25,4	29,2	39,4	30,3	–9	+5	+5	–
Уровень доверия >25%										
Профсоюзам	28,6	30,0	25,6	27,8	26,6	26,2	0	0	–4	–2
СМИ	27,5	28,7	29,5	30,2	28,0	25,9	–2	–4	–3	–2
Уровень доверия <25%										
Общественным организациям	24,4	26,7	26,5	26,8	25,5	23,4	–2	–3	–3	–1
Политическим партиям	17,6	22,8	20,9	20,4	20,2	17,5	–3	–3	–5	0

* Вариант ответа включен в 2010 г.

Царя и Отечество» [3]. Жители Вологодской области также доверяют в первую очередь органам власти федерального уровня и церкви, а также силовым структурам, особенно армии. При этом за последние два года (2012–2015 гг.) доверие государственным институтам значительно (на 10–15 п.п.) возросло: Президенту Российской Федерации — с 46 до 61% (табл. 3), Правительству Российской Федерации — с 40 до 50%, армии — с 31 до 42%, полиции — с 29 до 39%.

Общественные институты в регионе, как и в стране в целом, пользуются значительно меньшим доверием, при этом отношение к ним зачастую «выстраивается» по степени их «приближенности» к государственной власти. Рост

доверия общественным палатам страны и региона в период 2012–2015 гг. (на 5 п.п., соответственно с 28 до 33 и с 25 до 30%), с одной стороны, можно объяснить ростом авторитета и «узнаваемости» недавно созданных структур, с другой — восприятием их населением как созданных и поддерживаемых властью.

Таким институтам, как профсоюзы и средства массовой информации, доверяет менее трети населения, общественным организациям — менее четверти, и только каждый пятый-шестой доверяет политическим партиям. За последний год отношение к общественным институтам не изменилось (как к Общественной палате Российской Федерации и профсоюзам), или ухудшилось (как к Общественной па-

лате области, СМИ, общественным организациям, политическим партиям).

Низкий уровень доверия некоммерческим (общественным) организациям, отмечаемый и на общероссийском уровне, связан с их малочисленностью и минимальными контактами с населением (в Москве — не более 10% населения, в целом по стране — еще меньше) [4]. В Вологодской области, по данным Института социально-экономического развития территорий РАН, в последние годы наблюдается снижение уровня информированности об НКО: в 2014–2015 гг. доля тех, кто «знаком» с деятельностью НКО или «лично с нею сталкивался» была ниже уровня 2013 года (7–8% против 13%).

Уровень информированности о некоммерческих организациях существенно зависит от образования, дохода, территориальной принадлежности. Так, в 2015 году хорошо информированными об НКО в целом по области являются 8% населения, чаще это люди с высшим и незаконченным высшим образованием (16%), жители областного центра г. Вологды (16%), относящиеся к категории 20% наиболее обеспеченных (15%). К категории знакомых с НКО поверхностно («что-то слышал») в среднем относятся 34%, чаще это также высокообеспеченные (44%) и высокообразованные (41%), жители индустриального центра области г. Череповца (48%). Более трети жителей области (36%) «ничего не знают» об НКО, доля таковых выше средней среди людей со средним и неполным средним образованием (44%), в категории 20% наименее обеспе-

ченных (41%), среди жителей малых населенных пунктов (40%). Отношение к НКО во многом зависит от количества и качества информации о них в государственных СМИ, которая в настоящее время является недостаточной, особенно в малых и средних городах по сравнению с крупными [15].

Личное участие в работе некоммерческих организаций на протяжении 2011–2015 гг. подтверждают 5% населения области, что ниже уровня 2008–2009 гг. (7–8%; табл. 4). По сравнению с предыдущими годами в 2014–2015 гг. снизилась и доля добровольных участников (с 10–11 до 6%). В период с 2009 по 2015 год индекс участия уменьшился с 36 до 22 пунктов. Это свидетельствует об отсутствии реальных сдвигов в развитии основных институтов гражданского общества, несмотря на рост материальной поддержки со стороны государства [7]. Гражданский активизм характерен, прежде всего, для высокообразованных и обеспеченных людей, жителей крупных городов. В 2015 году суммарная доля «участников» и «волонтеров» НКО в среднем по области составляет 11%, выше средней — среди людей с высшим и незаконченным высшим образованием (18%), в категории 20% наиболее обеспеченных жителей области (17%), среди жителей Вологды и Череповца (14–15%), женщин (13%), людей в возрасте 30–55 лет (12%). Как отмечается в Докладе Общественной палаты Российской Федерации за 2014 год «гражданский активизм становится реальным фактором в жизни российского общества и имеет значительный потенциал дальнейшего роста,

Таблица 4 — **Принимаете ли Вы участие в деятельности НКО или являетесь ли членом какой-либо из них (в % от числа опрошенных)?**

Показатель	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Изменение (+/–) 2015 г. к				
							2014	2013	2011	2009	2008
Являюсь членом организации	4,9	7,0	5,4	4,5	4,9	4,3	–1	0	–1	–3	–1
Принимаю участие как доброволец, волонтер	6,4	9,9	10,4	6,2	6,4	6,3	0	0	–4	–4	0
Не участвую и не состою	85,3	81,0	82,9	88,2	87,0	89,1	+2	+1	+6	+8	+4
Индекс участия в работе НКО	26,0	35,9	32,9	22,5	24,3	21,5	–2	–1	–11	–14	–5

потому что основной его источник — это социально продвинутые, хорошо образованные успешные и мобильные люди [6].

Однако рост недоверия к «третьему сектору» отмечается как на уровне региона, так и на уровне России в целом, что во многом связано с появлением правовых норм, в соответствии с которыми в законодательство было введено понятие НКО, «выполняющих функции иностранных агентов». Принятие поправок сопровождалось не только массовыми прокурорскими проверками, но и негативными комментариями со стороны политических лидеров, соответствующими публикациями в СМИ. «Третий сектор» возник в России недавно, и его общественная репутация по-прежнему неустойчива и чувствительна к влиянию внешних факторов [5].

По мнению экспертов, одновременно наблюдаются две взаимоисключающие тенденции. На уровне отдельных министерств и отраслей можно говорить об улучшении взаимодействия государственных и общественных структур при решении социальных проблем. Власть старается встроить существующие некоммерческие организации в цепочку оказания населению разнообразных услуг, «национализировать» или «инкорпорировать» общественную сферу [15].

С другой стороны, «проверки НКО на соответствие статусу иностранного агента и сопутствующая этому информационная кампания способствуют процессу деинституционализации общественной сферы. Часть организаций ликвидируются, остальные вынуждены заниматься возросшей отчетностью вместо содержательной работы, не наблюдается создания новых официально зарегистрированных структур. По мнению экспертов, «некоммерческий сектор медленно выталкивается в тень, эффективность общественной работы снижается» [15].

Вследствие отмеченных тенденций оценки влияния организаций «третьего сектора» на жизнь региона остаются низкими, причем доля тех, кто отмечает какое-либо влияние НКО (большое или незначительное) в период с 2011 до 2015 гг. снизилась с 36 до 26%. Наиболее представительными остаются неопределенные ответы, несмотря на снижение с 57%

в 2009 году до 48% в 2015 году. Возможно, это свидетельствует о росте «закрытости» людей в связи с законами, направленными на увеличение прозрачности деятельности НКО, в том числе усложнением отчетности и количества проверок, которые могут восприниматься как рост недоверия к их работе со стороны государства.

Негативная или индифферентная оценка влияния НКО может быть вызвана и тем, что вместо истинной общественной активности в некоторых муниципалитетах взращиваются имитационно-демонстрационные ее формы. Большинство механизмов общественного участия (референдумы, собрания, конференции, сходы, публичные слушания, опросы граждан, правотворческая инициатива) зачастую остаются невостребованными или превращаются из формы народного волеизъявления в его имитацию [18].

В настоящее время население отдает предпочтение неформальному добровольчеству. По данным фонда «Общественное мнение», 38% россиян являются неинституционализированными добровольцами, в то время как 4% — добровольцы, включенные в деятельность тех или иных НКО [18]. По данным Левада-центра, регулярно в различных общественно-полезных мероприятиях принимает участие от четверти до трети населения страны, причем эта цифра остается постоянной на протяжении ряда лет [15]. В негосударственных добровольческих инициативах и организациях участвует лишь 2% в целом по стране и 5% в Москве [15]. В Вологодской области доля тех, кто в принимает участие работе общественных и профсоюзных организаций, в первой половине 2010 г. не превышала 4%, в деятельности политических партий и религиозных организаций — менее 1%. Жители области также предпочитают неинституционализированные и традиционные формы общественного участия, в которых организаторами выступают государственные органы. Доля участников в субботниках, сборе пожертвований в период с 2011 до 2015 гг. увеличилась соответственно с 12 до 19 и с 7 до 11%.

Государственные органы и СМИ должны быть заинтересованы в поддержке проявлений коллективной деятельности, целью

которой являются сами отношения между людьми, основанные на общих интересах, способствующие образованию устойчивых новых общественных связей, которые могут быть использованы и в случае чрезвычайной ситуации. Важным фактором изменения отношения граждан к людям, занятым в «третьем секторе», повышения доверия к общественным организациям может стать делегирование НКО части функций по оказанию социаль-

ных услуг населению. Увеличение количества СО НКО, расширение сферы их деятельности, снятие необоснованных административных барьеров, информационная поддержка со стороны масс-медиа позволят предотвратить потенциальную угрозу дестабилизации ситуации, роста социальной напряженности, возможности резкого перехода скрытых протестных настроений в открытые протестные действия [2].

Литература

- [1] Беневолентский В.Б. Особенности эволюции институтов третьего сектора в странах Восточной и центральной Европы в 1990-е — 2000-е годы и перспективы институционализации гражданского общества в России [Электронный ресурс]. — URL: <http://regconf.hse.ru/reqs/fullreport/id/20402/>
- [2] Дементьева И.Н. Потенциал протеста населения как угроза национальной безопасности территории // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2015. — № 1. — С. 109–118.
- [3] Доверие на патриотизме [Электронный ресурс]. — URL: http://romir.ru/studies/664_1430254800/
- [4] Доклад о развитии институтов гражданского общества в России [Электронный ресурс]. — URL: <http://civilfund.ru/mat/20>
- [5] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.oprf.ru/documents/1151/2013/5>
- [6] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год [Электронный ресурс]. — URL: https://www.oprf.ru/files/oprf_dokladsociety_a4_12-2014_184p_
- [7] Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. — URL: <http://news.kremlin.ru/news/19146>
- [8] Итоги выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций на основе формы № 1-СОНКО. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/1-sonko2013.doc
- [9] Левашов В.К. Гражданское общество в современной России (социологические измерения). — М.: ИСПИ РАН, 2006. — 52 с.
- [10] Молодов О.Б. Доверие как фактор консолидации общества (на примере Вологодской области) [Электронный ресурс]. — URL: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action>
- [11] Некоммерческие организации в России [Электронный ресурс]. — URL: <http://tass.ru/info/671635>
- [12] О рейтинге доверия граждан — 2013 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.odnako.org/blogs/o-reytinge-doveriya-grazhdan-2013>
- [13] Повышение эффективности государственных инвестиций в сектор социально-ориентированных (СО) НКО. The Boston Consulting Group. — М., 2011.
- [14] Портал единой автоматизированной информационной системы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. — URL: <http://nko.economy.gov.ru/>
- [15] Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.levada.ru/09-09-2014/potentsial-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem>
- [16] Распоряжение Президента РФ № 11-рп от 17.01.2014 «Об обеспечении в 2014 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина» [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=576414;frame=1>
- [17] Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций-получателей поддержки Правительства Вологодской области [Электронный ресурс]. — URL: <http://vologda-oblast.ru/dokumenty/reestry/299801/>
- [18] Ресурсы российского добровольческого движения: аналит. докл. по результатам исследований Фонда Общественное Мнение 2012–2013 гг. [Электронный ресурс]. — URL: <http://corp.fom.ru/posts/184-broshjura-fom-resursy-rossijskogo-dobrovolcheskogo-dvizhenija> 18

[19] Социально ориентированные некоммерческие организации в России [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/publish/prezent/infograf/nko_rus.pdf

[20] Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальных проблем: аналит. докл. НИУ ВШЭ. — М., 2012. — 64 с.

[21] Форум «Государство и гражданское общество» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47480>

[22] *Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П.* Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. — 2015. — № 2 (64). — С. 7–19.

[23] *Шадрин А.Е.* О реализации мер по государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций // [Электронный ресурс]. — URL: http://gosgrant.ru/2014/prezentacii/prezentatsiya_SHadrin_NKO_3_dek_2014.pdf

[24] Trust in Institutions Drops to Level of Great Recession [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.edelman.com/news/trust-institutions-drops-level-great-recession/>

УДК 332.1:314.7(470)

АЛЬМУХАМЕТОВА Айгуль Рашитовна,

аспирант ФГБОУ ВПО

«Башкирский государственный университет», г. Уфа

e-mail: alm.71@mail.ru

ВНУТРЕННЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ МОБИЛЬНОСТИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

В статье рассматриваются вопросы развития мобильности трудовых ресурсов посредством внутренней миграции. Анализу подвергается территориальная трудовая мобильность граждан, проживающих в районах Крайнего Севера.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, трудовая мобильность, трудовая миграция, рынок труда.

Мобильность трудовых ресурсов в экономической литературе определяется как движение (перемещение) работников на новые рабочие места. Складывающаяся экономическая и политическая ситуация в стране создает резонанс на движении работоспособного населения, что в свою очередь влияет на функционирование рынка труда.

Различают несколько видов трудовой мобильности.

1. Внутрифирменная мобильность — человек получает новое рабочее место в той же организации.

2. Межфирменная мобильность — смена места работы не сопровождается ни переездом в другой регион, ни сменой профессии.

3. Другая разновидность межфирменной мобильности — смена работы сопровождается сменой фирмы (организации) и вида деятельности, но не места жительства.

4. Территориальная мобильность, миграция — человек меняет место жительства с целью получить новую, более привлекательную работу. При этом может происходить либо не происходить смена вида деятельности. Возможный вариант: меняя место жительства, работник остается работать в той же организации. Под влиянием глобализации в мире увеличилось число форм миграции, которые возможно отнести к трудовым. Все эти формы не должны рассматриваться обособленно, поскольку одна форма может преобразоваться

в другую в зависимости от конкретных мотивов и условий [4].

5. Эмиграция — человек переезжает в другую страну. При этом, говоря о трудовой мобильности, имеют в виду миграцию, вызванную экономическими причинами, т.е. стремлением найти более привлекательную работу. Естественно, в реальной жизни существуют и другие причины миграции: семейные, этнические, религиозные, стихийные бедствия, социальные конфликты [2].

Движение трудовых ресурсов — сложный социально-экономический и демографический процесс изменения количественных и качественных характеристик части населения, выступающей носителем рабочей силы.

Процесс передвижения рабочей силы на рынках труда сопровождается следующими явлениями:

- изменением вида занятости (профессии);
- изменением территории;
- изменением работодателя.

Мобильность рабочей силы характеризуется следующими факторами, которые можно расположить по группам:

- группа, предусматривающая настоятельность изменений мобильности рабочей силы;
- группа, отражающая желательность мобильности в силу ряда социально-экономических обстоятельств (желание нового места работы, жительства);

– группа, оценивающая легкость мобильности через систему характеристик, способствующих или препятствующих ей;

– группа, отражающая информированность человека о возможных вариантах мобильности, что крайне важно в рыночных условиях [1].

Рассмотрим территориальную трудовую мобильность при смене места жительства. Как известно, проживание в районах Крайнего Севера носит временный характер, что обосновано единственным и главным фактором — сохранение здоровья и продолжительности жизни из-за сурового климата. Медицинские исследования еще в 70-е годы прошлого столетия резюмировали о вреде на здоровье человека пребывания в условиях Крайнего Севера более 5–6 лет. Поэтому, рано или поздно, но население задумывается о переселении в регионы с более благоприятным климатом (далее — материк). Это категория работающих в возрасте до 40 лет и лица предпенсионного возраста.

Первая категория — рабочая сила в возрасте до 40 лет. Она стремится выехать за пределы Крайнего Севера, так как трудоустроиться в городах на материке априори после 40 лет — проблематично. Работодатели хотят «видеть» у себя в компании молодые, но в то же время опытные кадры. Как правило, для этой категории населения не имеет значения разница в заработной плате (на новом месте она будет, естественно, ниже), приоритетом для себя они выдвигают стабильность: сохранение здоровья и постоянное проживание в регионе с благоприятным климатом. Поэтому эта часть рабочей силы «перемещается» в моногорода, оставляя за собой вакантные места для молодых специалистов или вновь приезжающих. Следует отметить, что работающие в компаниях нефтегазодобывающей отрасли в районах Крайнего Севера, перемещаясь в другие регионы, в основном трудоустраиваются, оставаясь в той же структуре.

Основная и большая часть населения, покидающая территории Крайнего Севера, это работники, выходящие на пенсию. В связи с широким пакетом социальных льгот и гарантий, обеспечивающим им «безбедную ста-

рость»: предоставление жилья, повышенная пенсия, санаторно-курортное лечение и т.д., только единицы, достигнув пенсионного возраста (женщины в 55 лет, мужчины в 60 лет, не считая отработавших на вредном производстве), решают остаться.

Первую и вторую категорию из вышеуказанных человеческих трудовых ресурсов «заменяют» ресурсы, стремящиеся увеличить свое благосостояние путем переезда в регионы Крайнего Севера.

Таким образом, мы наблюдаем процесс территориальной мобильности, когда трудовые ресурсы перемещаются из одних регионов в другие — своеобразный «обмен».

В период до кризиса 2008–2009 гг. наблюдался рост работников, меняющих место работы с сохранением специальности. Данный рост был прерван экономическим положением, из-за риска остаться без работы. Доля работников, сменивших и специальность, и организацию к 2010 году упала в 2 раза в сравнении с 2006 годом [3]. Подобная тенденция, только с еще большей амплитудой, происходит в текущий период.

В настоящее время, из-за сложившейся на протяжении 10–15 лет экономической ситуации в России в целом и ростом безработицы, наблюдается перемещение трудовых ресурсов в регионы с высоким заработком. Как правило, это мужское трудоспособное население из провинциальных, мелких городов нашей страны, выезжающих в города федерального значения, районы Крайнего Севера и другие крупные города.

С 1 января 2015 г. вступил в силу закон о развитии внутренней трудовой миграции в России (Федеральный закон от 22.12.2014 № 425-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О занятости населения в Российской Федерации“ в части повышения мобильности трудовых ресурсов и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»). Этим законом установлено новое направление государственной политики в области содействия занятости населения — создание условий для привлечения трудовых ресурсов субъектами Российской Федерации, включенными в перечень субъектов Россий-

ской Федерации, привлечение трудовых ресурсов в которые является приоритетным. Правительством Российской Федерации разрабатываются дополнительные мероприятия в сфере занятости населения, направленные на повышение мобильности трудовых ресурсов. На

основании изменений в закон участие работодателя в региональной программе повышения мобильности трудовых ресурсов будет подтверждено, а также предоставится право на получение финансовой поддержки сертификатом на привлечение трудовых ресурсов.

Литература

- [1] Мухаметлатыпов Ф.У., Ибрагимов У.Ф., Богатырева М.Р. Экономико-стоимостная модель труда: проблемы методологии и категориального анализа: учеб. пособие. — Уфа, 2015. — 231 с.
- [2] Нигматуллина Т.А. Молодежная политика в зарубежных странах: трудоустройство и образование // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2015. — № 3 (28).
- [3] Ромашкина Г.Ф., Андрианова Е.В. Трудовая мобильность в период социально-экономической нестабильности // Вестник ТюмГУ. — 2011. — № 11. — С. 179–184.
- [4] Bogatyreva M.R. Transformation of the Labour Migration Management System // World Applied Sciences Journal. — 2014. — № 30 (11). — Pp. 1556–1558.

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

УДК 378

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна,

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа
e-mail: vova-velc@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются коммуникативные качества личности и их влияние на личностный и карьерный рост. Автор анализирует состояние культуры речевого общения в современном обществе, подтверждая свои выводы данными социологического опроса, проведенного в молодежной среде, и формулирует перечень языковых и коммуникативных компетенций, необходимых молодому специалисту.

Ключевые слова: культура, речевое поведение, общение, коммуникативные навыки, компетенция, социализация, профессионализм.

Среди многочисленных дефиниций культуры, известных в мировой литературе, наиболее приемлемыми, на наш взгляд, являются определения этого понятия, данные Э. Тайлором и П. Флоренским: «Культура складывается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [7]; «Культура — это язык, который объединяет человечество и растит личность» [8]. В этих определениях есть нечто общее: толкование культуры через понятия «человек как личность» и «человек как член общества». И в том и другом случае человек проявляет себя через свои поступки и через свою речь.

Безусловно, речевое поведение человека должно быть релевантным. Отсюда следует, что в структуре коммуникативного пор-

трета успешного специалиста ведущее место занимает общая культура человека, которая, по определению А. Швейцера, есть совокупность прогресса человека и человечества во всех областях и направлениях при условии, что этот прогресс служит духовному совершенствованию индивида как прогрессу прогрессов [9].

Не вызывает сомнения, что культура основана на истинной духовности и вбирает в себя высшие нравственные ценности. Не случайно уже в рамках культурной антропологии значительное место отводилось аксиологическому аспекту, формированию личностных качеств человека, в том числе и коммуникативных. Из древности, от Аристотеля, пришло в гуманитарные науки и определение человека по одному из основных признаков, отличающих его от других живых существ, —

тем, что он одарен словом, способностью говорить, общаться.

Сегодня мы можем говорить о том, что настало время, о котором писал когда-то В.И. Вернадский в своем дневнике: «Когда есть ряд человеческих обществ и в этих обществах, государствах, в одних широко дана возможность мыслящим единицам высказывать, обсуждать и слагать свое мнение, в других такая возможность доведена до minimum'a — то первое общество гораздо сильнее и счастливее вторых обществ» [3, с. 403–404]. Однако оказалось, что наше общество не готово «быть счастливым», ибо выяснилось: говорящему достаточно сложно выбрать не только тему для выступления, но и преподнести ее таким образом, чтобы она оказала воздействие на слушателей. Так, если раньше инвенция определялась извне, исключая участие оратора в выборе темы, то в условиях отсутствия жесткой цензуры говорящий сам несет ответственность как за «изобретение мыслей», так и за организацию содержания и структуры коммуникации.

Культура языка и речи, культура общения и поведения (то есть то, что составляет коммуникативные качества личности) являются элементами гуманитарной культуры, уровень которой в современном обществе, к сожалению, оставляет желать лучшего. Даже в самых высоких общественных кругах, даже на радио и телевидении нередко наблюдается полное неумение вести диалоги, дебаты, дискуссии; неспособность построить монолог, произнести речь. В разных речевых сферах наблюдается заметное оскудение речи на лексическом уровне, ее усеченность — на уровне построения высказывания, небрежность — на фонетическом и морфологическом уровне. Происходит явное снижение культуры речи в средствах массовой информации, в профессиональном и бытовом общении. Но ведь давно известно, что «вернейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит... Язык человека — это его мировоззрение и его поведение. Как говорит, так, следовательно, и думает» [5, с. 355–370].

Командно-директивные формы взаимодействия, жестко регламентированные моде-

ли отношений, сложившиеся в нашей стране, привели к тому, что люди стали утрачивать способность соотносить слова с действительностью, привыкать «прятаться» за них, не придавать сказанному никакого значения. По мнению выдающегося отечественного философа XX века Н.А. Бердяева, «слова имеют огромную власть над нашей жизнью, власть магическую. Мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве. Слова действуют как самостоятельные силы, независимо от их содержания. Мы привыкли произносить слова и слушать слова, не отдавая себе отчета в их реальном содержании и их реальном весе. Мы принимаем слова на веру и оказываем им безграничный кредит» [1, с. 99]. Стало привычным передавать чужие мысли чужими словами. А отсюда — деградация коммуникативной культуры общества: бедность словарного запаса, отсутствие речевой эрудиции, традиция действовать строго по образцу или в соответствии с инструкцией, что и как в какой ситуации говорить и делать. Слабое владение человеком родным языком, малограмотность не становятся предметом публичного осуждения. Люди спокойно говорят о себе: «У меня с русским языком со школы проблемы»... Нашему человеку даже не приходит в голову, что знание родного языка человек должен совершенствовать в течение всей жизни [6, с. 361–373].

К сожалению, большинство молодых людей практически не считают речевую культуру важнейшим инструментом социализации и профессионализации личности. У многих из них отсутствуют знания и представления о ценности языковой и коммуникативной компетенции либо они носят случайный или интуитивный характер. Отсюда и завышенный критерий самооценки речевой культуры.

Этот вывод подтверждает проведенный нами мониторинг самооценки уровня речевой культуры учащейся молодежи. Респондентами явились студенты выпускных курсов разных вузов и разных специальностей, то есть те, кому в самом ближайшем будущем уже на практике потребуются навыки профессионально-речевого общения. Им предлагалось оценить уровень собственной речевой культуры в соответствии с предложенными параметрами. Всего

было опрошено 500 человек (по 100 студентов каждой специальности).

Ответы распределились следующим образом.

61,4% студентов гуманитарных специальностей (филологи, юристы, историки, педагоги и т. д.); 39,6% студентов естественнонаучных специальностей (математики, физики, биологи и т. д.); 39,4% студентов технических специальностей (программисты, инженеры, техники и т. д.); 43,7% студентов экономических специальностей (финансисты, менеджеры, бухгалтеры и т. д.); 38,2% студентов медицинских специальностей (фармакологи, терапевты, хирурги и т. д.) считают, что они свободно владеют речью, никогда не испытывают трудностей в формулировании и словесном оформлении мыслей; легко общаются в любой ситуации, могут выступать публично.

Иногда затрудняются в подборе слов для формулирования мыслей; не всегда могут ясно и точно передать словами свое мнение, идеи, особенно перед незнакомой аудиторией 31,5% студентов гуманитарных специальностей; 38,4% студентов естественнонаучных специальностей; 37,9% студентов технических специальностей; 38% студентов экономических специальностей и 38,2% студентов медицинских специальностей.

Испытывают затруднения при изложении мыслей; достаточно часто не могут подобрать подходящее слово; чувствуют скованность, даже страх при общении с незнакомыми людьми и публичном выступлении 4,6% гуманитариев; 17,8% студентов естественнонаучных специальностей; 17,3% студентов технических специальностей; 14,2% студентов экономических специальностей и 18,4% студентов медицинских специальностей.

Никогда не задумываются о том, как говорят; не придают этому особого значения; не обращают внимания на качество речи других 2,5% студентов гуманитарных специальностей; 4,2% студентов естественнонаучных специальностей; 5,4% студентов технических специальностей; 4,1% студентов экономических специальностей и 5,8% студентов медицинских специальностей.

Если исключить из числа респондентов студентов-гуманитариев (они априори должны

лучше остальных владеть разными формами речи и реагировать на речь окружающих), то все остальные, на наш взгляд, явно завысили уровень своей речевой культуры (впрочем, и среди филологов сегодня крайне мало тех, кто владеет речью в совершенстве). Возможно, это объясняется тем, что достаточно велик процент опрашиваемых, которые и сами не задумываются о качестве своей речи, и не обращают внимания на речь собеседников.

Однако слабое владение коммуникативными навыками не столь безобидно, как это может показаться: оно нередко приводит к неумению выразить себя, к непониманию, неточному восприятию сказанного или прочитанного, мешают индивиду занять свое место в социуме. Более того, еще со времен античности одной из основных задач, стоящих перед говорящим, было побудить слушателей к принятию какого-либо решения или даже к определенному действию. Это означает, что от умения общаться во многом зависит, какое речевое воздействие окажет говорящий на собеседника и к какому действию он его подтолкнет своей речью. Следовательно, общественное сознание можно формировать, если грамотно использовать коммуникативные, и в частности, речевые средства. Не случайно, говоря о современной риторике, выделяют следующие ее особенности: 1) она существует как наука о речевом воздействии; 2) выступает как теоретическая и практическая наука; 3) разделяется на две основные ветви: публичное речевое воздействие и межличностное речевое воздействие (искусство убеждать в диалоге); 4) убеждение осуществляется преимущественно не логическими способами, а эмоционально-психологическими, с учетом особенностей собеседника и аудитории.

Соответствие речи коммуникативным задачам (целесообразность речи) всегда подчинено постулату убеждения «другого» и формируется, хотя и для каждой конкретной цели конкретным образом, но всегда в последовательной реализации идеоречевого цикла — от подбора аргументов до стилистической обработки текста. Вся риторика — от центральной схемы до малейших стилистических рекомендаций — пронизана поиском решений этой сверхзадачи коммуникации — убеждению «другого».

Понятие «убедить другого» не связывается в классической риторике с непременным силовым давлением, использованием «страстей» и т. д.; убеждение достигается через консенсус, т. е. принятие большинством тезиса говорящего. Е.С. Кубрякова полагает, что основной интерес в этом аспекте представляет трактовка риторики как теории построения текстов, воздействующих на адресата таким образом, что он совершает «ментальные и реальные акты», соответствующие интенции адресанта [4, с. 14].

Эту точку зрения разделяет и Й. Коппершмидт [10, с. 127], который трактует риторику как теорию персуазивной (воздействующей) коммуникации. Однако в своей трактовке он идет еще дальше. По его мнению, риторика основывается на следующей общей предпосылке: язык есть не только средство осознания действительности (*die Sprache bewältigt die Wirklichkeit*), но и средство ее изменения. Сопоставление действенности речи и ее предметного содержания, считает ученый, позволяет отделить значимость речи (значимость «в себе») от конкретно адресованной значимости (значимость «для другого»). Значимость «для другого» означает, какое решение примет этот «другой», прослушав выступление того или иного оратора, насколько он будет доверять ему.

Исходя из этого, можно полагать, что аргументированная, правильно организованная речь должна оказывать большее воздействие на слушателя. Однако, как показывает практика, это соответствие далеко не всегда выдерживается. Отсюда следует, что нашему обществу следует учиться свободно и в то же время грамотно и корректно выражать свои мысли публично. А это, в свою очередь, напрямую связано с проблемой ранней социализации личности.

Реалии сегодняшнего дня ставят перед системой высшего образования задачу формирования специалиста, владеющего не только соответствующей компетентностью в области избранной профессии, но и социально ориентированного, широко образованного, умеющего самостоятельно находить информацию, перерабатывать ее и передавать. Традиционная парадигма, опирающаяся на понятия зна-

ния, умения и навыки, оказалась недостаточно продуктивной для успешной адаптации молодежи к новым условиям, предполагающим инициативность, активность и мобильность. Альтернативой известным концепциям: развивающему образованию, алгоритмизации, личностно-ориентированному обучению и др. — стал сегодня компетентностный подход, направленный на результат образования в совокупности мотивационных, ценностных и когнитивных элементов. Его структуру составляют знания, умения, опыт творческой деятельности и выражения отношения к явлениям, а категориальными компонентами являются направленность и заданность цели.

В государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования, независимо от специальности или направления, содержится цикл таких лингвистических дисциплин, как «Русский язык и культура речи», «Риторика», «Деловая речь» и др. Они призваны содействовать качественной языковой подготовке кадров для различных сфер деятельности. В результате их изучения должна быть сформирована компетентность, позволяющая воспринимать мир в его многообразии и реализовать себя как личность, гражданин и профессиональный работник [2].

Рассмотрим парадигму лингвистического образования через призму ключевых компетенций, относящихся к личности как субъекту жизнедеятельности, к взаимодействию человека с другими людьми и к деятельности личности в профессиональной сфере, которые в совокупности составляют личностное качество человека как специалиста.

В первый блок включаются компетенции, относящиеся к личности как субъекту жизнедеятельности, например, компетенции здоровьесбережения, ценностно-смысловой ориентации в мире, компетенции интеграции, гражданственности, самосовершенствования, языковое и речевое развитие, овладение культурой родного языка, владение иностранными языками. Во втором блоке могут быть сгруппированы компетенции, относящиеся к взаимодействию с другими людьми и обществом. Здесь релевантными являются компетенции социального взаимодействия, обеспечивающие социальную мобильность, толерантность, уважение к дру-

гим расам, нациям, религиям, отдельно выделяются компетенции коммуникативного характера: умение строить устные и письменные тексты, кросс-культурное общение, навыки воздействия на реципиента. Особое место занимают позитивные навыки общения в поликультурной среде, основанные на знании исторических традиций народов, социальных групп и национальных общностей, умения решать коммуникативные задачи и конфликтные ситуации и др. Наконец, третий блок состоит из компетенций, относящихся к деятельности человека. В их числе компетенции познавательной деятельности, реализующиеся через умения ставить и решать познавательные задачи, владение исследовательскими навыками, способностями продуктивного и репродуктивного познания и т. д. Деятельность, в свою очередь, предполагает компетенции в различных областях, например, в игре, учении или труде. Следует отметить, что компетенции деятельности определяются через навыки планирования, проектирования, прогнозирования и ориентации в разных видах деятельности. Сюда же включаются навыки владения информационными технологиями, в том числе владение приемами преобразования информации (конспектирования, реферирования и т. д.).

Все перечисленные компетенции, без сомнения, связаны с общей культурой человека. Если рассмотреть это понятие в аспекте компетенций, то формирование тех из них, которые относятся к личности как субъекту жизнедеятельности, напрямую зависит от степени владения человеком нормами литературного языка. А это предполагает знание системы языка и законов его функционирования. В рамках школьного курса русского языка обучающийся не получает системных представлений о языке в силу специфики характера и принципов преподавания предмета в средней школе, а вузовский курс с небольшим количеством часов и практической своей направленностью не в состоянии решить эту задачу. Поэтому будущий представитель любой специальности (исключая филологические) — экономист, юрист, менеджер и т. д. — изначально поставлен в такие условия, что ему ни в школе, ни в вузе не приходится знакомиться с языком как системой систем. Излишне говорить, как это нега-

тивно сказывается на уровне культуры личности и воздействует на культуру взаимодействия, которая связана с компетенцией, относящейся к взаимодействию с другими людьми и обществом (умение строить свое выступление на различные темы, организовать диалог и управлять им, оптимально используя речевую и эмоциональную ситуацию и др.). Даже производственные конфликты в коллективе часто возникают из-за коммуникативных неудач, непонимания или несовпадения представлений о роли тех или иных языковых средств, используемых при общении.

Также требуют разграничения понятия языковой компетенции и речевой компетенции. Языковая компетенция обычно понимается как потенциал лингвистических (языковедческих) знаний человека, совокупность правил анализа и синтеза единиц языка, позволяющих строить и анализировать предложения, пользоваться системой языка для целей коммуникации. Содержание языковой компетенции — это усвоение категорий и единиц языка и их функций, постижение закономерностей и правил функционирования языка (Л.В. Щерба, В.А. Звегинцев, И.А. Зимняя и др.). К примеру, И.А. Зимняя понимает язык как средство, а речь как способ формирования и формулирования мысли посредством языка в процессе речевой деятельности. Речевая компетенция — это языковая система в действии, использование ограниченного количества языковых средств, закономерностей их функционирования для построения высказываний от простейшего выражения чувства до передачи нюансов интеллектуальной информации (М.М. Бахтин, О.Д. Митрофанова и др.).

Коммуникативная компетентность как совокупность знаний, умений и навыков адекватного отражения и восприятия действительности в различных речевых ситуациях формируется на базе многих дисциплин, но ведущей является курс языковедческих дисциплин. В процессе общения обеспечивается единство действий и их согласованность, устанавливается контакт и обеспечивается взаимопонимание между людьми. Коммуникативная неудача обуславливается лингвистическими и экстралингвистическими факторами, которые также должны регулироваться вербальными сред-

ствами. Поэтому подготовка студентов к эффективному межличностному общению предполагает формирование коммуникативно грамотной личности. Умение понимать цели общения и учитывать особенности ситуации, социальных и индивидуальных черт личности, создавать благожелательную атмосферу и держать под контролем эмоциональный фон общения и т.д. способствует созданию имиджа успешного специалиста, владеющего внутренней культурой. Коммуникативная компетенция — это усвоение этно- и социально-психологических эталонов, стандартов, стереотипов поведения; степень владения «техникой» общения. Следовательно, необходимы специальные коммуникативные методики, предусматривающие наряду с овладением знаниями по языку практическое овладение техникой общения, правилами речевого этикета, нормами поведения и т.п.

В процессе обучения любой дисциплине преподавателям следует иметь в виду, что, помимо профессиональных знаний, молодой специалист должен обладать языковой и коммуникативной компетенциями, а именно:

- уметь использовать коммуникативный набор, характеризующий «хорошую речь», в разных ситуациях общения в соответствии со стратегическим замыслом, нормами русского языка и этическими законами речевого общения;
- вести беседу на бытовые, деловые, политические, философские, исторические и прочие темы, набор которых составляет круг компетентности культурного человека;
- слушать и слышать собеседника, задавать вопросы разных типов в достойной культурного человека форме, подавать реплики, корректно вступать в разговор, дополняя и развивая тему беседы или аргументировано возражая по ее существу, соблюдая принципы национально-культурной полифонии;

- участвовать в дебатах по проблеме, в которой говорящий достаточно компетентен, ясно и лаконично, в хорошей литературной форме излагая свое суждение в виде строго регламентированного выступления;
- участвовать в дискуссиях, спорах с соблюдением всех логических и этико-психологических законов и правил; последовательно и доказательно отстаивать свои взгляды, если они направлены на конструктивное решение вопроса; выступать с небольшой, но яркой и убедительной публичной речью на доступную тему и в разных жанрах по хорошо изученному предмету и при этом уметь корректировать ее форму и тактику ведения в соответствии с интересами и настроениями аудитории;
- вникать в замысел чужой письменной и устной речи и различать за внешней формой внутреннее содержание и глубинные цели, то есть эффективно читать и слушать, давать общериторическую оценку прочитанного или услышанного текста;
- использовать слово как инструмент воспитания; исходить из того, что нормы речевого поведения определяются нравственным содержанием человеческих отношений.

Без этих умений и навыков, даже обладая фундаментальными знаниями в области выбранной профессии, вчерашний студент не сможет быть конкурентоспособным на рынке труда, саморазвиваться и выстраивать свою карьеру.

Подводя итоги сказанному, еще раз подчеркнем, что в гражданском обществе центром всего является человек. И овладение коммуникативной культурой во всех ее проявлениях явится залогом его эффективной реализации и самореализации и как личности, и как профессионала.

Литература

- [1] Бердяев Н. Судьба России. — М.: ЭКСМО, 2007.
- [2] Вельц Р.Я. Основы риторики / Р.Я. Вельц, Т.Н. Дорожкина, Е.Г. Рузина, Е.А. Яковлева. — Уфа: Китап, 1997.
- [3] Вернадский В.И. О роли личности в истории // Философские мысли натуралиста. — М.: Наука, 1988.

[4] Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. — М., 1995.

[5] Лихачев Д.С. О языке устном и письменном, старом и новом // Русская культура. — М.: Искусство, 2000.

[6] Стернин И.А. Можно ли культурно формировать культуру в современной России // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург, 2000.

[7] Тайлор Э.Б. Первобытная культура. — М., 1989 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.hrono.info/libris/lib_d/dik25hresto.php

[8] Флоренский П. У водораздела мыслей // Приложение к журналу «Вопросы философии». — М.: Правда, 1990.

[9] Швейцер А. Культура и этика. — М.: Наука, 1973.

[10] Kopperschmidt J. Allgemeine Rhetorik: Einführung in die persuasive Kommunikation. Stuttgart, 1973.

УДК 378:338.4(470)

ИСЛАКАЕВА Гузель Разимовна,
кандидат экономических наук,
научный сотрудник лаборатории исследований
социально-экономических проблем регионов
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
e-mail: islakaeva@list.ru

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

Статья посвящена анализу подготовки кадров в сфере высшего образования для лесного хозяйства России. Проведен анализ подготовки кадров по направлениям подготовки для лесного хозяйства с тем, чтобы выявить кадровый потенциал для развития деревообрабатывающей промышленности в субъектах федерации, также уделено внимание уровню обеспеченности кадрами высшей квалификации данной сферы. Выяснилось, что подготовка кадров в системе высшего образования для лесного сектора России осуществляется, преимущественно, в области лесного дела, а не деревообработки. В России мало образовательных центров, специализирующихся на подготовке кадров в области лесного хозяйства, что снижает возможности для развития науки и качества подготовки. Предложены меры по решению проблем в области подготовки кадров в системе высшего образования для лесного хозяйства.

Ключевые слова: высшее образование, вузы, лесное хозяйство, деревообработка, лесные ресурсы, регион, высококвалифицированные кадры, образовательные программы, федеральные государственные образовательные стандарты.

На современном этапе общественного развития успех лесного сектора любого государства определяется не столько от имеющихся ресурсов в распоряжении, а сколько от наличия деревообрабатывающих мощностей. В качестве доказательства можно привести пример развития лесного сектора России и Китая.

Российская Федерация занимает первое место в мире по площади лесов, в процентах от земель страны эта площадь составляет 49,4%, а от площади лесов в мире — 20%. В то время как Китай занимает пятое место, его площадь леса в процентах от земель страны составляет — 22,2%, от площади лесов в мире — 5% [7]. Таким образом, Россия по объемам лесных ресурсов существенно превышает Китай. Несмотря на то это, Китай является лидером по производству и экспорту продукции лесного хозяйства, а именно продукции деревообрабатывающей промышленности.

Общеизвестно, что деревообрабатывающая сфера России серьезно уступает многим развитым странам Европы, прежде всего, таким как Финляндия, Швеция, Германия, а также некоторым азиатским странам, в частности — Китаю. Наиболее остро стоит проблема перевода лесной отрасли на рельсы инновационного развития глубокой переработки лесных ресурсов, с большой добавленной стоимостью [1–2].

Развитие деревообрабатывающей сферы определяется, отчасти, и наличием кадров, соответствующим современным потребностям. Это, в свою очередь, зависит от того, ведется ли подготовка кадров для данной сферы, как в России, так и в регионе.

Деревообрабатывающая сфера — это сфера, развитие которой, прежде всего, определяется наличием высококвалифицированных кадров (инженеров, технологов и др.). Эта за-

дача возлагается, очевидно, на систему высшего образования.

В данной статье мы исследуем вопросы подготовки кадров в системе высшего образования для лесного хозяйства России на предмет направлений подготовки кадров с тем, чтобы выявить — существует ли потенциал для развития деревообрабатывающей промышленности, причем, исследуем в разрезе субъектов федерации, поскольку именно в регионах, в непосредственной близости к источникам сырья, должна осуществляться подготовка кадров. Также уделим внимание уровню обеспеченности кадрами высшей квалификации данной сферы. В основе исследования лежит представление, что менталитет специалиста, закладываемый в ходе обучения, его понимание о предельной полезности продуктов, производимых на разных этапах технологической цепочки, определяет его склонность к внедрению инноваций или, наоборот, к консервации сложившихся технологических моделей [2].

В России существует всего четыре образовательных центра, специализирующихся на подготовке кадров в области лесного хозяйства. Эти центры по одному сосредоточены в четырех регионах: Воронежской области — Воронежская государственная лесотехническая академия, Московской области — Московский государственный университет леса, Республике Коми — Сыктывкарский лесной институт (филиал) Санкт-Петербургского лесотехнического университета им. С.М. Кирова, Санкт-Петербурге — Санкт-Петербургский лесотехнический университет им. С.М. Кирова, Свердловской области — Уральский государственный лесотехнический университет.

Согласно федеральным государственным образовательным стандартам подготовка кадров применительно к сфере лесного хозяйства осуществляется в рамках образовательной программы — «Воспроизводство и переработка лесных ресурсов» по направлению подготовки: «Лесное дело» (профиль «Лесное дело»; «Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств» (профиль «Технология переработки», «Лесоинженерное дело») «Ландшафтная архитектура» (профиль «Садово-парковое и ландшафтное строительство») [6].

Особенность подготовки высококвалифицированных кадров в сфере лесного хозяйства России такова, что большая часть кадров готовится вузами аграрного профиля, в которых, как правило, представлены лесные факультеты. Большинство из них готовят кадры по направлению только «Лесное дело», в основе своей предусматривающие планирование, охрану, защиту и воспроизводство леса и др., но не переработку лесных ресурсов.

Помимо аграрных вузов подготовку кадров в области леса ведут и технологические вузы (например, в Республике Марий Эл находится Поволжский государственный технологический университет), либо инженерно-технологические (например, в Брянской области находится Брянская государственная инженерно-технологическая академия), либо классические университеты (например, в Республике Карелия — Петрозаводский государственный университет, в котором представлен институт лесных, инженерных и строительных наук, в Иркутской области — Братский государственный университет (лесопромышленный факультет)).

Интерес вызывает то, что в некоторых вузах подготовка кадров осуществляется непрофильными факультетами. К примеру, в Челябинской области в одном из вузов ведется подготовка по профилю «Лесное дело» на экологическом факультете. Более того, в Пензенской государственной сельскохозяйственной академии ведется подготовка по профилю «Лесное дело» на кафедре почвоведения и агрохимии.

Примечательно и то, что существуют регионы, в которых сосредоточены значительные запасы лесных ресурсов, но подготовка кадров по направлению «Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств» не ведется. К таковым относится, например, Республика Башкортостан, которая обладает запасами лесных ресурсов, подготовка высококвалифицированных кадров осуществляется Башкирским государственным аграрным университетом по направлению «Лесное дело» и «Ландшафтная архитектура». Таким образом, в республике не готовят высококвалифицированные кадры в области деревообработки, следовательно, и деревообрабатывающая промышленность не получает должного развития.

На основе анализа данных федерального портала российского образования [8] выяснилось, что из 83 существующих регионов Российской Федерации в 51 существуют вузы, осуществляющие подготовку кадров в рамках образовательных программ «Воспроизводство и переработка лесных ресурсов» по тому или иному направлению и профилю.

Что касается подготовки кадров в области переработки лесных ресурсов, которое осуществляется в рамках направления «Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств», то вузов по данному профилю представлено существенно меньше, всего в 24 регионах. При этом в большинстве из них (в 19 регионах из 24) данное направление существует наряду с направлением «Лесное дело». В остальных 5 регионах существуют вузы, ориентирующиеся лишь на направление «Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств», это Кировская, Костромская, Читинская области, Красноярский край, Республика Саха.

Иными словами, из 51 региона, в которых ведется подготовка в области лесного хозяйства, только в 24 существуют вузы, которые готовят кадры одновременно по нескольким направлениям — «Лесное дело» и «Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств». При этом в 5 из 24 регионов находятся вузы, в которых существует только одно направление и оно в области переработки леса.

Лишь в 12 регионах из 51 существуют вузы, в которых представлены все направления подготовки — «Воспроизводство и переработка лесных ресурсов». Это говорит о том, что в этих вузах ориентируются на многопрофильную подготовку кадров в области лесного хозяйства.

Таким образом, особенность подготовки кадров в системе высшего образования для лесного сектора России такова, что подготовку кадров осуществляют в основном в области лесного дела, а не деревообработки. Причем, подготовка кадров ведется, большей частью, не в узкоспециализированных вузах, а в вузах, либо многопрофильных (например, в классических), либо аграрного профиля, что снижает масштаб подготовки кадров, а также степень научного развития.

Несмотря на то, что вузы в России преимущественно готовят кадры по направлению «Лесное дело», в основе своей предусматривающие планирование, охрану, защиту и воспроизводство леса, а не по направлению деревообработки, в сфере лесного хозяйства наблюдается низкая обеспеченность кадров с профильным высшим образованием.

Так, согласно данным, которые приводит ректор Всероссийского института повышения квалификации руководящих работников и специалистов лесного хозяйства А. Петров [4], в России обеспеченность кадрами с высшим образованием в области охраны лесов от пожаров, составляет всего 20%. Вместе с тем в лесничествах наблюдается низкая обеспеченность высококвалифицированными кадрами с профильным высшим образованием, которая составляет 32%.

Еще более худшая ситуация на местах. Среди специалистов, работающих в участковых лесничествах, дипломы профильного вуза имеют лишь 12%. Заметим, что на местах ситуация с обеспеченностью кадрами с высшим лесным образованием — наихудшая по сравнению с вышестоящими уровнями управления. К примеру, доля руководителей структурных подразделений в органах власти субъектов Российской Федерации в области лесного хозяйства с высшим лесным хозяйством составляет 85%.

Относительно лучше ситуация с обеспеченностью высококвалифицированными кадрами обстоит в области воспроизводства, использования, защиты лесов, где доля специалистов с высшим лесным образованием составляет более 50% [4].

Однако, проблемы охраны лесов от пожаров, их защиты и надзора видятся лучше на местах, нежели на региональном или федеральном уровнях. Именно на местном уровне кадровая обеспеченность высококвалифицированными специалистами во многом определяет способность предотвращения тех или иных проблем. Учитывая столь малое число специалистов с профильным высшим образованием, работающих в участковых лесничествах, конечно, не удивляет тот факт, что в России ежегодно от пожаров истребляются леса огромными площадями.

Столь низкая обеспеченность кадрами высокой квалификации в области защиты лесов объясняется, на наш взгляд, наблюдаемой в последние 20 лет тенденции, когда основная часть выпускников не работает по профилю своей подготовки. Кроме того, выпускники с высшим лесным образованием зачастую не возвращаются к себе на родину. Такая ситуация характерна не только для сферы лесного хозяйства, но и для сельского хозяйства, когда достаточно много выпускников с дипломами агронома, ветеринара не возвращаются на родину.

Проблемы кадрового кризиса в сфере лесного хозяйства, по мнению А. Петрова, усугубляются рядом причин.

Так, в силу произошедших перераспределений основных полномочий между Центром и регионами, касающихся лесных отношений, которые в результате перешли на уровень исполнительных органов власти субъектов федерации, кадровых ресурсов регионов оказалось недостаточно, как с качественной, так и с количественной точки зрения, для выполнения функций, ранее возложенных на федеральных служащих. Иными словами, сегодня объем возложенных функций на регионы не подкреплён существующим кадровым потенциалом.

Заметим, что регламент передачи полномочий с точки зрения кадрового обеспечения — не предусмотрен. В результате регионы по своему усмотрению решали данную проблему. В частности, в ряде регионов были соединены административные функции в управлении лесами с функциями управления лесохозяйственной деятельностью, что увеличивает коррупционную составляющую в принятии управленческих решений [4].

Другой проблемой, усугубляющей кадровый кризис в области лесного хозяйства, по мнению А. Петрова, является то, что госслужащие имеют крайне низкую подготовку в области менеджмента. В России на госслужбе только 3% лиц,

замещающих должности государственной службы, имеют профильное высшее образование в области менеджмента и администрирования. Более того, настораживает тот факт, что наблюдается крайне низкий уровень знаний у работников и специалистов в области лесного хозяйства в вопросах, касающихся лесного законодательства, нормативно-правового регулирования лесных отношений, лесной экономики.

Для решения кадрового кризиса в области лесного хозяйства, по мнению А. Петрова, необходимо: разработать и утвердить долгосрочную государственную политику в области лесного образования, предусматривающую межведомственное взаимодействие; необходима новая институциональная организация лесного хозяйства, подчиняющая интересы образовательных учреждений интересам работодателей в лице органов государственной власти в сфере лесных отношений; образовательные учреждения должны формировать учебный процесс с использованием модульных программ и сетевых форм их реализации; увеличить взаимодействие высшего образования и дополнительного [4–5].

В дополнение предлагаемым А. Петровым мероприятиям представляется целесообразным, с целью более рационального использования лесных ресурсов, усилить подготовку в области экономики леса, менеджмента в сфере лесного хозяйства, увеличить образовательную подготовку кадров в части деревообработки, увеличить количество образовательных центров, специализирующихся на развитии лесного хозяйства. Кроме того, решение вопросов организации глубокой переработки леса, внедрения инновационных технологий должно рассматриваться в рамках проведения общегосударственной инновационной политики [3].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-02-00590а.

Литература

- [1] Барлыбаев А.А., Зулькарнай И.У. Глубокая переработка лесных ресурсов: нужны ли арендные отношения в этой области? // Экономика и управление. — 2013. — № 5 (115). — С. 24–29.
- [2] Зулькарнай И.У. Причины отсутствия глубокой переработки леса в Республике Башкортостан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2012. — № 2 (14). — С. 64–73.
- [3] Зулькарнай И.У., Шестакович А.Г. Инновационный центр «Сколково» как проект по трансплантации успешных институтов «Силиконовой Долины» // Инновационная деятельность. — 2014. — № 3 (30). — С. 17–27.

- [4] Петров А. Лесов в России много, а профессионалов в лесной отрасли крайне мало [Электронный ресурс]. — URL: <http://rg.ru/2015/09/16/specialisty.html> (дата обращения: 12.09.2015).
- [5] Петров А. Уровень знаний по вопросам лесного законодательства крайне низок [Электронный ресурс]. — URL: <http://rg.ru/2015/09/08/petrov.html> (дата обращения: 17.09.2015).
- [6] Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.fgosvo.ru> (дата обращения: 05.09.2015).
- [7] Состояние лесов мира 2012 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/publications/pdfs/world_forests_2012_rus.pdf (дата обращения 10.08.2015).
- [8] Федеральный портал Российское образование. — URL: <http://www.edu.ru/abitur/act.6/fgos.25/index.php> (дата обращения: 05.09.2015).

УДК 378

АХМЕТОВА Замьфира Муллахановна,

старший преподаватель кафедры
экономики, информатики и аудита
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: ahmetova-zm@mail.ru

БЫСТРОВ Александр Ильич,

кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры экономики, информатики и аудита
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: bistrovaalex@rambler.ru

РОМАНКО Владимир Георгиевич,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
информационных технологий Уфимского института (филиала)
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
e-mail: v.g.romanko@gmail.ru

МЕТОДИКА ТРЕХУРОВНЕВОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

В работе приведено описание алгоритма и программы трехуровневого тестирования. Изложены возможности использования программы для более глубокой проверки знаний обучающихся в соответствии с тремя уровнями: знать, уметь и владеть. Показан пример трехуровневого тестирования по дисциплине математика. Проанализированы результаты и приведены рекомендации по использованию в учебном процессе методики для других дисциплин.

Ключевые слова: многоуровневое тестирование, алгоритм, программа, методика тестирования, компетенции, оценка знаний.

Качество образования — многомерное понятие и зависит от различных составляющих образовательного процесса: системы управления, кадрового потенциала, методического обеспечения, материально-технической базы, итоговой подготовки выпускников и т. п. Во главу угла стратегии и дальнейшего развития школы и вуза должно быть положено всеобщее качество. В современных условиях качество подготовки специалистов предопределяет дальнейшую судьбу вузов. Вузовская система качества подготовки специалистов охватывает всю деятельность вуза: прием, подбор кадров, обучение персонала, научные, научно-методические исследования и многие другие.

Сегодня общество как никогда заинтересовано в высоком уровне подготовки специа-

листов. Однако нельзя не отметить, что мотивация к получению знаний как у учащихся, так и у обучающихся остается невысокой. Несмотря на развитие информационных технологий, уровень подготовки выпускников средних школ и студентов снижается. В чем причины этого? Назовем лишь некоторые из них:

– Недостаточная подготовка в школе. Стремление школьной математики охватить все, от теории множеств до математического анализа, перегруженность рутинным материалом приводит к тому, что школьники не могут построить график элементарной функции, не знают логарифмы. Формальное изложение курсов математики и информатики оторвано от потребностей реальной жизни. Излишняя категоричность учебников порою гасит позна-

вательный интерес ребенка, создавая впечатление, что открытия уже невозможны. Бурное развитие принципов и методов обучения, модернизация программ и учебников, появление новых типов образовательных учреждений не избавило современную школу от преобладания информативности над развитием.

– Слабая компьютеризация математики. За скучными вычислениями теряется логика и красота математики, истинный смысл поиска количественных законов и взаимосвязей между объектами окружающего мира, природы и общества.

– Отсутствие систематической работы обучающихся и надлежащего контроля со стороны преподавателя. Другая сторона вопроса заключается в том, что принятие Базисного плана жестко ограничило максимально допустимую нагрузку учащегося, став тем самым на защиту его физического и психического здоровья, в то время как объем требуемых знаний, умений и навыков растет.

Перестройка системы образования в России на западный лад не всегда оправдана, но существуют элементы, которые необходимо заимствовать в преподавании математики и информатики. Позитивную роль в улучшении качества математического образования будущих специалистов играет усиление контролирующего и компьютерного начал в системе преподавания.

Как известно, в настоящее время в России осуществляется реформа системы образования. В ходе проводимой реформы повсеместно в качестве средства контроля уровня знаний учащихся внедряется система письменных или машинных тестов. При этом наблюдается постепенное вытеснение всех прочих форм контроля уровня знаний обучающихся именно тестами [6].

Однако тестирование как метод педагогического контроля в том виде, который используется в настоящее время, очень несовершенен. Как показывает анализ [2; 4], он не отвечает современным требованиям: плохо соответствует концепциям современной науки, не отвечает современным образовательным, общекультурным и нравственным целям общества.

В этой связи актуальным становится усовершенствование методик тестирования, приведение их к виду экспертной системы, адапти-

руемой в процессе тестирования под конкретного обучающегося [3]. Первым шагом в этом направлении, на наш взгляд, является переход от одноуровневого к многоуровневому тестированию.

Для тестирования знаний учащихся и обучающихся вузов используются обычные *одноуровневые тесты*. Это тесты, где задается N вопросов с различными вариантами ответов, один или несколько из которых верные. Они могут быть комбинированными: с добавлением вопросов на соответствие одних пунктов другим, использование текстовых ответов и т.д.

В настоящей работе с целью более углубленного контроля знаний предлагается использовать *многоуровневые тесты*, т.е. такие тексты, где правильный ответ не заканчивает вопрос, а задается следующий по углублению контроля знаний по данной теме, т.е. новый уровень, и так далее. Таким образом, мы имеем несколько иерархических уровней более углубленного контроля знаний. Это аналогично использованию теории графов в разработках экспертных систем.

Отметим, как осуществляется рейтинговый контроль знаний при одноуровневом тестировании. Для наглядности рассмотрим простой тест, где в вариантах ответов один — верный, остальные — неверные.

Задается N вопросов. Верные ответы заложены в программе как массив номеров правильных ответов a_i ($i=1 \div N$). Номера ответов тестируемого записываются в массив b_i . Номера ответов a_i и b_i принадлежат промежутку от 1 до k_i (k_i — количество вариантов ответа для i -го вопроса). В случае совпадения, т.е. когда $a_i = b_i$, в массив результатов c_i записывается 1, иначе 0.

Рейтинговое значение R оценивается в баллах по формуле

$$R = \frac{L}{N} \cdot \sum_{i=1}^N c_i, \quad (1)$$

где L — максимальное количество баллов по используемой шкале (часто используют 100-балльную систему, но можно 5- или 10-балльную).

Процедура одноуровневого тестирования представлена на рисунке 1 в виде условной логической схемы.

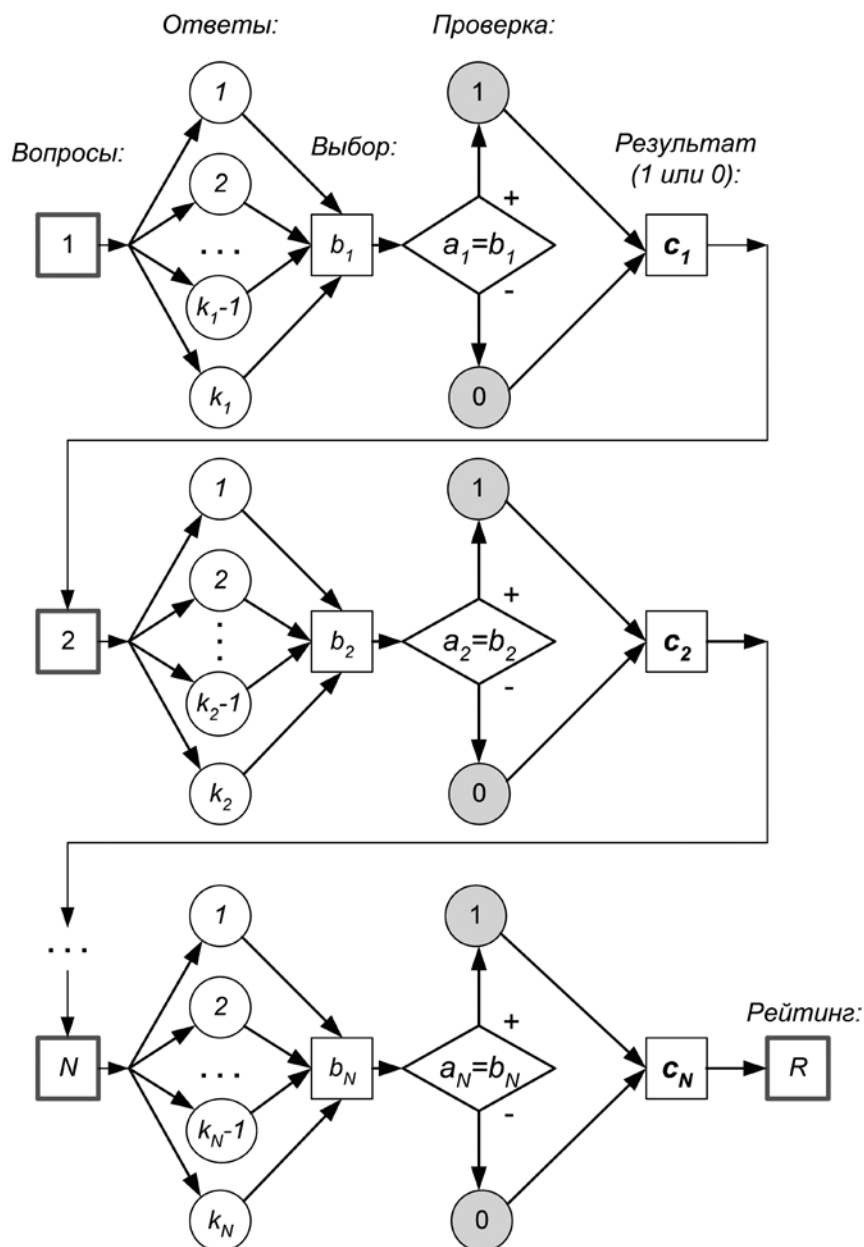

Рисунок 1 — Схема одноуровневого тестирования

Освоение дисциплины направлено на формирование общекультурных и профессиональных компетенций. В действующих стандартах используются следующие сокращения:

ОК — общекультурные компетенции (приводятся коды компетенций по п. 5.1 ФГОС ВПО, относящиеся к данной дисциплине); ПК — профессиональные компетенции (приводятся коды компетенций по п. 5.2 ФГОС ВПО, относящиеся к данной дисциплине) [5].

Например, компетенции обучающегося, формируемые в результате освоения дисциплины (модуля) математика.

Освоение дисциплины направлено на формирование:

общекультурных компетенций

– способен логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь, владеть навыками ведения дискуссии и полемики (ОК-2);

– способен самостоятельно приобретать и использовать в практической деятельности новые знания и умения, стремится к саморазвитию (ОК-5);

– способен свободно русским языком и одним из иностранных языков на уровне, необ-

ходимом для выполнения профессиональных задач (ОК-9).

обще профессиональных компетенций

– способен применять методы анализа прикладной области на концептуальном, логическом, математическом и алгоритмическом уровнях (ПК-17).

В результате изучения дисциплины обучаемый должен:

Знать:

методы дифференциального и интегрального исчисления; ряды и их сходимость, разложение элементарных функций в ряд; методы решения дифференциальных уравнений первого и второго порядков; методы линейной алгебры и аналитической геометрии; виды и свойства матриц, системы линейных алгебраических уравнений, N -мерное линейное пространство, векторы и линейные операции над ними; о важнейших математических понятиях, на основе которых возможны корректное применение математики в практической деятельности, а также повышение им своей квалификации; освоение свободного владения специальной математической лексикой.

Уметь:

исследовать функции, строить их графики; исследовать ряды на сходимость; решать дифференциальные уравнения; использовать аппарат линейной алгебры и аналитической геометрии; самостоятельно использовать знания в процессе последующего обучения в соответствии с учебными планами подготовки специалистов и практической деятельности на предприятиях; проведение простых математических и экономико-математических расчетов с использованием электронных таблиц.

Владеть:

аппаратом дифференциального и интегрального исчисления, навыками решения дифференциальных уравнений первого и второго порядков; навыками решения задач линейной алгебры и аналитической геометрии; основами математического моделирования и кибернетики; навыками использования математического мышления при решении задач экономического управления; современными техническими средствами, математическими приемами и методами работы.

В соответствии с требованиями ФГОС ВПО по направлению подготовки реализация компетентностного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий.

Следовательно, содержание материала теста должно соответствовать требованиям ФГОС ВПО. Первый уровень — обучаемый должен знать, второй уровень — обучаемый должен уметь, третий уровень — обучаемый должен владеть.

Рассмотрим простой многоуровневый тест [1]. Также как и в предыдущем случае на каждом уровне 1 вариант ответа верный, остальные — нет.

Также задается N вопросов. Верные ответы заложены в программе как двумерный массив номеров правильных ответов a_{ij} ($i=1 \div N$, $j=1 \div M$, M — число уровней вложенности вопросов для каждого i -го вопроса). Номера ответов тестируемого записываются аналогично в массив b_{ij} . В случае совпадения, т. е. когда $a_{ij} = b_{ij}$, в массив результатов c_{ij} записывается 1, иначе 0. Если для i -го вопроса и ответов на каждый вопрос j -го уровня найти $\sum_{j=1}^M c_{ij}$, то в случае нескольких или всех правильных ответов она будет > 1 , а рейтинг по данному i -му вопросу должен быть меньше или равен 1. Для выполнения этого условия введем массив весов g_j , сумма которого по j была бы равна 1, то есть $\sum_{j=1}^M g_j = 1$. Таким образом, для ответов M уровней i -го вопроса будет иметь место неравенство:

$$0 \leq \sum_{j=1}^M g_j \cdot c_{ij} \leq 1. \quad (2)$$

Например, если организовать трехуровневый тест, то разумно принять следующие веса: $g_1=0,6$; $g_2=0,2$; $g_3=0,2$. При правильном ответе только на вопрос 1-го уровня оценка за вопрос будет 0,6 (60 баллов по 100-балльной шкале — соответствует оценке «3» по 5-балльной), на вопрос 1-го и 2-го уровня оценка за вопрос будет 0,8 (80 баллов — соответствует оценке «4») и правильном ответе на все 3 вопроса — будет 1 (100 баллов — соответствует оценке «5»).

Для i -го вопроса для учета в рейтинге будем использовать массив c_{ij} с учетом весов g_j .

Таким образом, общий рейтинг R для многоуровневого тестирования будет вычисляться по формуле

$$R = \frac{L}{N} \cdot \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^M g_j c_{ij}. \quad (3)$$

Очевидно, при количестве уровней $M=1$ и весе $g_j=1$ формула (3) превращается в (1).

Процедура многоуровневого тестирования представлена на рисунке 2 в виде более сложной условной логической схемы. Эта схема позволяет более глубоко проверять знания и более адекватно их оценивать.

Применение комбинированного многоуровневого тестирования, с любыми вариантами (несколько верных ответов, последовательность и соотношение событий и т.д.), может аналогично осуществляться по данной методике, так как ее использование влияет на получение ответа — «истина» или «ложь», а элементы массива c_{ij} равны 1 или 0, в зависимости от правильности или неправильности ответа.

Таким образом, удалось несколько «оживить» существующую методику тестирования, предавая ей большую гибкость в изучении и контроле знаний от общих понятий на первых уровнях к более детальному рассмотрению вопросов на вложенных уровнях.

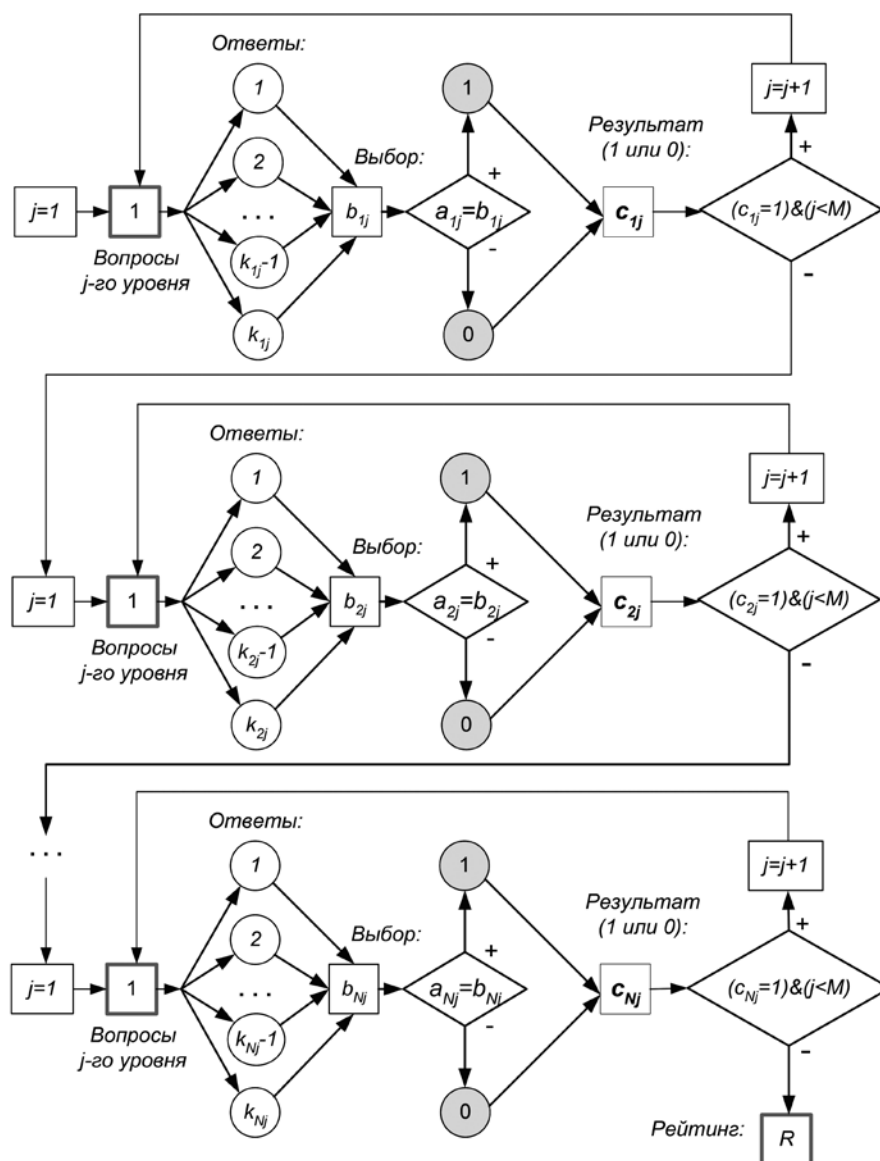

Рисунок 2 — Схема многоуровневого тестирования

Вопрос 1

1 уровень тестирования (знание)

Функция $y = y(x)$ задана в параметрическом виде $\begin{cases} x = 2 \sin^2 t, \\ y = 6 \cos^3 t. \end{cases}$

Тогда производная первого порядка функции $y = y(x)$ по переменной x имеет вид ...

$-\frac{9}{2} \cot t$	$\frac{9}{2} \cot t$	$-\frac{9}{2} \cos t$	$\frac{9 \cos^2 t}{2 \sin t}$	$\frac{2}{9 \cos t}$
1	2	3	4	5

☐ 1)
☐ 2)

Вопрос 2

1 уровень тестирования (знание)

Общий интеграл дифференциального уравнения $(1+x^2) \sin y \cdot y' - x = 0$ имеет вид ...

$2 \cos y + \ln(1+x^2) = C$	$2 \sin y + \ln(1+x^2) = C$	$\cos y + \ln(1+x^2) = C$
1	2	3
$2 \cos y - \ln(1+x^2) = C$		$\left(x + \frac{x^3}{3}\right) \cos y - \frac{x^2}{2} = C$
4		5

Вопрос 13

2 уровень тестирования (умение)

Частное решение дифференциального уравнения $x \cdot y' - y = x \cdot \lg \frac{y}{x}$, удовлетворяющее условию $y(1) = \frac{\pi}{2}$, имеет вид ...

1) $y = x \cdot \arcsin x$	2) $y = \arcsin x$	3) $y = x$	4) $y = x \cdot \arcsin \frac{x}{2}$	5) $y = -x$
----------------------------	--------------------	------------	--------------------------------------	-------------

☐ 1)
☐ 2)

Вопрос 15

2 уровень тестирования (умение)

Приблизженное значение функции $z = f(x, y) = \sqrt{x^2 + y^2}$ в точке $A(2,95; 4,04)$, вычисленное с помощью полного дифференциала, равно ...

1) 5,02	2) 5,062	3) 5,001	4) 5,002	5) 5,032
---------	----------	----------	----------	----------

☐ 1)
☐ 2)

Вопрос 17

2 уровень тестирования (умение)

Площадь фигуры, изображенной на рисунке

равна ...

1) $\frac{22}{3}$	2) $\frac{28}{3}$	3) 6	4) $\frac{13}{3}$	5) 7
-------------------	-------------------	------	-------------------	------

☐ 1)
☐ 2)
☐ 3)
☐ 4)
☐ 5)

Вопрос 19

3 уровень тестирования (владение)

При доходе потребителя, равном $M = 5$ у.е., потребление некоторого блага составляет $X = 30$ ед. Известно, что скорость изменения спроса по доходу равна $\frac{dX}{dM} = \frac{36}{(M+1)^2}$.

Объем спроса при $M = 11$ равен ...

1) 22	2) 36	3) 33	4) 35	5) 44
-------	-------	-------	-------	-------

Вопрос 20

3 уровень тестирования (владение)

Цена p (у.е.) на продукцию линейно падает с увеличением объема x (ед.) предъявления готовой продукции на рынке как $p(x) = 8 - 0,2x$, а затраты C (у.е.) зависят от объема производства как $C(x) = -0,1x^2 + 6x$.

Наибольшее значение прибыли равно ...

1) 10	2) 11	3) 12	4) 13	5) 14
-------	-------	-------	-------	-------

☐ 1)
☐ 2)
☐ 3)

Рисунок 3 — Фрагменты работы программы трехуровневого тестирования по математике на конкретном примере тестирования студентки

Очевидно, применение многоуровневого тестирования позволит более глубоко проверять знания и более адекватно их оценивать.

На рисунке 3 приведен пример тестирования по математике студентки первого курса Халиковой А. Результаты тестирования приведены на рисунке 4.

Программа трехуровневого тестирования легко адаптируется к любой дисциплине. В изменяемую часть программы (специальные ра-

бочие файлы) в текстовом и графическом формате заносится информация для вопросов и ответов. Доступ тестируемых к этой информации невозможен, так как она находится в защищенном администратором сети месте. Обращение к тестируемой дисциплине осуществляется через специальный ярлык на рабочем столе компьютера локальной сети вуза.

Аналогично сформирован модуль программы для трехуровневого тестирования по финан-

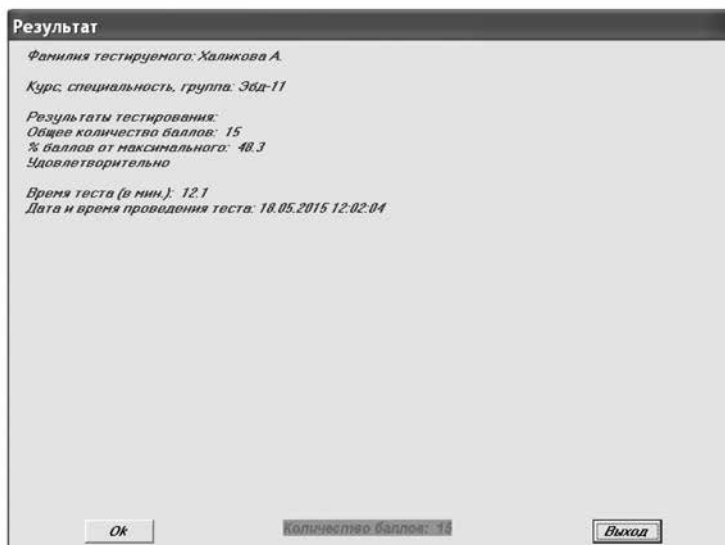

Рисунок 4 — Результаты тестирования студентки

совой математике и внедрен в учебный процесс для более глубокой оценки знаний по предмету.

По итогам тестирования можно сделать вывод: какой раздел усвоен на положительную оценку, на что нужно обратить внимание, ка-

кие ошибки были допущены при решении того или иного задания. Модули можно формировать по дидактическим единицам дисциплины и осуществлять текущий и рубежный контроль знаний студентов.

Литература

- [1] Быстров А.И., Романко В.Г. Как «оживить» тестирование? Методика многоуровневого тестирования // Актуальные проблемы исследования сложных социально-экономических и природных систем: сб. трудов регионального научно-методологического семинара. Т. 2. — М.— Уфа: РИО БИСТ, 2008. — С. 130–138.
- [2] Вейль Г. Математическое мышление. — М.: Наука, 1989. — С. 32.
- [3] Калейчик, М.М. Квалиметрия: учеб. пособие. — М.: МГИУ, 2006. — 200 с.
- [4] Разумов О.С., Благодатских В.А. Системные знания: концепция, методология, практика. — М.: Финансы и статистика, 2006. — 400 с.
- [5] Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 230700 ПРИКЛАДНАЯ ИНФОРМАТИКА (квалификация (степень) «бакалавр» (в ред. Приказа Минобрнауки Российской Федерации от 31.05.2011 № 1975). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97722/2af8d48a2d25706b7640f307d98b7e161119a421/
- [6] Хлебников В.А. Проблемы, симптомы и пути реорганизации ЕГЭ в систему добровольной сертификации // Образование и наука. — 2006. — № 3 (39). — С. 5–16.

ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТАРИИ

УДК 327:929.5

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры социологии и управления
Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета (МАДИ)
e-mail: 89166272569@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ ПОСРЕДСТВОМ МЕТОДОВ ГЕНЕАЛОГИИ

При наличии разных подходов к установлению международных связей первым остается подход, учитывающий имя и происхождение партнера. Широта научных возможностей антропониимики позволяет использовать ее материалы и выводы для анализа роли отдельных персон и фамилий в обеспечении геополитических интересов своих стран.

Ключевые слова: геополитика, генеалогия, антропониимика, фамилии, личные имена.

Обострение геополитической ситуации в современном мире требует расширения научного инструментария геополитики. Несмотря на постоянное обновление исследовательских подходов этой науки, она во многом остается в плену наработок своего классического периода. Сохраняется избыточное влияние методологии постмодерна на оценку стремительно изменяющихся реалий и возникновение новых вызовов. Выходу из методологических тупиков способствует междисциплинарный подход, который предполагает обращение к широкому кругу наук, включающему как естественные, формальные, так социальные и гуманитарные науки. Система геополитических координат, рассматриваемая в рамках гуманитаристики, дополняется смыслами, которые конкретизируют процессы формирования и закрепления геополитических идентичностей. Причем важно обращение не только к базисным гуманитарным наукам, но и тем специальным дисциплинам, которые поставляют ценнейшую информацию для выводов о ходе развития общества.

Закономерно возрождение интереса к истории и исторической науке в совокупности с ее вспомогательными дисциплинами, к которым относятся: дипломатика, генеалогия, геральдика, сфрагистика, историческая метрология, нумизматика и бонистика, хронология, историческая география, ономастика, историческая демография, фалеристика и другие.

У исследователей в сфере геополитики выявилась потребность обобщения и осмысления информации о происхождении, преемстве и родстве родов и фамилий, которые оставили заметный геополитический след, т. е. обращения к аспектам генеалогии. Одним из таких аспектов выступает антропониимический подход, на основе которого принимающие различные формы имена людей, их компоненты, включая личные имена, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы и пр., происхождение, особенности имяназвания входят в систему геополитической аргументации.

Имя человека — ключ к нему, к общению с ним. От того, кто и как пользуется этим ключом, складываются самые разные модели

международного общения. Оно может быть доверительным, а может — враждебным, личным или официальным. Даже при наличии определенного имени, данного от рождения, есть множество возможностей его модификации, например, использование в официальной практике уменьшительных форм имен (Билл Клинтон вместо Уильям Джефферсон Клинтон, Тони Блэр — Энтони Чарльз Линтон Блэр). Мотивы выбора имен позволили одному из крупнейших отечественных ономастов В.А. Никонову разделить имена на три больших класса по их семантическому значению: имена-описания (дескриптивы), имена-пожелания (дезидеративы) и имена-посвящения (меморативы) [9, с. 96–102]. В прошлом имя было еще и социальным знаком, указывающим на статус его носителя. Но оно же могло и предначертать его судьбу. Имя не представляло собой простой набор звуков, оно всегда что-то означало, подтверждая связь между существительным *noten* («имя») и глаголом *nosco* («знаю»), разъясняло, что «называть — значит познавать». В этом, казалось бы, простом и прозрачном подходе, с течением времени накопились пласты сложностей понимания происхождения имени, создающие геополитические легенды.

Одна из таких легенд касается начальной истории Русского государства и призвания князей из-за моря. В «Повести временных лет» содержится рассказ о том, как три брата-конунга были призваны новгородскими славянами с целью прекращения междоусобиц в Новгороде. Согласно этой версии, Рюрик сел в Новгороде, Синеус — в Белоозере, Трувор — в Изборске. Но есть мнение, что Синеуса и Тривора на самом деле не существовало. Известие о них — результат неправильно прочитанного русским летописцем иностранного текста, который сообщает, что Рюрик пришел в землю славян со своим домом и верной дружиной: имя «Синеус» представляет собой искаженное старо-шведское «свой род» (швед. *sinehus*), а «Трувор» — «верная дружина» (швед. *thruvaring*) [1; 12, с. 173–174].

Другая легенда, также основанная на сложностях перевода, связана с именем новгородского монаха XI века, которого называли Упырь Лихой. Доподлинно известно, что он

как каллиграф переписывал «Книгу пророков с толкованием», датированную 1047 годом. Рукопись книги сохранилась в копии XV века. Это позволяет утверждать не только правомерность существования такой фигуры переписчика христианских рукописей, его принадлежность к духовному сословию, но и обладание им имени Упырь Лихой [7]. Есть версии, объясняющие наличие у лица духовного звания столь недуховного имени. Так, шведский исследователь А. Шёберг считал, что «Упырь Лихой» есть русское прочтение имени «*Upir Ofeigr*» (Эпир Неробкий (Нетрусливый)). Это имя носил шведский священник, скорее всего, прибывший в Новгород со свитой Ингегерды, дочери шведского короля Олафа Шётконунга, которого можно считать первым королем Швеции. В 1018 году Шведский король выдал свою дочь за сына Киевского князя Владимира и будущего правителя всея Киевской Руси Ярослава (Мудрого), который княжил тогда в Новгороде. В это время в Новгороде воздвигался Софийский собор, активно строились церкви, писались книги, среди которых — переписанная Упырем Лихим [17].

Уже тогда была нормальной практика переделывать имя иноземца в удобную для произношения форму. Поскольку в русском языке нет имен, начинающихся на букву «Э», то имя «*Upir*» («Эпир») превратилось в «Оупир», а для русского уха стало привычным как «Упырь». Вероятно, в начале XI в. слово «упырь» еще не несло в себе смысла, который стали вкладывать в него позже. Исследователи рунических надписей утверждают, что тогда «*Ofeigr*» как имя означало вовсе не «мужественный», а — «тот, кто остался в избытке». Русское слово «лихой» имеет много значений, среди которых встречаются «чрезмерный, излишний», что очень близко к шведскому слову «*ofeigr*». В результате такого прочтения имени этого каллиграфа он предстает как швед, рунорезец и придворный проповедник, оказавшийся волею судьбы на русской земле в Новгороде. Есть версия, что имя «Упырь Лихой» было дано ему в качестве мирского и должно было защищать от нечистой силы. Но тогда зачем было им подписывать церковные книги? Этот пример позывает, насколько извилистым в прошлом был путь имя наречения, но он отражал

имевшуюся уже в то время извилистость международных связей.

Особый интерес представляет европейский путь от простых антропонимов, состоящих лишь из одного имени, к более сложным, включающим имя собственное (*praenomen*) и прозвище (*cognomen*), от «варварских» — к именам, содержащимся в священных текстах. До середины XVI в., когда Тридентский собор предписал приходским священникам строго увязывать имя крестимого младенца с церковным календарем, выбор имени новорожденного мог быть результатом свободного волеизъявления его близких, прежде всего родителей [16]. Церковные святцы также могли быть источником вдохновения при наречении именем младенца. Кроме церковных установлений выбор имени мог зависеть от моды или традиций наречения, сложившихся в данной местности или социальной группе. Мода на имена мальчиков определялась появлением ратных или же литературных героев, имена девочек могли отражать ботанические изыскания. Под влиянием политических событий имена могли попадать в немилость обществу. В Англии табуируется в общественном сознании имя Оливер, которое, естественно, ассоциировалось с Оливером Кромвелем. После того как в правление Карла II Стюарта тело Кромвеля было извлечено из могилы и вздернуто на виселице, не только память о самом Кромвеле, но и даже его имя связывались со всевозможными несчастьями. Так могли называть лишь мальчика, родившегося в приюте, каким и был маленький герой романа Чарльза Диккенса Оливер Твист. В Германии — имя Адольф, а в Италии — имя Бенито еще достаточно долго после Второй мировой войны напоминали о Гитлере и Муссолини.

Традиция наречения именем проходит через время и пространство, сохраняя связь поколений, обеспечивая безусловное узнавание по одному имени, откуда этот человек и чего можно от него ожидать. Бесконечно так продолжаться не могло. Рано или поздно кипучая энергия должна была перевернуть привычные именословы. Такая энергия удваивалась, если не утраивалась, когда к жажде выделить своего ребенка среди других детей примешивались религиозные чувства. Первые опыты

нового имятворчества под влиянием религиозных перемен были отмечены в пуританской Англии. Обращение к истинной вере, исконным традициям побудило пуритан обратиться к именам из Священного Писания, в первую очередь из Ветхого и Нового Заветов. Это были такие имена, как Сэмюэл (Самуил), Эбрахам (Авраам), Сара, Бенджамин (Вениамин), Дебора (Девора), Инек (Енох). Так как со знанием первоисточников дело обстояло не совсем благополучно, то легендарные носители имени, которое выбирали для младенца, могли оказаться далекими от христианского идеала. Таковой можно считать Далилу, которая предала библейского героя Самсона, но имя Дилайла (*Dalilah*) стало распространенным. В основу имени могло быть положено представление о высоких моральных качествах: Черити (благотворительность), Честити (непорочность), Верити (истина), Мерси (милосердие). Заботливые родители, надеющиеся уже именем обеспечить праведную жизнь ребенка шли еще дальше, называя детей такими именами, которые никак не оставляли простора для малейшего греха: *Everlasting-Mercy* (Бесконечное-Милосердие), *Sorry-for-Sin* (Сожалению-О-Грехе), *Faith-My-Joy* (Вера-Моя-Радость). В некоторых именах прочитывался целый библейский рассказ, например, о том, как Самуил изрубил мечом амаликитского царя Агага — *Hew-Agag-in-pieces-before-the-Lord* (Руби-Агага-На-Куски-Перед-Лицом-Господа). Имя могло звучать как лозунг, призыв, памятка, наставление: Овадия-Закуй-Их-Царей-В-Цепи-И-Их-Вельмож-В-Кандалы (*Obadiah-bind-their-kings-in-chain-and-their-nobles-in-arons*), Божья-Работа (*The-Work-of-God*), Будь-Благодарен (*Be-Thankful*), Борись-За-Добро-Борись-За-Веру (*Fight-the-Good-Fight-of-Faith*), Обуздай-Грех (*Tamesine*), Преуспевай-В-Труде (*Prosper-Thy-Work*), Через-Многие-Испытания-Мы-Войдем-В-Царствие-Небесное (*Through-Much-Tribulations-We-Enter-into-the-Kingdom-of-Heaven*). Такие имена носили сотни или даже тысячи людей, среди которых были и вошедшие в анналы истории. У одного из известных проповедников во времена Кромвеля по фамилии Бэрбоун (*Barebone*) было благочестивое имя Хвали-Бога (*Praise-God*), а его трех братьев звали Бойся-Бога (*Fear-God*),

Иисус-Христос-Пришел-В-Мир-Чтобы-Спасти-Его (*Jesus-Christ-came-into-the-world-to-save*). Из-за длины имени третьему брату Бэрбоуну приходилось иногда подписываться сокращенным именем, которое писалось и звучало странно — «доктор Проклят Бэрбоун» (*Dr. Damned Barebone*). Сына своего проповедник Хвали-Бога Бэрбоун назвал Пока-Иисус-Не-Умер-За-Тебя-Ты-Был-Проклят (*Unless-Jesus-Christ-Had-Died-For-Thee-Thou-Hadst-Been-Damned*). Сын придерживался традиционного подхода к именам, потому позже поменял свое благочестивое имя на обычное — Николас. Если не удавалось изменить официальным путем данное при рождении имя, то часто его произносили на более привычный манер. Например, имена *Tamesine* (Обуздай-Грех) или *Prosper-Thy-Work* (Преуспевай-В-Труде) могли заменяться на Томазину (*Thomasina*) и Проспера (*Prosper*).

Пуританские новации в именах достаточно легко воплощались в жизнь в Англии в силу особенностей английской системы имен, в которой полное имя включает в себя три компонента: первое имя (*firstname, christianname, givenname*), второе имя (*middlename*) и фамилия (*name, surname, lastname*). Свобода творчества при выборе имени в любой из этих частей ограничена, как правило, жизненным опытом и кругом общения того, кто нарекает ребенка конкретным именем. Неудивительно, что в качестве первого или второго имен выбираются имена и фамилии родственников, знаменитостей, литературных героев, исторических деятелей. Трехчленная модель имени в XIX веке распространяется и в США. Второе имя стало обычно выбираться из имен знаменитых людей (в Соединенных Штатах к ним в первую очередь относятся отцы-основатели — Вашингтон, Франклин, Джефферсон и др.), почитаемых родственников, знаковых исторических событий или места рождения. Имя может стать результатом объединения двух других имен. Так как население США формировалось за счет мигрантов, то распространение получили фамильные имена, отражающие набор фамилий первых колонистов с Британских островов, из Германии, Голландии и других европейских государств. Несмотря на то, что имя такого типа связывало сво-

его обладателя с часто почитаемой семьей и заслуженной традицией, его нельзя было не назвать громоздким. Поэтому в полном виде подобное имя, как правило, употреблялось только в письменной форме, а первое или второе имя или оба имени сразу заменяли инициалом, полностью записывая лишь фамилию. Второе имя 33-го президента США Гарри Эса Трумэна (*Harry S. Truman*) было просто инициалом «С» (S), данным в честь имен дедов — по отцу Андерсона Шиппа Трумэна и по матери Соломона Янга.

Аббревиатуры или инициалы становились основой фамилий или брендов. Именно так была образована фамилия выдающегося итальянского ученого и писателя У. Эко, дед которого был подкидышем. И по принятой в то время в Италии практике ему была присвоена фамилия-аббревиатура от *Ex Caelis Oblatus*, то есть «данный небесами» [14, с. 39]. В 1963 году Нью-Йоркский международный аэропорт Айдулайд был переименован в Международный аэропорт имени Дж. Кеннеди. При этом код аэропорта был заменен на сочетание букв *JFK* (по инициалам *John Fitzgerald Kennedy*). Так же трагически погибший от руки убийцы, как и *JFK*, его брат Роберт Фрэнсис Кеннеди, известен по инициалам *РФК (RFK)*. Для первой рекламной кампании тогда еще не популярного дизайнера Томми Хилфигера Джордж Лоис использовал баннер с надписью «Четыре великих американских дизайнера — *RL, CK, PE и TH*». Автор рекламной компании имел в виду дизайнеров — *Ralph Lauren, Calvin Klein, Perry Ellis*. Когда он поставил *TH (Tommy Hilfiger)* в один ряд с такими культовыми фигурами в мире моды, то способствовал успеху компании по всему миру. Некоторые ученые считают, что инициалы отражают элементы жизненного кода человека. Установлено влияние инициалов имени и фамилии человека на его успеваемость в школе и вузе. Хотя далеко не все согласны с тем, что в такой зависимости есть что-то тайное: тех, чья фамилия начинается с первых букв алфавита, учителя чаще вызывают к доске. Потому им приходится постоянно готовить домашнее задание и быть внимательными на уроках. А ведь в этом и есть залог высокой успеваемости.

Имена с отсылкой к фамилиям предков выступают индикаторами социального положе-

ния их носителей. В частности, они указывают на дворянское происхождение, поскольку традиция давать в качестве личных имен фамилии существовала в основном в английских дворянских семьях до начала XIX века. В некоторых странах, например, в Исландии, где каждый житель знает свою родословную почти за тысячелетнюю историю семьи, практика давать фамилии не получила распространения. Ее заменяет употребление личных имен, первое из которых и есть личное имя, а второе, как раз напоминающее фамилию, будет указывать на то, что он приходится сыном того-то. 10 ноября 1913 г. альтинг, исландский парламент, издал закон, исключавший принятие исландцами фамилий. Фамилию могли носить лишь иностранцы-иммигранты, а также те исландцы, их жены и потомки, которые по каким-либо причинам получили фамилию до начала XX века. Закон от 27 июня 1925 г., вернувшись к этой теме, жестко установил следующее: «1. Каждый человек должен называться каким-либо исландским именем либо двумя именами (...) 2. Никто не должен брать себе фамилию в нашей стране» [8]. Это отразило традицию исландцев, согласно которой все они принадлежат к одной большой семье. Действительно, в небольшой стране, где большинство людей знают друг друга, многие отношения между людьми можно охарактеризовать как семейные, поэтому даже обращение на «Вы» свидетельствует о неприязненных отношениях.

Опыт Исландии является уникальным. В большинстве же государств традиция давать имена зависела от множества изменяющихся обстоятельств, в том числе от моды. В XIX веке в англоязычных странах мода на имена сделала очередной поворот, отразивший не только стремление родителей связать именем судьбу ребенка с чем-то прекрасным в природе (цветком, драгоценным камнем или месяцем, когда расцветает природа), но и с более широким миром. Появление в именослове имен зарубежного происхождения стало признаком возросшей мобильности людей или их романтического отношения к культуре других стран. В англоязычном именослове по обе стороны Атлантики появились французские, испанские и итальянские жен-

ские имена: *Jacqueline, Michelle, Anita, Angela* и *Angelina*. Внешнее подобие иностранному имени стала придавать оригинальность его написания: *Alivia* вместо *Olivia*, *Alysha* вместо *Alicia*, *Abigayle* вместо *Abigail*.

Романтизм мог иметь патриотический оттенок. Получение девочками «цветочных» имен в США связано с тем, что каждый американский штат стремился закрепить свою идентичность, которая в числе других знаков его отличия от других штатов включала определенный цветок. В Айове и Джорджии — это роза, в Северной Каролине — маргаритка, а в Южной Каролине — жасмин. Получение девочкой имени согласно цветку, присвоенному штату, в котором она родилась или с которым ассоциируется история ее семьи, вошло в широкую практику. Рамки подобного творчества в англоязычных странах становились все шире. В итоге практически любое слово или словосочетание могло стать именем ребенка, что отражало увлечения родителей или уровень их образования, а также образования работников органов регистрации. Имя бывшего госсекретаря США Кондолизы Райс появилось в результате того, что ее родителям понравился музыкальный термин *condolcezza* (произносится «кон дольчецца»), который в переводе с итальянского означает «играть нежно, мягко». Когда девочку решили назвать *Condolcezza*, при заполнении документов произошла ошибка — перепутали вторую букву «с» с буквой «е». Получилось новое имя *Condoleezza*. Сохранение практики внесения географической компоненты в имени подтвердили Дэвид и Виктория Бэкхемы, назвав сына Бруклином в честь района Нью-Йорка, в котором мальчик появился на свет.

Несмотря на то, что в каждой культуре сложились собственные традиции имятворчества, можно считать закономерностью влияние на состав именослова и характер присвоения имени крупных социальных событий — революций, войн, судьбоносных научных и технических открытий. Это влияние зависит от исторических и политических условий, от идеологического фона, на котором разворачивается процесс смены стилей в наречении рожденных детей или переименовании взрослых. В такие периоды именослов отдаляется от при-

роды, ее символов, звучащих в личных именах, а там, где такое соприкосновение присутствует, человек пытается утвердить свое господствующее положение по отношению к природе. В качестве иллюстрации можно обратиться к периоду российской истории имянаречения, начинающемуся после 1917 года. Новая власть не могла смотреть спокойно на старый именослов, в котором доминировали имена, связанные с церковным календарем. Это не соответствовало борьбе с религиозными «пережитками», которая стремительно набирала обороты сначала в Советской России, а затем и в СССР. Парадокс состоял в том, что придумать что-то принципиально новое по сравнению с традицией крестин было очень сложно. Поэтому крестины видоизменялись, превращались, например, в «красные крестины» или «октябрины». В торжественной обстановке в присутствии родителей ребенка и их коллег по работе ответственные советские и партийные работники вручали родителям «постановление» о включении новорожденного в число граждан Страны Советов и о наречении его тем именем, которое отражало ценности новой эпохи [13, 18]. К числу сторонников введения это обряда принадлежал Всероссийский староста М.И. Калинин. В Украине такой обряд получил название «звездины», а одним из его зачинателей выступил герой Гражданской войны Г.И. Котовский. «Красные крестины» внедрялись в жизнь советских граждан не очень легко, поэтому газеты освещали большинство из таких событий. К середине 1930-х гг. практика «октябрин» постепенно приживалась, но в ней оставалось много комического, несуразного, что дало основание в 1935 году И. Ильфу и Е. Петрову в «Правде» в фельетоне «Мать» высмеять моменты, касающиеся имянаречения, выходящие за рамки разумного [5]. Новый обряд вызывал немало размышлений о том, может ли человек измениться, если он не просто прикасается к таинству, в данном случае — таинству крещения, а становится соучастником такого творения. Причем, размышления эти даже передавались по наследству детям тех, кто проходил «октябрины», о чем в семейной хронике «Упраздненный театр» размышлял Б. Окуджава, когда узнал как «октябрили» его отца [11].

Для расшифровки смысла нового имени надо было хорошо знать текущий геополитический момент. Тогда становилось понятным, откуда брали свои истоки имена Догнат-Перегнат, Икки (Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала), Ким (Коммунистический Интернационал Молодежи), Мюда (Международный юношеский день), Лагшми-вара (лагерь Шмидта в Арктике), Оттошминальда (Отто Шмидт на льдине), Ремзан (Революция мировая занялась). Поскольку впереди виделась мировая революция, то имена отражали ее идеи и символы. Точно так же как в США в именах прославлялись герои войны за Независимость, в СССР существовали вариации превращения в имена фамилий основоположников марксизма, партийных псевдонимов революционных деятелей. Женские имена, даже если они были традиционными, выбирались в честь выдающихся революционеров: Роза — Розы Люксембург, Клара — Клары Цеткин, Луиза — Луизы Мишель. Имя отражало те свойства, которыми должен обладать строитель будущего общества. Быть идейным, трудолюбивым, мирным, имеющим фантазию, энергичным (Идея, Идеал, Искра, Мир безбрежный, Подъем, Трактор, Труд, Труда, Фантазия, Энергия, Энергина). Освоение мира, появление новых материалов находило отклик в мужских именах, данных по названиям химических элементов, металлов, сплавов (Радий, Гелий, Никель, Торий, Сталий, Сталь), а также средств, которые применялись для их получения и обработки (Горн, Кувалда, Мартен, Электростанция).

Новый смысл приобретали имена, известные из произведений мировой художественной литературы. Только Изольдой девочку называли не по легендарному персонажу средневекового рыцарского романа XII в., а потому, что была «изо льда», т. е. родилась на Севере, Ренатой — не по латинскому прочтению, как «возродившаяся», а по революционному — аббревиатура слов «революция», «наука», «труд + а», имя Гертруда отсылало к трудовому героизму. Но были популярными также имена, которые носили литературные герои (Джемма, Джульетта, Офелия, Аэлита, Дориан), опер (Аида, Виолетта, Травиата). Как правило, это были имена благозвуч-

ные, вписывающиеся в традиционные представления об именах.

С началом Великой Отечественной войны в СССР процесс создания новых имен затормозился. А после войны возникло незначительное влияние имен стран Восточной Европы на пополнение советского именослова (Боян, Бажена, Добрыня, Кристина, Снежана), хотя некоторые из таких имен звучали как древнерусские.

В последние годы в России вновь поднялась волна имятворчества. С этой волной на свет выплеснулись необычные имена новорожденных, чаще всего такие имена дают в семьях, где один из родителей — иностранец [6]. Отразили новые имена и расширение международных связей, в том числе спортивных. Когда сборная России по футболу под руководством Гуса Хиддинка впервые за 20 лет вышла в полуфинал Евро, сразу несколько российских мальчиков получили имя голландского тренера. Называть детей в честь знаменитых спортсменов или тренеров стало повсеместной практикой. Катарская пара дала своей новорожденной дочери, появившейся на свет в день голосования 2 декабря, имя Фифа — по кандидатуре страны-хозяйки чемпионата мира по футболу — в честь Международной федерации футбола (ФИФА), вместо планируемого имени Дана [10]. Таким необычным образом граждане Катара решили отблагодарить футбольных чиновников, отдавших их стране право провести чемпионат в 2022 году. По частоте «футбольных» имен можно заключить, что спорт у людей вызывает больше доверия, чем мировая политика. Известен только один случай, когда во время саммита ОБСЕ в Астане 1 декабря 2010 г. новорожденного мальчика родители назвали Саммит.

Распад когда-то единой и большой страны, строящей коммунизм и создавшей новую историческую общность людей — советский народ, вызвал множество проблем, в том числе в области личных имен. И сейчас в Латвии некоторые русские фамилии при написании смотрятся странно: Отто Шукин становился *Oto Sukins*, Шишкин превращался в *Siskinsa*. Некоторые из русских граждан решили бороться за право носить родную фамилию. Один из таких борцов, Леонид Рейман, дошел до ООН и добился

того, что эта международная организация признала искажение фамилий вмешательством в личную жизнь и обязала Латвию устранить нарушения. Более того, прибалтийская республика должна принять необходимые меры, включая изменения в законодательстве, чтобы схожие нарушения не повторились в будущем [3]. Причем к первому июня 2011 г. правительству необходимо было отчитаться в его выполнении. Однако власти Латвии заметили, что решение ООН носит рекомендательный характер, т. е. игнорировать его нельзя, но и выполнять необязательно. Председатель Конституционного суда Латвии Г. Кутрис отметил, что решение ООН принималось людьми, которые далеки от основ грамматики латышского языка. В Латвии обсуждаются два варианта решения вопроса о написании русских фамилий. Первый: чиновники на министерском уровне должны без лишнего шума разрешить русским использовать свою грамматику в написании имен и фамилий. Второй: привлечь к этому вопросу общественность, депутатов, националистов и потопить решение ООН.

Похожий спор существует между Литвой и Польшей. Только в нем в отличие от Латвии участвовали первые лица двух государств. Трагически погибший в авиакатастрофе глава Польши Л. Качиньский на встречах с литовской коллегой Д. Грибаускайте настаивал, чтобы вопрос написания польских фамилий в Литве был решен. Официальный Вильнюс, ссылаясь на решения Конституционного суда и принятые нормы грамматики литовского языка, не торопился решать этот вопрос. В итоге несколько поляков были вынуждены продолжать борьбу в европейских судах за право написания своих фамилий в оригинале.

Политические изменения в постсоветском мире способствовали увеличению интереса к смене фамилий. Иногда в предвыборной кампании возникают кандидаты-двойники с теми же фамилиями, что и людей, имеющих явные избирательные преимущества. На Украине реальным кандидатом в президенты был зарегистрирован Против всех Василий Васильевич, который до этого сменил фамилию в паспорте. Каждый год имена меняют от 10 до 20 тыс. граждан Украины, причем порой это связано с политической обстанов-

кой в стране: в 2006 году трое мужчин сменили свою фамилию на фамилию Ющенко, появились одна Юлия Тимошенко и один Янукович [15].

У каждого человека есть право взять себе новое имя, если по каким-то причинам прежнее его не устраивает. Для некоторых людей выбор нового имени не просто становится обязанностью, он сопряжен с наиболее ответственным моментом его жизни. Принимают новое имя, уходя в монашество, прощаясь с земными заботами, которые ассоциировались с мирским именем. Принимают новое духовное имя первосвященники при возведении на престол как католической, так и православной церковью. Сразу после избрания на конклаве новый Папа Римский выбирает себе имя и номер, под которыми он будет править. После 1555 года все римские папы меняли имя при вступлении на престол, хотя папа формально делать это не обязан. Выбором нового имени понтифик указывает на свой духовный идеал, о чем, например, говорит выбор имени Франциск в честь Святого Франциска Ассизского кардиналом Хорхе Марио Бергольо в марте 2013 г. при вступлении на Святой Престол.

Часто принимают новое имя монархи. Например, норвежский король Хокон VII, по рождению датский принц Карл (Кристиан Фредерик Карл Георг Вальдемар Аксель) из рода Глюксбургов, принял древнее норвежское имя Хокон в 1905 году при вступлении на престол. Имя было изменено и у его сына, которого вместо Александр стали звать Улаф (впоследствии Улаф V). Такая практика вполне объяснима: новое имя, часто отмеченное в определенных традициях, служит цели поддержания связи с ними в практической политике того человека, который и принимает такое имя.

Геополитический аспект ономастики также связан с прозвищами, в первую очередь известных политических фигур, которые даются им представителями спецслужб. Имре Надь в качестве агента КГБ имел прозвище Сладкий. Секретная служба США, обеспечивая охрану американских государственных деятелей, дает секретные имена охраняемым. Как правило, в отношении действующих президента и первой леди Секретная служ-

ба использует стандартное название ПОТУС (*POTUS, President of the United States*), ФЛОТУС (*FLOTUS, First Lady of the United States*) Барак Обама во время первой президентской кампании получил прозвище Ренегат, у Хилари Клинтон было прозвище Неувядающая, Билла Клинтона называли Орлом, а Джордж Буш-младший имел кодовое имя Бокал. Президента Джимми Картера, который преподавал в воскресной школе, звали Дьяконом. Конечно, такие кодовые имена часто не совпадают ни с характером, ни со сферой интересов охраняемого лица, но взятые в целом они позволяют оценить хотя бы кругозор тех, кто им эти прозвища присвоил.

В отличие от наречения тайным именем, обнаруживается все больше причин как присвоения нового имени или фамилии, так и широкой демонстрации этого действия. Датский художник Кристиан фон Хорнслет раздал жителям Уганды по козлу, овце или свинье с одним единственным условием — принять его фамилию и сфотографироваться. Он утверждал, что главной целью его акции было привлечь внимание к голодающим народам Африки и получить помощь, однако его проект был осужден властями Уганды. После своей поездки в Уганду в 2006 году Хорнслет открыл в Копенгагене выставку, на которой представил 108 фотографий людей, держащих удостоверения личности с новой фамилией «Хорнслет» на фоне красно-желто-черного флага Уганды. Несмотря на то, что представители властей осудили активность Хорнслета, местные жители были благодарны художнику за прибавление домашнего скота и заявили, что готовы взять тысячи новых имен, если кто-нибудь вызовет их из бедности [2].

Можно выделить несколько общих, глобальных тенденций формирования имен в настоящее время, которые отражают возможности с помощью антропоники выявить некоторые особенности становления генеалогических моделей в отдельных геополитических пространствах.

Во-первых, в этой области ярко проявляются последствия международной миграции. Если раньше мигранты стремились и своим именем слиться с населением страны, которая их принимала, то теперь они чаще всего ста-

раются именем подчеркнуть свою национальную, культурную и религиозную идентичность. В США многие иммигранты не хотят, чтобы их фамилия трансформировалась на американский манер. В первую очередь это относится к мексиканцам испано-индейского происхождения, сложные имена и фамилии которых практически не претерпели изменений. По этому же пути сохранения традиционных имен идут молодые афроамериканцы.

Во-вторых, под влиянием информационной революции в самых разных странах родители дают детям имена, связанные с Интернетом и информационными технологиями. Это может быть объяснимо, когда кто-то из родителей работает в сфере IT-технологий. Например, один из вице-президентов Microsoft Бил Симсер назвал свою дочь Виста Авалон — в честь *Windows Vista* и кодового названия *Windows Presentation Foundation — Avalon*. Но чаще всего сказывается погруженность людей в информационное пространство. В начале 2007 г. правительство Китая запретило использовать в именах арабские цифры, иностранные языки и символы, которые не используются в китайском языке. В китайском языке отсутствует алфавит, а слова обозначаются при помощи десятков тысяч сложных иероглифов. Введенный правительством запрет был вызван тем, что в огромном количестве китайских имен используются настолько древние или непонятные иероглифы, что их не могут понять даже компьютеры. Однако родители, решившие дать ребенку имя «@», посчитали, что название символа, которое в английском языке звучит как «эт», похоже на китайское «эй та», что в переводе означает «любим его». Американская семейная пара дала новорожденной девочке имя Хэштег. Этим словом в социальных сетях, в частности в *Twitter*, обозначается метка, которой пользователи снабжают свои записи для облегчения поиска. С помощью хэштега посты в социальных сетях объединяются в различные темы, сам хэштег, как правило, является ссылкой, кликнув по которой, пользователь может увидеть все посты, снабженные этой меткой. О причинах, заставивших родителей дать ребенку столь необычное имя, СМИ не сообщали. В феврале 2011 г. египтянин по

имени Джамаль Ибрагим назвал свою новорожденную дочь в честь *Facebook*. Причиной стали прошедшие незадолго до этого революционные события, участники которых объединялись с помощью популярной социальной сети. В том же году израильская пара назвала своего ребенка «Лайк», как называется отметка в *Facebook*, означающая одобрение.

В-третьих, не исчезла манера отражать в именах острые международные политические проблемы. 18 января 2011 г. Национальным собранием Франции был единогласно принят документ, в котором Франция публично признает, что в 1915 году армяне были подвергнуты геноциду. Когда после решения Национального собрания Франции в Армении в городе Гюмри родился ребенок, то родители нарекли его Саркози в знак благодарности за принятый сенатом Франции закон о геноциде. Таким образом, они решили выразить свою признательность народу Франции и ее президенту Н. Саркози. Защитник американского баскетбольного клуба «Лос-Анджелес Лейкерс» Рон Артест сменил имя на Метта (*Metta*), а фамилию — на Уорлдпис (*World Peace* — Мир во всем мире), чтобы способствовать сплочению молодежи во всем мире, ее вдохновению. Биограф нового борца за мир К. Барнс объяснила выбор имени тем, что это традиционное буддийское слово, обозначающее одновременно любовь и доброту [4].

В-четвертых, чем шире становится социальный и культурный опыт человека, тем больше он имеет материала для творчества, когда необходимо дать имя ребенку, но при этом меньше обращает внимание на недобрую геополитическую память о лицах, в честь которых даются имена. Порой результаты творчества в данной области настораживают власти. Власти Новой Зеландии обеспокоились тем, что все больше родителей дают своим детям чрезмерно экстравагантные или откровенно негативные имена. В связи с этим местные регистраторы актов гражданского состояния составили список имен, которыми нельзя нарекать детей в этой стране. Всего в списке фигурирует более сотни имен. Среди них — Гитлер, Мессия, Люцифер, Судья. Такое имя в будущем может стать причиной получения ребенком серьезной психологи-

ческой травмы. В этой стране в 2008 году стал известен громкий случай наречения ребенка странным именем *Number 16 Bus Shelter* (Автобусная остановка № 16). Под запрет попали имена, состоящие всего из одной буквы или цифры, однако, было дано специальное разрешение на имена *Q* и *J*. Согласно новым новозеландским правилам, имя не может включать больше, чем сто символов. Не разрешено использовать незаслуженные звания и названия как имя: рыцарь, барон, герцог, король, епископ, генерал, судья, судья, господин. Среди не рекомендованных имен: Мессия, 89, Мафия, No Fear, V8. Возможно, странных имен станет меньше, хотя все равно родители, особенно, когда на свет появляются близнецы, используют самые простые ассоциации с брендами, например, сигарет «*Benson*» и «*Hedges*» или вин «*Violence*» и «*Chardonnay*» [19].

В 2014 году в мексиканском штате Сонора принят закон, запрещающий родителям давать детям уничижительные или смешные имена. Причиной названа забота местных властей об избавлении маленьких граждан от насмешек и издевательств окружающих. Запрещенным оказалось 61 имя, среди которых Гитлер, Рембо, Бургер-Кинг, Терминатор, Джеймс Бонд и Бэтмен. Не оценили чиновники и патриотизм родителей, называвших детей Любимой Сонорой или Солнцем Соноры. Кроме того, в «черный список» попали имена Твиттер и Фейсбук.

В-пятых, сложная и запутанная история с выбором имени приводит к тому, что в ряде мест на нашей планете граждане, столкнувшиеся с обязанностью давать имена и регистрировать имена новорожденных, решают резко изменить устоявшиеся процедуры. Новое, как известно, бывает хорошо забытым старым. В Андалузии

в 2004 году атеисты, стремясь вытеснить религию из жизни испанцев, добились разрешения на проведение так называемых гражданских «крещений». И, по сути, они возродили советский обряд «красных крестин». Во время такого ритуала «крещения» над ребенком читаются Европейская конвенция о защите прав человека в версии для детей и некоторые статьи Конституции, а крестные договариваются воспитывать дитя в духе демократических свобод, равенства и мира. Этот обычай распространился в нескольких испанских городах, где во время «гражданских крещений» новорожденному выдается свидетельство, дарятся подарки, например, диск с гимном города, книги о его истории. А затем собравшиеся выпивают по бокалу вина за процветание младенца и местной экономики. Цель вводимого обычая состоит в том, чтобы с самого рождения человек чувствовал себя частью местного сообщества. Может быть, когда все жители, проживающие в этой местности, осознают свою ответственность перед этой землей, перед своими согражданами, наступит эпоха процветания.

Разве не эта же идея счастья и процветания заложена в имени каждого? Когда ребенок получает имя при рождении, окружающим его людям хочется видеть его сильным, успешным, красивым, здоровым, смелым... Никому и никогда не приходило в голову давать имена депрессивного характера — слабый, больной, тусклый, разбитый... Своим именем человек всегда соединялся не только со своей семьей, своим родом, но и с миром, таким, каким видели этот мир те, кто давал ему имя. А вот спектр имен, которым они при этом руководствовались, указывает на несвободу не только от традиций собственной культуры, но и геополитики.

Литература

- [1] Буслаев Ф.И. Запись на списке Толковых пророчеств, изготовленном для Владимира Ярославича // Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. — М.: Унив. тип. — 1861.
- [2] Датский художник вызвал гнев властей Уганды подкупом африканцев [Электронный ресурс]. — URL: <http://president.org.ua/news/news-138248>
- [3] Ермолаева Н. Фамилия довела до суда // Российская газета. — 2010. — 16 дек.
- [4] Звезда НБА Рон Артест сменил фамилию на «Мир во всем мире» // Вести.ru. — 2011. — 17 сент.
- [5] Ильф И., Петров Е. Мать [Электронный ресурс]. — URL: http://read.newlibrary.ru/read/i_ilf_e_petrov/page0/rasskazy_i_feletony.html
- [6] ИТАР-ТАСС. — 2013. — 21 янв.
- [7] Карский Т.Ф. Славянская кирилловская палеография. — Л.: Изд-во АН СССР, 1928. — С. 281.

- [8] Козлов С.Я. Исландские этюды, или Еще одна сага о народе саг // Независимая газета. — 2013. — 13 февр.
- [9] Никонов В.А. Имя и общество. — М.: Наука, 1974.
- [10] Ну и Фифа! // Итоги. — 2010. — № 50.
- [11] Окуджава Б.Ш. Упраздненный театр [Электронный ресурс]. — URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/Okudzhava/okudzhava_teatr.htm
- [12] Пчелов Е.В. Монархи России. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
- [13] Суперанская А.В. Как превратить «Отто Шмидт на льдине» в имя собственное // Независимая газета. — 2012. — 26 дек.
- [14] Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. — Мн.: ПроPILEи, 2000.
- [15] Ученые установили влияние инициалов человека [Электронный ресурс]. — URL: <http://mag.org.ua/news/1342.html>
- [16] Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке. Тридентский собор. — 2-е изд. — М.: Либроком, 2011.
- [17] Шёберг А. Эпир — рунорезец Уппланда и придворный проповедник Новгорода [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1338>
- [18] Ястребов А. Нарекую тебя Буденой... // Московская правда. — 1994. — 28 июня.
- [19] Number 16 Bus Shelter [Электронный ресурс]. — URL: <http://my.cn.opera.com/Zaphira/blog/2012/04/02/number-16-bus-shelter>

УДК 32:297(575.4)

СОЕГОВ Мурадгелди,

доктор филологических наук, профессор,
академик Академии наук Туркменистана,
главный научный сотрудник Национального института
рукописей Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад
e-mail: msoyegov@gmail.com

О «НАРОДНОМ ИСЛАМЕ», СФОРМИРОВАВШЕМСЯ У ТУРКМЕН В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ДРЕВНЕГО ТЕНГРИАНСТВА, И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В статье предпринята попытка обосновать на туркменском языковом и фольклорном примере новый взгляд на формирование так называемого «народного ислама», который по многим параметрам отличается от ортодоксального ислама. По мнению автора, эти отличия отражают те следы и влияния древнего тенгрианства, которые сохранились до настоящего времени в исламе, распространенном среди туркмен.

Ключевые слова: первичная религия, принятие ислама, сохранение древних традиций.

Тенгрианство как религия не только древних тюрков и монголов, а как первое религиозное вероучение народов всей Евразии, в последние десятилетия учеными разных стран все более упорно выдвигается на передний план в качестве основного объекта исследований с целью адекватного научного описания в будущем древней истории этих народов. По мере представленных возможностей мы не так давно ознакомили турецких читателей с достижениями научных разработок русскоязычных ученых, выступив на страницах сентябрьского номера журнала «Türk Dünyası Tarih Kültür Dergisi» (Sayı: 333 Eylül Cilt: 56. İstanbul, 2014 Sayfa: 56–57) за 2014 год с небольшой ознакомительной статьей «Tengricilik», посвященной краткому раскрытию содержания пяти книг таких известных в данной области знаний авторов, какими являются Рафаель Безертинов, Николай Абаев, Нурмагамбет Аюпов и Айына (А.И. Кривошапкин) (их книги изданы в 2006–2012 гг.).

В настоящей работе нами предпринята попытка на туркменском примере раскрыть роль тенгрианства в формировании так называемого «народного ислама» с привлечением некоторых других данных, связанных в той или иной степени с объектом нашего исследования. Однажды председатель ЛДПР, депутат Го-

сударственной Думы России, профессор-востоковед В.В. Жириновский, участвуя в телепередаче «Право на голос», сказал, что при встрече с первым Президентом Туркменистана С.А. Ниязовым (ныне покойным) он узнал из его рассказов о существовании «туркменского ислама» без внешнего воздействия, а именно не подвергшегося вредному влиянию религиозно-экстремистских организаций из арабских и других стран. Это действительно так, хотя большая группа туркменских паломников ежегодно в месяце рамазан совершает хадж в Каабу и другие священные места в Саудовской Аравии.

В речи современных туркмен исконно туркменское слово *Таңры* параллельно с персидским (иранизм) и арабским заимствованиями *Худа(й)* и *Алла(х)* используется для передачи основного религиозного понятия ('Бог'), а его вариант с мягким гласным [е] *Теңри* (Тенгри) в литературном языке и многочисленных туркменских диалектах и говорах не зафиксирован. Эти термины, образуя синонимичный ряд *Таңры/Худа(й)/Алла(х)*, не всегда в живой речи туркмен могут заменять друг друга. Например, устойчивые словосочетания типа *Таңры ялкасын* ('Благодарю', 'Спасибо', досл. 'Да пусть Бог даст тебе благополучие'), *Таңры мыхманы* ('Гость — от Бога'), *Таңры саламы* ('Здоровать-

ся — веление Бога'), *Таңрының берен гүни* ('Каждый Божий день'), *Адам Таңрылы* ('Заядлый подхалим', дословно 'Тот, кто принимает человека-начальника в качества Бога'), как правило, употребляются только со словом *Таңры* в своем составе. Сюда же следует включить и пословицу *Жаны янан Таңрысына гаргар* ('У кого душа горит, тот проклянет своего Бога'). Очень редко в отдельных диалектах (Лебап) вместо *Таңры ялкасын* встречается *Алла ялкасын* в том же значении.

Следует отметить, что в туркменском языке лексема *таңры* полностью утратила свое старое второе значение 'небо', и последнее передается в настоящее время именем прилагательным *гөк* 'синий' (*гөгүң йузи* 'небосвод'), а чаще всего — персидским заимствованием *асман*. Можно предположить, что *гөк* в значении 'небо' стало употребляться из-за метафорического переноса этого значения из словосочетания *гөк теңри/таңры* ('синее небо'). Данные туркменского языка позволяют нам поддерживать мнения тех ученых, которые этимологию *таңры* связывают с лексемой *таң* ('предрассветная мгла в небе', 'рассвет', 'ранее утро'), которая в современном туркменском языке используется с начальным звонким согласным звуком [д]: *Даң атды* ('Рассветало'), *Даң агарды* ('Брезжило', т.е. 'Восточная часть неба стала белее, светлее'). Узбекский ученый Б.Р. Каримов, сравнивая между собой слова *тенгри* и *тенгиз* (туркм. *деңиз* 'море'), допускает возможность появления тенгрианства во времена шумеров и с их участием [5]. Такого взгляда придерживается и казахский ученый Т.К. Алимов [1; 8, с. 56–58].

Понятие 'Бог' наряду с *Таңры/Худа(й)/Алла(х)* передается еще исконно туркменскими словами *Бирибар* ('Тот единственный, который существует'), *Ярадан* ('Создатель'), *Өзи* ('Сам Он', 'Он Сам'), *Ёкаркы* ('Всевышний', дословно 'Тот, кто находится на самом верху'), которые, можно полагать, в древности были эпитетами *Таңры*. Обычно они имеют употребление в составе благо желаний и других устойчивых сочетаний религиозного содержания: *Я Бирибар, өзүң медет беревери* ('О, Единственный, сам окажи помощь'), *Я Ярадан, өзүң говусыны эдевери* ('О, Создатель, сам сделай наилучшее'), *Этжегини Өзи говы билиэндир* ('Сам Он хорошо знает, что

ему делать'), *Барыны Ёкаркы гөрүп дурандыр* ('Все видно Всевышнему') и др.

По мнению российского ученого Л.Н. Гумилева, одного из основателей научного направления о тенгрианстве, образ Тенгри — это солнечный свет [4, с. 85–87; 7, с. 206–214], т.е. Солнце (туркм. *Гүн*) находится в центре данного миропонимания. И неслучайно отдельные исследователи находят общее происхождение тенгрианства (солнцепоклонства) с зороастризмом (огнепоклонством) и связывают генезис первого с древним Тураном (совр. Туркменистаном), а второго — с древним Ираном. Исходя из этого, можно допустить мысль о том, что первичным Богом гуннов (хуннов — предков гёктюрков/огузов/туркмен) служил именно *Гүн* (Солнце), который в последующем стал обозначать их самих *гүн/гунн/хунн*. Обычное значение слова *Гүн* в современном туркменском языке — это 'Солнце' и семантически производный от него 'день'. Небезынтересно будет знать, что слово *гүн* в сочетании с лексемой *ил* ('народ') до сих пор сохранило свое древнее значение 'народ' (т.е. гунны). Вот старая туркменская пословица, пропитанная необычным патриотизмом: *Илим-гүнүм болмаса, Айым-Гүнүм догмасын* ('Если не будет моего народа — гуннов, то пусть не восходят Луна и Солнце, т.е. пусть наступит конец света') [11, с. 58–60].

Второе направление семантического развития слова *Гүн* (Бог) в туркменском языке происходило путем обозначения им смысла 'повседневная жизнь' и 'житье', которых Он (Бог) ежедневно дарит людям. Проследим значение 'житье' в слове *гүн* в следующих фразеологизмах: *гүн гөрмек* ('жить посредством чего-либо'), *гүнүң ағралмак* ('стать жить труднее'), *гүн бермезлик* ('не давать житья'), *гүнүң дүшмек* ('просить материальной помощи для житья у кого-то, временно зависеть от кого-то') и т. п.

Появление в небосводе небесных тел (Солнца, Луны, звезд и планет) и рождение человека (и животных) в туркменском языке обозначаются одним и тем же глаголом *догмак* (появиться в свет, родиться): *Гүн догды* ('Солнце взошло'), *Ай догды* ('Луна взошла'), *Ялдырак догды* ('Звезда Ялдырак появилась на небосводе' т.е. 'Закончилась летняя жаркая пора, и наступает ночная прохлада'). По нашему мнению, эти

два значения, сосредоточенные в одном глаголе (*догмак*) туркменского, турецкого и других тюркских языков, наряду с другими данными свидетельствуют о том, что в древнем тенгрианстве по роли и значению человек приравнивался с Солнцем и другими небесными светилами.

В туркменском языке слово *яш* (*йа:ш*) несет семантику: 1) молодой (*яш йигит* ‘молодой парень’); 2) лет, год (при определении возраста): *Сен нэче яшыңда?* ‘Сколько тебе лет?’, дословно ‘На сколько ты молод?’. От имени *яш* при помощи аффикса *-а(/-е)* образуется глагол *яш-а-мак* ‘жить’ (*яш-а-йыш* ‘жизнь’). Для сравнения: *Сен нэче яшыңда?* (‘Сколько тебе лет?’) в немецком языке будет выглядеть как *Wie alt sind Sie?*, где вместо *яш* присутствует *alt* (‘старый’). Подобную картину можно наблюдать в английском и других европейских языках. Отсюда вытекает вывод: в отличие от немцев (*Wie alt ist das Kind?* ‘Сколько лет этому ребенку?’) и других европейцев древние предки современных туркмен, которые исповедовали тенгрианство, человека до глубокой старости хотели видеть молодым (*Ол 90 яшыңда* ‘Ему 90 лет’). Все эти факты свидетельствуют о глубоком гуманизме тенгрианства, о возвышении человеческого достоинства даже до небес [10, с. 206–214].

В появлении «народной религии» — «народного ислама» — у туркмен после принятия им исламства решающую роль сыграли именно доисламские верования, в частности, тенгрианство. Неслучайно, в своих хикметах — вероучениях великий софийский поэт-мистик, основатель тариката савия Ходжа Ахмет Ясави (XII в.), которые были созданы им для распространения ислама среди широких народных масс, в отличие от персоязычных и арабоязычных богословов (Неджмеддин Кубра, Махмуд Замахшари и др.) Туркменистана того периода, опирался в основном на терминологию и понятия древнего тенгрианства и некоторых других религий, придавая этим туркменским словам и сочетаниям новые, как бы исламские, значения [6, с. 318–319]. Об этом же, хотя и косвенно, говорит тот факт, что мусульманские личные имена не смогли полностью вытеснить из повсеместного употребления традиционные имена. Грозные правители Великой Сельджукской империи туркмен — бра-

тья *Чагры-бег* и *Тугрул-бег*, являясь яростными исполнителями предписаний ислама, вошли в историю человечества своими исконно туркменскими именами, хотя они носили еще арабо-мусульманские имена *Давут* (Давид) и *Мухаммет*. Здесь же отметим, что современные туркменские антропонимы *Таңрыгулы/Худайгулы/Аллагулы* (‘Божий раб’) по своей семантике составляют синонимичный ряд с личным именем *Абдылла* (Абдуллах), заимствованным из арабского языка.

У современных туркмен (Ахал, Мары) в определенной степени находит свое продолжение традиция, согласно которой новорожденного нарекают двумя именами: одним — для записи в официальных документах (обычно арабо-персидское заимствование: *Шамухаммет*, *Мухамметгулы*, *Аманмухаммет* и т. п.) и вторым — для использования дома в повседневном общении среди родственников и близких соседей (обычно исконно туркменское имя: *Гуванч*, *Хангулы*, *Ораз* и т. п.). По другому древнему обычаю туркмены указанных выше регионов после свадьбы в доме свекра невесте дают новое имя, справедливо считая, что семья пополнилась новым членом, и поэтому нарекают ее «своим» именем, которое соответствует внутренним традициям именно этой семьи. Из-за этого иногда встречаются молодые женщины-туркменки, которых разные люди знают под тремя разными именами: одно — официальное (по паспорту); второе — используемое в доме родителей; третье — полученное после замужества. Своими корнями этот обычай также уходит вглубь тысячелетий, к периоду, когда процветало тенгрианство.

Из семейных торжеств туркмен в настоящее время самой пышной является свадьба, которая устраивается по случаю женитьбы сына или выдачи дочери в замужество. Кроме того, торжественно, с устройством более или менее богатой трапезы (*той*) отмечаются *чиле тойы* или *чиледен чыкармак* (‘день исполнения сорока дней новорожденному’), *галпак тойы* (‘день первой стрижки волоса на голове ребенка, которую производит его дядя — брат матери’), *сүннет тойы* (‘день совершения обряда обрезания у мальчиков обычно при достижении семи лет’), *ак гоюн тойы* или *пыгамбер яшы* (‘день, отмечаемый по случаю достиже-

ния 63-летнего возраста') и другие. Эти и другие торжества своими корнями уходят вглубь веков, а многие из них возникли еще в доисламские периоды.

О привязанности туркмен к семейному очагу и традициям, существующим в семье, свидетельствуют пословицы и поговорки следующего содержания: *Илиң ханы-да болсам, өз өйүмиң гулудырын* 'Являясь ханом народа, остаюсь рабом своей семьи' и *Мыхман атаңдан улы, чагаңдан кичи* 'Гость (твой) выше твоего отца, но ниже твоего дитя'.

У туркмен остается сильной вера в *язгыт* ('предписание судьбы'), которую исторически следует связывать с появлением в глубокой древности первых, не дошедших до нас надписей религиозного содержания. Имя существительное *язгыт* образовано от глагола *язмак* ('писать', 'написать'), отсюда и *маңлайыңа язылмак* ('быть написанным во лбу', т. е. 'то, что ждет тебя в будущем', 'фатально неизбежное'). Туркмены старшего поколения, когда сообщают им о безвременной или трагической кончине кого-либо, для утешения себя и окружающих обычно говорят: *Нэтжек-дә, гөргүлиниң язгыды шейледир-дә* 'Что поделаешь, таково, наверное, предрешение' (досл. 'запись судьбы покойного'). Устойчивые высказывания типа *Маңлайыңа языландан гачып гутулма ёк* ('Не убежишь от того, что записано в своем лбу'), *Маңлайымыза нәме язылан болса, гөрүбермели боларыс* ('Нам придется пережить то, что записано в нашем лбу') обычно используются тогда, когда над людьми нависла смертельная опасность, а также при неясности сложившихся сложных жизненных обстоятельств. Следует также отметить, что национальному духу и менталитету туркмен были и остаются более близкими традиции ясавия, накшбендия и некоторых других тарикатов, нежели каноны ортодоксального ислама. Ибо эти тарикаты заимствовали и впитывали в себя часть древних положений тенгрианства и некоторых других религий туркмен. При героической обороне Геоктепинской крепости в 1879 и 1881 гг. от регулярной армии Российской империи ополчением туркмен наряду и Дыкма (Тыкма)-сердаром и Бердимурат-ханом руководили шейхи ордена накшбендия — Курбанмурат-ишан и Керимберди-ишан [9, с. 40–48].

Вопреки запретам ортодоксального ислама туркмены отмечали и по настоящее время отмечают семейные трауры повсеместно и очень многолюдно: третий, седьмой, тридцатый (не везде), сороковой, сотый (не везде) дни и годовщину со дня смерти своих близких, обычно умерших родителей и детей. Эти траурные народные мероприятия проходят под руководством местных мусульманских священников — мулл, которые занимаются чтением соответствующих аятов из Корана.

Другим примером «народного ислама» может служить ежегодное проведение так называемого «Курбан-байрама», т. е. жертвоприношения скота (овец, коров и верблюдов), корни которого уходят не только в историю ислама, но и более древних религий, в том числе тенгрианства. Сюда же примыкает проведение «Худаёлы» или «Садака», которое сопровождается убоим овец и приготовлением из мяса национальных кушаний «дограма» или плова. И в «Курбан-байраме», и в «Худаёлы» («Садака») устраиваются трапезы с большим количеством участников-едоков. Только туркмены среди народов центральноазиатского региона отмечают праздник весеннего равноденствия (Новруз — день Нового года) с устройством катаний на высоких качелях, специально построенных по этому поводу, считая при этом, что туркменский Новруз («Чарва Новрузы») наступает примерно месяцем раньше, чем 21 марта.

Следует особо отметить, что все национальные традиции и обычаи, которые возникли в глубокой древности и имеют свое продолжение среди народа по сей день, в живой речи туркмен обозначаются одним единственным словом *туркменчилик*. Неслучайно многие газеты и журналы Советского Туркменистана двадцатых и тридцатых годов прошлого столетия, находясь на службе оголтелому атеизму, имели специальные рубрики не только под общим названием «Работа обществ безбожников», но еще печатали много материалов под заголовками «Борьба против туркменчилика». По существу, это была борьба против «народного» ислама. Кроме того, на службу по достижению поставленной цели была поставлена вся мощь карательных органов существовавшего тогда режима. Но изжить туркменчилик, который возник в древности на основе тенгрианства,

когда существует туркменский народ со своим языком и менталитетом, практически не возможно.

Все это подтверждается еще следующими утверждениями академика АН Венгрии, профессора Будапештского университета, Армения Вамбери (1832–1913), побывавшего среди населения сначала Западной и Северной Туркмении, а затем и Восточной ее части во время своего рискованного путешествия в Бухару и Хиву, предпринятого им в 1863 году: «У обитателей пустынь есть владыка древний, могучий, незримый для них самих — это деб (нрав, обычай). Строго держится туркмен того, что повелевает деб, и без оглядки бежит того, что он запрещает. Рядом с дебом, в известных случаях, стоит также и религия, но она далеко не оказывает того явления, которое ей приписывает, хотя и перенесена сюда из фанатической Бухары... Ислам не только у туркмен, но и вообще у всех кочевников Средней Азии изменил только форму старой религии (т. е. тенгрианства — М.С.): чем для них прежде были солнце, огонь и другие явления природы, тем стали теперь Аллах и Магамет, внутренняя жизнь осталась не тронутой, и кочевник теперь тот же, каким он был 2000 лет тому назад» [3, с. 270–271].

В заключение хочется констатировать, что путем анализа глубинных пластов внутриязыковой семантики можно выявить ряд существенных философских и логических положений, на основе которых происходили процессы становления и развития туркменского языка (и других тюркских языков) в древности, еще в дописьменные периоды их истории. Философские и логические основы каждого языка или группы языков появились и изменились в зависимости от миропонимания и культуры их носителей.

Тем не менее, основополагающие, фундаментальные положения для каждой группы языков остаются неизблемыми и характеризуют их философскую и логическую самобытность. Именно подобный подход к каждому современному и древнему языку алтайской семьи языков, носители которых исповедовали тенгрианство, поможет восстановить в будущем целостную систему и богатую историю этой самой древней религии человечества.

По мнению известного татарского ученого-историка и писателя Р.Н. Безертинова, на фоне смуты и хаоса, охвативших Китай в V в. до н. э., Конфуций обращался к народу с призывом сохранить божественную концепцию Неба (т. е. тенгрианства — М.С.), пришедшую к китайцам из среднеазиатских степей, для спасения государственности Китая. Поэтому неслучайно обозначение пяти основных элементов у Конфуция имеет аналогию с тюркскими названиями: две энергетические частицы — *инь* ('материнское начало') и *ян* ('божественное горение'), наиболее часто упоминаемые в конфуцианстве, сравнимы с татарскими словами *яну* (туркм. *янмак* 'гореть') и *инай* (туркм. *эне* 'мать') [2]. Это является еще одним подтверждением необходимости дальнейших глубоких лингвистических исследований по алтаистике с целью выяснения многих вопросов истории тенгрианства.

В конце отметим, что на основе фактических данных, использованных в данной статье, ранее нами был подготовлен доклад для IV Международной научно-практической конференции «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность» (9–10 октября 2013 года г. Улан-Батор, Монголия), материалы которой затем изданы в виде отдельного сборника [12].

Литература

- [1] Алимов Т.К. Тенгрианство — как своеобразный тип культуры: тенденции и противоречия развития в современном понимании [Электронный ресурс]. — URL: <http://tengrifund.ru/konferencii/2-aya-konferenciya/tengriantstvo-kak-svoeobraznyj-tip-kultury-tendencii-i-protivorechiya-razvitiya-v-sovremennom-ponimanii/>
- [2] Безертинов Р.Н. Тэнгре — не чужой бог. Мировоззрение, служившее основой побед древних тюрков [Электронный ресурс]. — URL: <http://tengrifund.ru/2012/04/tengre-%e2%80%93-ne-chuzhoj-bog-mirovozzrenie-sluzhivshee-osnovoju-pobed-drevnix-tyurkov/>
- [3] Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. — 2-е изд. — М., 1874.
- [4] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М.: АСТ, 2002.
- [5] Каримов Б.Р. Тенгрианство и становление Тюркского мира [Электронный ресурс]. — URL: <http://tengrifund.ru/konferencii/2-aya-konferenciya/tengriantstvo-i-stanovlenie-tyurkskogo-mira/>

[6] Соегов М. Выражение религиозных понятий посредством традиционных фразеологизмов (на примере произведения Ходжа Ахмета Ясави) // *Hoja Ahmet Yasawy and Sufi Oriental literature. Abstracts of Reports of the International Scientific Conference.* — Ashgabat, 2010.

[7] Соегов М. Некоторые вопросы раннесредневековой этнической истории туркменского народа в свете трудов Л.Н. Гумилева по этнологии (в порядке обсуждения) // Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки, эволюция, проблемы восприятия: мат-лы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева (2–3 октября 2012 г.). — СПб., 2012.

[8] Söyegov M. *Anau Medeniyeti ve Devamı Olarak Sümerler: Tengri/ Dingir 'Sema' Oğulları* // *Kardeşlik Kültür Edebiyat ve Sanat Dergisi. Sayı: 257-258 Mart-Nisan.* — Bağdat/Irak, 2011.

[9] Söyegov M. *Az Bilinen Eski Fotoğraflarda Kısa Tarifleriyle Göktepe Savaşı'nın Kahramanları* // *Тюркология.* — 2013. — № 3-4.

[10] Söyegov M. *Çin Yıllıklarına Göre Birkaç Hunca Sözcük ve Kısa Açıklaması* // *Türk Dünyası Tarih Kültür Dergisi. Sayı: 256 Nisan.* — İstanbul/Türkiye, 2008.

[11] Söyegov M. *Türkmencenin Mantıki Temelleri* // *Türk Dünyası Tarih Kültür Dergisi. Sayı: 260 Ağustos.* — İstanbul/Türkiye, 2008.

[12] URL: <http://tengrifund.ru/tengrianstvo-u-sovremennyx-turkmen.html>

УДК 329.285

СУЛЕЙМАНОВ Тимур Фуатович,

кандидат философских наук, доцент кафедры
общеобразовательных и профессиональных дисциплин
ФГБОУ ВПО «Уфимский институт путей сообщения» (филиал)
ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет путей сообщения»
e-mail: suleymanov1957@mail.ru

КАШАПОВ Урал Абубакирович,

кандидат исторических наук, старший преподаватель секции
«Физическая культура и безопасность жизнедеятельности» ФГБОУ ВПО
«Уфимская государственная академия искусств им. Загира Исмагилова»
e-mail: ural.kashapov.2014@mail.ru

АБДРАФИКОВА Лариса Вячеславовна,

учитель истории и обществознания высшей категории
МБОУ СОШ № 27 Городского округа г. Уфа
e-mail: abdralarissa@gmail.com

АНАРХИЗМ И КОНВЕНЦИОНАЛИЗМ (Часть II)

В данной статье рассматриваются основные идеи и взгляды теоретиков анархизма как политической доктрины, в том числе и новые формы организации общества на основе договора, согласия, т. е. конвенционального права.

Ключевые слова: анархизм, анархия, насилие, государство, право, собственность, власть, этатизм, конвенционализм, справедливость, свобода.

«Анархист отрицает не только существующие законы, но всякую установленную власть вообще; но сущность его осталась та же: анархист, прежде всего, восстает против всякой власти, в какой бы форме она не проявлялась.

П. Кропоткин

Значительный вклад в развитие анархической мысли в России внес П.А. Кропоткин.

Князь Петр Алексеевич Кропоткин родился в 1842 году в Москве. С 1862 до 1867 гг. он был офицером амурских казаков. С 1867 по 1871 гг. он изучал в Петербурге математику; в то же время он был секретарем Географического общества.

В 1872 году Кропоткин ездил в Бельгию и Швейцарию, где присоединился к Интернациональной Ассоциации Рабочих. В том же году он вернулся в Петербург и стал видным членом тайного кружка чайковцев. В 1874 году обще-

ство было раскрыто; Кропоткин был арестован и посажен в тюрьму. Ему удалось, однако, в 1876 году бежать в Англию.

Из Англии в 1877 году он переехал в Швейцарию, откуда был выслен в 1881 году. С того времени он жил попеременно то в Англии, то во Франции. Во Франции он был арестован в 1883 году за принадлежность к тайному обществу и осужден на пять лет тюремного заключения; он отбывал свое наказание до 1886 года, когда был помилован. С того времени Кропоткин жил в Англии, где и умер в 1921 году.

Свои политические взгляды и идеи он изложил в следующих работах: «Анархия, ее философия, ее идеал», «Современная наука и анархизм», «Записки революционера», «Государство и его роль в истории», «Справедливость и нравственность», «Речи бунтовщика», «Анархическая работа во время революции».

По его мнению, «анархизм ведет, следовательно, свое происхождение из созидательной, творческой народной деятельности, которую вырабатывались в прошлом все учреждения общежития, и из протеста, из восстания личности и народов против насаждавшей на эти учреждения, чуждой им силы, того протеста, в котором восставшие стремились дать снова простор творческой народной деятельности, с тем, чтобы она могла проявиться с новою силою для выработки нужных учреждений... Анархизм представляет собой миросозерцание, основанное на современном механическом понимании явлений и охватывающее всю природу, включая в нее жизнь человеческих сообществ и их экономические, политические и нравственные задачи, Его метод исследования — метод точных естественных наук: им должно быть проверено всякое научное заключение. Его стремление — создать синтетическую философию, охватывающую все явления природы, следовательно, и жизнь обществ, не впадая, однако, в ошибки, в которые впали Конт и Спенсер по вышеуказанным причинам» [2, с. 192–193].

Анархизм «представляет собою попытку приложить обобщения, добытые естественно-научным индуктивным методом, к оценке человеческих учреждений и угадать на основании этой оценки дальнейшие шаги человечества на пути свободы, равенства и братства с целью осуществления наибольшей суммы счастья для каждой из единиц человеческого общества» [2, с. 194–195].

В своей работе «Анархия, ее философия, ее идеал» П.А. Кропоткин дает достаточно полное, на его взгляд, пояснение того, что стоит за понятием «анархизм». В первых строках настоящей лекции (так ее назвал) он разрушает довольно устоявшийся взгляд на анархизм, как философию разрушения (который существует и до настоящего времени — *авт.*) и дает, на его взгляд, достаточно точное определение того,

что следует разуметь под ним. Так он пишет: «Многие до сих пор еще думают, что анархизм есть не что иное, как ряд мечтаний о будущем или безосновательное стремление к разрушению всей существующей цивилизации. Этот предрассудок привит нам нашим воспитанием, и для его устранения необходим более подробное обсуждение вопроса, чем то, которое возможно в одной лекции. В самом деле, давно ли — всего несколько лет тому назад — в парижских газетах пресерьезно утверждалось, что единственная философия анархизма — разрушение, а единственный его аргумент — насилие» [8, с. 203]. По его мнению, анархизм это, в первую очередь, «новый способ понимания прошедшей и настоящей жизни обществ и новый взгляд на их будущее...

Анархизм является, таким образом, одной из составных частей нового миросозерцания, и вот почему анархист имеет так много точек соприкосновения с величайшими мыслителями и потомками нашего времени» [8, с. 203]. Анархия в качестве идеала за такое общество, в котором существует гармония в системе общественных отношений. «Перед нами рисуется уже общество, овладевающее всем общественным капиталом, накопленным трудом предыдущих поколений и организующееся так, чтобы употребить этот капитал на пользу всех, не создавая вновь господствующего меньшинства.

В это общество входит бесконечное разнообразие личных способностей, темпераментов и сил, оно никого не исключает из своей среды. Оно даже желает борьбы этих разнообразных сил, так как оно сознает, что эпохи, когда существовавшие разногласия обсуждались свободно и свободно боролись, когда никакая установленная власть не давила на одну из чашек весов, были всегда эпохами величайшего развития человеческого ума» [8, с. 212–213]. И это общество признает «за всеми своими членами одинаковое фактическое право» [8, с. 213]. Это должно быть общество, где бы каждый выполнял сознательно, без страха наказания нормы общественного поведения, опираясь на нравственность, общественный долг.

В своей работе «Коммунизм и анархия» он пишет: «И вот мы утверждаем, что челове-

ство должно освободиться от страха наказания, уничтожив само наказание; и что оно может устроиться на анархических началах, при которых исчезнет страх наказания и даже страх порицания. К этому идеалу мы стремимся» [3, с. 274]. Говоря об обществе свободных людей, он дает свое видение этого понятия и согласно его точке зрения «Свобода есть возможность действовать, не вводя в обсуждение своих поступков боязни общественного наказания (телесного, или страха голода, или даже боязни порицания, если только оно не исходит от друга)» [3, с. 274].

Он подвергает критике существующее экономическое устройство, которое в первую очередь связано с существованием института частной собственности, которое в свою очередь создает условия для того, чтобы эксплуатировать человека и соответственно создает социальную, имущественную, правовую дифференциацию общества, а это не способствует общественному прогрессу. Он пишет: «Проявляется все яснее и яснее (более глубокий)... недостаток существующего порядка. Он заключается в том, что при существовании частной собственности, когда все предметы, нужные для жизни и для производства — земля, жилища, пищевые продукты, орудия труда, — находятся в руках немногих» [8, с. 216]. Он выступает против государства, и в первую очередь, катастрофического роста его бюрократического аппарата — государственных чиновников, которых необходимо содержать. И это при том, что в России миллионы людей живут, не видя самого элементарного, отказывая себе в жизненно необходимом. По его мнению, в России производство в первую очередь отражает лишь потребности тех немногих, кто обладает частной собственностью, властью, но не нацелено на удовлетворение самого необходимого для миллионов, создающих эти материальные ценности. «Дворцов, точно, многовато, а квартир порядочных для рабочих — живет опять-таки по пяти и десяти человек в одной комнате» [8, с. 217] не хватает.

«Одного только действительно производится слишком много — в тысячу раз больше, чем их нужно: это — чиновников. Этих точно фабрикуют слишком, слишком много; только об этом товаре что-то не пишут в ученых книгах.

А между тем — чем не товар! Покупай, кто хочет» [8, с. 217].

Обращаясь к проблеме деятельности правовых институтов государства, он не без оснований считает, что они не только не выполняют возложенные на них функции, но и делают человека, общество лишь хуже, меняют его социальную природу лишь в худшую сторону. Так он пишет: «Неужели вы думаете, что противообщественные поступки в самом деле предотвращаются судьями, тюрьмами и жандармами? Неужели вы не видите, что судья, т. е. человек, одержимый законническим помешательством и вследствие этого всегда жестокий, — что доносчик, шпион, тюремщик, палач, полицейский (а без них как жить судье?) и все подозрительные личности, ютящиеся вокруг судов, в действительности представляют, каждый из них, центр разврата, распространяемого в обществе?» По его мысли, такой институт государства как суд — это, прежде всего, школа жестокости. Он одновременно вопрошает и утверждает: «Разве тюрьма, убивающая в человеке всякую волю и всякую силу характера и заключающая в своих стенах больше пороков, чем в каком бы то ни было другом пункте земного шара, не играла бы всегда роль высшей школы преступления, в зале суда — школы самой гнусной жестокости?» [8, с. 233].

При обвинении анархистов в том, что они лишь за уничтожение государства, за разрушение существующих социальных институтов поясняет, что «когда мы требуем уничтожения государства и всех его органов, мы мечтаем об обществе, состоящем из людей лучших, чем те, которые существуют в действительности. Нет, ответим мы, тысячу раз нет! Мы требуем одного: чтобы эти гнусные государственные учреждения не делали людей худшими, чем они есть!» [8, с. 233]. Из этого следует, что нет и не может быть высоконравственного государственного служащего. Тут будет правильным привести слова Монтескье: «Нравственный, добродетельный государственный служащий есть такое же внутренне противоречие, как целомудренная проститутка, или воздержанный пьяница, или кроткий разбойник» [11, с. 216].

П.А. Кропоткин, вслед за М.А. Бакуниным, также считает, что власть, а она, конечно же,

ассоциируется с теми, кто состоит на службе у государства, портит людей. Еще одно его важное положение заключается в том, что якобы существующая система состоит из трех ветвей (в Европе) наиболее демократична. При ней создается некий баланс между ветвями власти, а следовательно и контроль каждой из них. Он подчеркивает: «Мы далеко не живем в мире видений и не представляем себе людей лучшими, чем они есть на самом деле: наоборот, мы именно видим их такими, какие они есть, а потому и утверждаем, что власть портит даже самых лучших людей и что все эти теории „равновесия власти” и „контроля над правительством” не что иное, как ходячие формулы, придуманные теми, кто стоит у власти, для того, чтоб уверить верховный народ, будто правит именно он. На деле же государством народ никогда не правит. Везде богатые и обученные управляют бедными» [12, с. 216].

В части, касающейся воздействия на поведение человека существующих законов, права и наказания, то они лишь действуют избирательно и никоим образом не способствуют его нравственному совершенствованию. По этому поводу он пишет: «Что касается бессилия судебного наказания, то оно достаточно доказывается тем безобразным положением, в котором находится современное общество, и необходимостью той революции, к которой мы стремимся и неизбежность которой мы все чувствуем» [11, с. 239]. И далее он цитирует Н.А. Некрасова: «Бичуют маленьких воришек для удовольствия больших» [11, с. 239]. Он считает, что, отказавшись от закона и права и связанного с ними наказания и насилия, необходимо, прежде всего, обратить внимание на «нравственное воспитание и широкое применение взаимной поддержки» [12, с. 239]. Будущее общественное устройство — это, прежде всего, согласие на взаимное сотрудничество на принципах нравственности, справедливости, равенства, альтруизма [9, с. 792–841]. Заканчивая рассмотрение взглядов П.А. Кропоткина, необходимо отметить, что его анархизм «менее крайний, более идиллистический, он обосновывается натуралистически и предполагает очень оптимистический взгляд на природу и на человека. Кропоткин верит в естественную склонность к кооперации» [5, с. 655].

Далее мы переходим в нашем рассмотрении русского анархизма к фигуре А.А. Борового, который, являясь одним из его теоретиков, менее всего известен. Он родился в 1876 году. В 1898 году окончил юридический факультет Московского университета, с 1901 года — приват-доцент по административному праву и политической экономии. В 1911 году эмигрировал в Париж, где читал лекции в Свободной школе социальных наук и в эмигрантском рабочем университете. В 1913 году вернулся в Россию, занялся журналистской деятельностью. В начале 1918 г. был военным комиссаром при Главном военном санитарном управлении. В 1918–1923 гг. преподавал в учебных заведениях Москвы. В 1921–1927 гг. — экономист-консультант Московской товарной биржи. Умер в 1935 году.

Свои политические взгляды он изложил в таких работах как: «Анархизм», «Общественные идеалы современного человечества: либерализм, социализм, анархизм...», «История личной свободы во Франции», «Революционное творчество и парламент».

Для него была характерной приверженность к идее свободы человека, свободы от власти закона и каких бы то ни было государственных учреждений.

В своей работе «Анархизм», и в частности в гл. V, которая называется «Анархизм и политика», он высказывает мысль о том, что лишь только анархисты ведут постоянную революционную борьбу против государства и поясняет в чем ее суть. Он пишет: «В чем же заключается эта политическая борьба против государства? Сведенная к ее истинным размерам, это борьба против демократии: парламентаризма и политических партий» [6, с. 81]. Борьба против демократии с ее атрибутами как парламентаризм и политические партии обусловлена тем, что они не соответствуют ее истинному смыслу. На его взгляд «Демократия есть самодержавие народа, народовластие, признание того, что суверенитет — единый неотчуждаемый, неделимый — принадлежит народу.

Идея «народовластия» и сейчас еще общепризнанный идеал радикальной политической мысли.

Но, не говоря уже о более раннем опыте, весь опыт XIX в. указал на тщетность народных

упований на демократию. Народовластие есть фикция.

В реальной государственной жизни действует не народ как таковой, но определенный верховный орган, более или менее удачно представляющий хаос индивидуальных волей, слагающий народ. Государство в лице верховного законодательного органа вытесняет «правлящий народ». Суверенитетом облечен не он, но «орган», отражающий волю сильнейших, фактически, волю господствующего общественного класса» [6, с. 81–82]. «Демократия сулила: полное равенство, отрицание всех привилегий и преимуществ, привлечение всех к управлению страной. Это оказалось несбыточной мечтой. С одной стороны, уже по причинам формального свойства оказалось невозможным сделать народ действительным сувереном. То, что было мыслимо в мобильной общине, технически оказалось не под силу обширному народу. И кучка выборных, далеких подлинной воле народа, стала фактическим сувереном. С другой — суверенная буржуазия сделала все, чтобы обеспечить «свое» самодержавие и защищать его от посягательств беспокойных индивидуальностей, недовольных тем порядком, который был упрочен буржуазным законодательством» [6, с. 82–83]. Парламент, как один из институтов демократии, по его мнению, также далек от того, чтобы представлять интересы широких народных масс. Он пишет: «И на беглом анализе современного парламентаризма мы легко убедимся, что „большинство“, представляющее фикцию народовластия, в действительности, обращается всегда в правящее меньшинство — олигархию» [6, с. 85].

Парламент, по его мнению, «оказался совершенно неспособным, даже в самые блестящие периоды своего существования, защищать реальные, а не фиктивные только интересы трудящегося населения, что народные представители из приказчиков пославших их сюда состоятельных классов неизменно обращались всегда в самодовлеющий тяжелый аппарат, начинавший немедленно жить своей собственной жизнью, чуждой, а иногда и враждебной интересам обманутых доверителей» [6, с. 85]. И далее он приводит аргумент несостоятельности парламента как демократического института. «Осуждая парламентаризм,

анархизм осуждает и тот механизм, который лежит в основе его — механизм политических партий» [6, с. 91]. Политические партии, на его взгляд, таковы: «А) Члены партии, вступая в парламент (центр современной партийной жизни) в сотрудничество с представителями иных враждебных партийных организаций, утрачивают чистоту классового идеала...

В) ...Представительство становится профессией... Представительство в парламенте становится соблазнительной карьерой. Партийные организации наполняются людьми, чуждыми своим классовым происхождением, своим „бытом“, даже своей подлинной „психологией“» [6, с. 92]. Мысль о том, что парламент и представленные в нем от тех или иных политических партий люди живут своей самостоятельной жизнью, не имеющей ничего общего с интересами народа, также высказал известный немецкий социолог, один из отцов основателей элитологии Р. Михельс в своей фундаментальной работе «Социология политических партий в условиях демократии». На наш взгляд, будет вполне уместным привести следующее из названной работы: «Партия — это только средство достижения цели. Если же партия становится самоцелью, с собственными, особыми целями и интересами, то она целенаправленно отделяется от класса, который она представляет.

Неизменный социальный закон состоит в том, что в любом органе сообщества, возникшем под влиянием разделения труда, возникает по мере его консолидации собственный интерес, интерес сам по себе и для себя» [1, с. 191]. Отдельно следует остановиться на его взглядах на право, которому посвящена гл. VII «Анархия и право». Подвергая критике существующее право, как систему нормативно-правовых актов, нацеленных в первую очередь, на ограничение свободы человека, он предлагает заменить их «конвенциональными правилами». И поясняет, что эти правила выражаются «в правилах приличия и нравственности, в требованиях этикета, в формах общественных отношений, в более узком смысле слова, в моде и во многих внешних обычаях, равно как в кодексе рыцарской чести» [6, с. 140]. И далее убеждает, что названные правила более действенны и значимы как для отдельного

человека, так и общества в целом. «Реальная сила конвенциональных правил может быть значительнее силы юридических предписаний. Повиновение им нередко заставляет члена общегития вступить в конфликт с законом. Коренное внутреннее отличие конвенционального правила от юридического предписания заключается в том, что первое имеет значение — „исключительно вследствие согласия, подчиняющегося ему лица, — согласия, быть — может, молчаливого, как это большей частью имеет место в общественной жизни, но всегда вследствие особого согласия”. Вот это право, право, как совокупность конвенциональных правил, обусловленных согласием подчиняющихся им лиц, и есть собственно анархическое право» [6, с. 140]. И это право «не отрицается ни одним из наиболее выдающихся представителей анархистской мысли. Ибо ни самое существование общественной организации, ни ее технический прогресс — невозможны без определенного регулирования общественных отношений» [6, с. 140]. И конечно же, это право, «вовсе не обеспечивает всем и каждому „неограниченной” свободы» [6, с. 140]. Он отдает отчет тому, что это право не разрешает существующее противоречие между интересами отдельно взятой личности и общества, но это право как система конвенциональных правил будет исходить не от государства, т.е. «сверху», а прежде всего от самого народа.

Это анархическое «право» «не будет походить ни на законодательство современного «правового» буржуазного государства, ни на «декреты» социалистической диктатуры. Это «право» не будет вдохновляться идеей растворения личности в целом, коллективе, всех нивелирующем, всех уравнивающим в целях служения «общему благу», придуманному «сверху». Анархическое право не будет изливаться благотельным потоком сверху. Оно не будет — ни изобретенным, ни оторванным, ни самодовлеющим. Оно будет органическим порождением — беспокойного духа, почувствовавшего в себе силу творца и жаждущего своим творческим актом выразить искания свои в реальных доступных человечеству формах.

Содержание этого права — ответственность за свободу свою и свободу других. Как всякое право, оно должно быть защищено» [6, с. 140].

Рассмотрев вышеприведенные идеи и взгляды теоретиков анархизма от У. Годвина до А.А. Борового, необходимо отметить, что анархизм равно как и другие политические концепции устройства общества и государства — либерализм, консерватизм, марксизм и т.д. — поднимает вечные проблемы человеческого бытия. Теоретики анархизма по-своему осуществляют анализ существующей политической действительности, и прежде всего сущности государства, его функций, роли и значения права в системе общественных отношений и, конечно же, собственности. Они поднимают вопросы, связанные с проблемами свободы, насилия, эффективности существующей системы права, основанной на наказании, страхе, о соотношении интересов отдельно взятой личности и общества.

Выступая против насилия, они вместе с тем считают возможным и допустимым его использовать для того, чтобы разрушить существующее государство, при этом не исключая революции, бунта, индивидуального или коллективного террора. «Анархисты хотят революции через народ» [5, с. 654], они хотят освободить человека от насилия насильственным образом. И на это его противоречие Н. Бердяев достаточно точно и полно указывает: «Последовательный и обоснованный анархизм невозможен на почве позитивизма или материализма, а большей частью анархисты оказываются позитивистами и материалистами. В анархизме, как он до сих пор складывался, есть одно разъедающее противоречие: он хочет уничтожить всякое насилие, но в распоряжении своем имеет для этой цели насилие же, он хочет уничтожить всякую власть, но прибегает для этого к власти же, он хочет организовать общество изнутри, из природы личности, а не извне, не из государственно- общественной необходимости, но ничего внутреннего не имеет, вынужден опять прибегать к тому же внешнему» [4, с. 130].

Вслед за Н. Бердяевым и современные исследователи приходят к тому, что воплощение основных положений анархизма утопичны, невозможны в реальной жизни. Но по другим основаниям. Так, например, И.П. Смирнов приводит следующий довод: «...анархист как личность спускается на первые ступени психиз-

ма, его революционность — самая радикальная из всех. Она антропологична. Она требует Я-субъектной перестройки всей социокультурной жизни человека. В силу этого анархистская революционность в крупном масштабе не воплотима в социальной истории» [10, с. 314]. Несмотря на то, что идеалы анархизма не реализуемы в полном объеме (уничтожение государства, права и законов), часть из них актуальны и востребованы, так, например, идея создания гражданских структур, институтов гражданского общества (различные союзы, общества, объединения и т.д.), где граждане урегулируют свои отношения вне государственных установлений и действуют так называемые корпоративные нормы, и члены их исполняют вне всякого насилия, по взаимному согласию [7]. Гражданское общество это то, что предлагалось теоретиками анархизма на смену государству с его аппаратом насилия над отдельно взятой личностью и обществом в целом. Гражданское общество — «это сфера спонтанного самопроявления свободных индивидов и добровольно сформировавшихся

ассоциаций и организаций граждан, которая ограждена необходимыми законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности этих граждан со стороны органов государственной власти» [13, с. 446]. Но это гражданское общество в настоящее время существует наряду с государством, а не вместо него.

Значимость анархизма как политической идеологии несомненна, это попытка объяснения существующего социального порядка и как следствие — предложение изменить его. «Анархизм увидел источник зла в самом начале властвования, какого-то первичного порабощения человека человеку, признал всякую власть безнравственной и заглянул глубже других учений в темную стихию общественных бедствий и несправедливостей» [4, с. 132].

Теория анархизма была нацелена на «порядок в человеческом общежитии» [13, с. 296] и стремилась «к гармонии в общественной жизни, но порядок должен быть не государственный, а иной, и узаконенное насилие должно быть совершенно устранено» [12, с. 296].

Литература

- [1] Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. — М.: Мысль. 1997.
- [2] Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. IV. Политическая мысль России: Вторая половина XIX–XX в. — М.: Мысль. 1997.
- [3] Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. V. Россия конец XIX–XX в. — М.: Мысль, 1999.
- [4] Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. — Изд-е М.В. Пирожкова. — СПб., 1907.
- [5] Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Русская идея. — М.: ЭКСМО; СПб.: Мидгард, 2005.
- [6] Боровой А.А. Анархизм / вступ. ст. П.В. Рябова. — 3 изд-е. — М.: Либроком, 2009 (Размышления об анархизме).
- [7] Командоров И.С. Русский анархизм и совершенствование гражданских структур общества: социально-философская интерпретация: дис. ... канд. филос. наук. — Набережные Челны, 2011.
- [8] Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал // Сочинения. — М.: ЭКСМО, 2004.
- [9] Кропоткин П.А. Нравственные начала анархизма // Анархия, ее философия, ее идеал: соч. — М.: ЭКСМО, 2004.
- [10] Смирнов И.П. Мирская ересь (психоантропологические заметки о философии анархизма) // Человек человеку — философ. СПб.: Алетейя, 1999.
- [11] Толстой Л.Н. Путь жизни. — М.: Республика, 1993.
- [12] Штаммлер Р. Теоретические основания анархизма // Анархизм. Суть анархизма / пер. с нем. Б. Яковенко. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
- [13] 50/50: Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. — М.: Прогресс, 1989.

УДК 32.019.5

БРЕСЛЕР Михаил Григорьевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры
коммерции и предпринимательства
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
e-mail: bremmaster@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

При переходе на новую стадию цивилизационного развития информационное общество характеризуется трансформацией социального пространства, институтов и организаций общества, трансформацией коммуникации в межличностном, межгрупповом общении. Характерное для информационного общества придание информации роли ведущего ресурса изменяет структуру коммуникационных связей, приводит к сочетанию массовой и сетевой коммуникации. При этом в условиях перманентного кризиса информационного общества большое значение принимает такая стратегия как «пропаганда». Классическая стратегия претерпевает изменения в современных условиях. Появляются новые методы создания и распространения сообщения в массовых и социальных медиа. Существенным является и прогноз восприятия сообщения различными сообществами граждан в зависимости от их ценностей. В статье представлены методики создания и распространения сообщения в стратегии «пропаганды», разработанные как на основе анализа личного опыта автора, так и анализа материалов средств массовой информации и социальных медиа.

Ключевые слова: информационное общество, социальная сеть, пропаганда, социальные медиа, симулякр, кризис, сетевое сообщество.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью осмысления трансформации межгрупповой коммуникации в информационном обществе. Переход на новый цивилизационный этап сопровождается изменениями в социальном пространстве информационного общества. В данной статье мы предполагаем раскрыть особенности социально-политической коммуникации, преимущества применения стратегии пропаганды в условиях кризисных ситуаций в информационном обществе, провести анализ и выявить некоторые из механизмов действия технологии пропаганды.

В данной статье представлены результаты анализа материалов социальных и масс-медиа. Мы не стали в рамках данной статьи публиковать результаты анализа, ограничившись лишь выводами об особенностях актуальной социально-политической коммуникации. Также вне рамок данного исследования остал-

ся и подробный исторический экскурс применения метода пропаганды в социально-политической коммуникации на предыдущих этапах цивилизационного развития человеческого общества.

Информационно-телекоммуникационные технологии позволили произвести качественные изменения самой коммуникации. Объект воздействия — общество — получает совершенно новую, субъектную роль. В связи с развитием социальных медиа каждый человек — актер коммуникационного процесса, имеет доступ к созданию и безграничному распространению информации. Образуется сверхмощный информационный поток, из которого человек воспринимает лишь ту часть информации, которая выражена в близком коммуникационном коде получателя. Актеры с большей долей вероятности будут воспринимать, осознавать, распространять ту информацию, которая соответствует их ценностям, мировоззрению, иде-

ям и идеалам, то есть по большей части сформированную в их коммуникационных кодах [10, с. 1389–1393]. Такая информация требует гораздо меньшее по затратам ресурсов на кодирование/декодирование сообщение, а следовательно, гораздо меньшие затраты энергии на отправку и получение сообщения [13, с. 380]. Дифференциация отправителей и получателей информации приводит к образованию сетевых сообществ, то есть в дополнение к массовой приходит сетевая форма коммуникаций [12, с. 15]. Внутри сетевого сообщества воспринимается лишь та информация, которая подтверждает мировоззрение сообщества. Динамика коммуникационных взаимодействий, по мнению ряда авторов, приводит к активизации разнонаправленных социальных процессов, приводящих «общество риска» в перманентное состояние кризиса [1, с. 58–60].

В начале нового тысячелетия, примерно с 2007–2009 годов, в мире начинается глобальный кризис, обусловленный колебаниями восприятия ценности нематериальной части товара. Изначально начавшийся как цепочка неплатежей в финансовой сфере этот кризис был признан глобальным. И хотя причины его были в несовершенстве механизмов финансового регулирования в США, последствия, особенно в России, стали крайне неблагоприятными. С 2014 года мы вновь наблюдаем кризисные явления в экономической и социальной сферах, обусловленные уже политическими причинами. Можно предположить, что такие явления станут обычными в нашей жизни. Наступления экономического, политического, социального кризисов активизируют коммуникационные процессы в межличностном и межгрупповом общении, что открывает большие перспективы использования пропаганды как антикризисной стратегии. Во время кризиса снижается «индекс надежды» [11, с. 176], люди хотят простых формулировок и четко обозначенной позиции. Человек стремится к самоидентификации как сторонник/противник тех или иных ценностей, сознательно избегая выбора из различных вариантов. В этот период крайне важен наступательный, активный характер сообщения, созданного в стратегии пропаганды.

Применение стратегии пропаганды в условиях информационного общества отличается от классической пропаганды. Поэтому мы считаем уместным привести здесь краткий исторический экскурс. Первоначально понятие «пропаганда» (от лат. *argoros*) было связано с прозеолитической деятельностью еще во времена раннего средневековья. С развитием товарно-денежных отношений, а более в индустриальную эпоху, пропаганда становится синонимом рекламы как таковой, так как наиболее полно соответствует культуре массового производства и потребления. Автор теории пропаганды Герберт Лассуэл [4, с. 15] считал возможным манипулировать символами для управления политической коммуникацией. Массовое производство породило массовую культуру, всеобщую стандартизацию символов. В представлении Лассуэла и других видных авторов индустриальной эпохи, например, Г.М. Маклюэна [8], обществом можно управлять путем распространения стандартных символов на «среднего человека», используя глобальные средства массовой информации. Однако уже к 60-м годам XX в. стало формироваться информационное общество с децентрализацией, фрагментацией, производства, культуры, организаций и институтов общества [3, с. 23–35].

Символ стал частью коммуникационного кода. Понимание «символа» усложнилось за счет введения понятия «симулякр». Теоретический конструкт «симулякра» Ж. Бодрийяра, выдвинутый автором в 60–70-х годах XX в., получил свое воплощение в информационном обществе. Любой предмет или действие в реальном мире воспринимается тождественно с образом образа, симулякром этого предмета или действия [6, с. 40]. Для члена сетевого сообщества симулякр осознается наравне с самой материальной вещью. При размывании стандартной символики стратегия классической пропаганды как стратегия коммуникации признается неэффективной, так как не предполагает дифференцированное воздействие на различные социальные группы и сообщества. Однако с наступлением нового тысячелетия мы видим предпосылки для успешного использования пропаганды, конечно, с учетом ее адаптации к новым условиям. Период перехода на новый

этап цивилизационного развития от общества индустриального к обществу информационно-многомного сопровождается множественными кризисными явлениями, связанными со структурными трансформациями глобального человеческого общества. Пропаганда, которая и ранее была рассчитана преимущественно на сторонников идеи, становится формой коммуникации между сторонниками.

В информационном обществе стратегия пропаганды становится инструментом построения коммуникации в сообществе активных акторов — сторонников идеи. При этом большая часть членов сообщества занимают пассивную позицию «читателей». Меньшая часть — активную позицию «авторов» — генерирующих информационный продукт и «комментаторов» — этот продукт распространяющий [2]. «Читатели» сообщества в целом разделяют ценности «авторов», но мнение «авторов» по ряду вопросов может не совпадать с мнением части «читателей», что последние могут высказать в иных сообществах, где они играют активную социальную роль. Этим приемом пользуются при необходимости увеличить число и плотность коммуникационных связей в данном сообществе. Распространение информации путем размещения в других сообществах в таком случае становится поводом для дискуссий и активного взаимодействия сторонников/противников основного сообщения в материале. Важно соблюдать взаимосвязь между социальными медиа и масс-медиа. Доверие сторонников идеи к сообщению растет по мере распространения в различных медиа. В том числе и при публикации у противников идеи.

Новые принципы пропаганды не отменяют классических, но применяются с учетом специфики информационного общества. В кризисный период происходит контрастное разделение мира на мы/они и снижается потребность в позиционировании. Люди сами стремятся выбрать сторону «мы», дающую уверенность в безопасности и/или в причастности к правому делу. Поэтому сторона «мы» уже является символом «добра и света», как и в классической пропаганде без каких-либо аргументов. Стандартные символы применяются в контексте коммуникационного кода с необходимым для продвижения идеи содержанием [5, с. 38].

При этом обе стороны конфликта могут обозначать своих противников одним и тем же негативным символом и себя — одним и тем же позитивным символом. Такое парадоксальное восприятие окружающего мира широко используется для составления материалов, которые «разоблачают» противников, уличая их в «искажении фактов». Как правило, «разоблачения» отражают лишь Dooble Beobachtung — наблюдение наблюдателей в терминологии Н. Лумана [7]. Аргументация в данном случае отражает ценности, мировоззрения, идеи и идеалы сторонников автора. Касается ли этот факт актуальных или исторических событий? Восприятие исторических событий в информационном обществе несколько иное, чем на предыдущих этапах цивилизационного развития человеческого общества. Раннее восприятие исторического события подкреплялось или разрушалось некими аргументами или фактами, позволяющими так или иначе его интерпретировать. В информационном обществе воспринимается симулякр события. Восприятие аргументов и фактов тесно связано с ценностями человека и сообщества, с которым человек себя идентифицирует. Это объясняет значительную эффективность восприятия сообщений, построенных на основе подлинных или фальсифицированных исторических фактах. В данном случае фальсификация не всегда является синонимом лжи. Чаще используются приемы типизации факта или гиперболизация ответственности. В случае типизации факт хулиганства одним сторонником организации конкурента можно распространить на восприятие всех членов этой организации или вообще на всех противников как таковых. В случае гиперболизации ответственности за проступок возлагается на главнокомандующего или лидера организации. Речь идет о символической, нематериальной ответственности, которая в информационном пространстве осознается даже более весомо, нежели материальная (в частности, правовая). Понятно, что аналогичные факты с участием члена сетевого сообщества сторонников воспринимаются диаметрально противоположно. При этом происходит уравнивание «веса» различных информационных продуктов. Для членов сообщества значимость информационных продуктов скорее зависит от близости к участ-

нику сообщества, генерирующего (вносящего) эту информацию, и интенсивности обмена сообщения и обсуждения информации с другими участниками.

Сводимое к символу информационное сообщение воспринимается сообразно ценностям получателя информации и распространяется им среди участников сетевого сообщества с маркерами (комментариями) одобрения или порицания. В информационном обществе парадоксальная максима Оруэлла «Правда есть ложь» [9] приобретает иное значение: «Правда для данного сообщества есть факт, соответствующий ценностям данного сообщества». Конечно, такое состояние возможно лишь при максимальном информационном потоке, где разнонаправленная информация распространяется по сетевому принципу. Искусственное воспрепятствование распространению источников информации противников позволяет до некоторой степени увеличить долю информации, исходящей от сторонников, но при этом теряется качество восприятия. Не найдя антитезы сообщениям, выражающим ценности сторонников, они начинают искать противостояние между источниками информации, ранее воспринимаемым как «наши». Не говоря уже о том, что отграничить общество от нежелательных источников информации при современном развитии информационно-телекоммуникационных технологий маловероятно. Следует отметить, что руководитель института или организации общества, как первичный отправитель сообщения в социально-политической коммуникации, зачастую требует максимально насытить информационное пространство положительными материалами, стремится парировать любой из критических материалов. В условиях информационного общества такие стремления, учитывая сетевой характер распространения информации, удовлетворить крайне трудно. Классическая стратегия пропаганды оперирует арифметическими действиями со стандартными символами. При этом достаточным условием приобрести преимущества над противником считалось и считается в настоящее время количественный перевес символов сторонников над символами противника. Это было верно в индустриальном обществе при главенстве масс-медиа, но в ин-

формационном обществе, как было сказано выше, информация распространяется по сетевому принципу, прежде всего, в сетевых сообществах сторонников идеи. Необходимо достижение качественного преимущества, то есть не только увеличение численного роста числа сторонников, но и качества и количества коммуникационных связей в сообществах сторонников. Прежде всего, среди активных участников с высоким социальным капиталом. Такое преимущество позволяет донести до большинства членов общества свою точку зрения и воздействовать на принятие решений. Для наиболее эффективного распространения информации, роста доверия к ней важна также и последовательность появления сообщения на различных типах медиа. Вследствие указанной выше особенности распространения, осознания и трансформации информации различными сообществами следует придерживаться последовательности размещения информации. Так для повышения доверия к «сенсации» предпочтительно изначально материал разместить на страницах «очевидцев» в социальных сетях. Это могут быть съемки с видеорегистраторов автомобилей, камер наблюдения, фото со смартфонов. Следующий шаг — распространение этой информации на страницах социальных сетей официальных лиц и/или популярных медиаперсон. После чего информация публикуется на новостных интернет-порталах, которые можно считать пограничным ресурсом между масс-медиа и социальным медиа. Только после этого возможно появление информации на крупных телевизионных каналах. В этом случае зритель увидит видеоматериал, дающий дополнительную информацию к уже полученной, осознанной и трансформированной в его сознании. Идентифицированный и оцененный по признаку «мы/они», материал становится поводом для дискуссий в социальных сетях. Если данная информация признается существенной для сообщества сторонников (заказчика), ее можно далее продвигать в дискуссионных телепередачах, аналитических обзорах etc. Именно такая смешанная модель позволяет избежать обвинений противников в искажении информации либо заставить их потратить ресурсы на «разоблачение». К сожалению, зачастую ведущие информационные

ресурсы пытаются представить информацию как некий «эксклюзив», забывая, что время, когда возможность воздействия на получателей информации была только у телеканала (крупной газеты), давно минули. Любое высказывание популярного телекомментатора становится объектом критики в сообществе противников. Тем более, если из-за технической ошибки у зрителей возникли сомнения в достоверности информации, а поскольку источник информации в данном случае единственный, то совокупный информационный ресурс социальных медиапротивников сведет ожидаемый эффект от распространения эксклюзивной информации на противоположный. Обмен аргументами/контраргументами сторонников/противников является естественной

формой коммуникации между сторонниками/противниками. В некоторой степени в информационном обществе идет перманентная «информационная война» с некоторым усилением в период кризиса.

Переход на новую стадию цивилизационного развития характеризуется, в том числе, усилением динамики информационного обмена, качественного и количественного изменения коммуникационных связей в межличностной и межгрупповой коммуникации. Мы считаем, что в данной ситуации большое значение приобретает комплексное изучение особенностей применения различных методик создания и распространения информационных сообщений, а также их апробирование в режиме реального времени.

Литература

- [1] Бек У. Общество риска. На пути к новому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
- [2] Бреслер М.Г. Теренин И. Социально-философские аспекты кластерно-сетевого анализа // Электронный научный журнал Nauka-Rastudent.ru. — 2014. — № 8 (8). — С. 35. — URL: <http://nauka-rastudent.ru/8/1957/>
- [3] Бреслер М.Г. Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества. — Уфа: РИЦ БашГУ. — 174 с.
- [4] Булкина И.В. Теория политической коммуникации Гарольда Д. Лассуэлла: автореф. дис. ... канд. соц. наук. 22.00.05 Казань, 2000 г.
- [5] Быкова Е.В. Фреймовый подход к интерпретации смысла модульных текстов в массовой коммуникации // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. — 2011. — № 05. — С. 37–40.
- [6] Ильинцева М.В., Бреслер М.Г. Предпосылки использования стиля фэнтези в социальной коммуникации // Электронный научный журнал Nauka-Rastudent.ru. — 2014. — № 11 (11). — С. 40. — URL: <http://nauka-rastudent.ru/11/2153/>
- [7] Луман Н. Реальность масс-медиа / пер. с нем. Ю. Антоновского. — М.: Праксис, 2005. — С. 24.
- [8] Маклюэн Г.М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне / пер. с англ. Летберга. — М.: АСТ: Астрель, 2012. — 219 с.
- [9] Оруэлл Дж. 1984 / пер. с англ. В.П. Голышева. — М.: Прогресс, 1989. — 368 с.
- [10] Петрова Л.Р. Социальная активность субъектов как фактор инновационного развития современного общества // Вестник БашГУ. — 2012. — Т. 17. — № 3. — С. 1389–1393.
- [11] Терновая Л.О., Гайдук В.В. Правовые новации и политическое поведение в свете глобального индекса надежды и отчаяния // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 10 (65). — С. 176–179.
- [12] Шарков Ф.И. Интернет и масс-медиа: локальный дискурс в сетевых и массовых коммуникациях // Коммуникология. — 2014. — Т. 8. — № 6. — С. 15–28.
- [13] Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. — 1948. — Т. 27. — PP. 379–423 [Электронный ресурс]. — URL: <http://plan9.bell-labs.com/cm/ms/what/shannonday/shannon1948.pdf>

УДК 1:339.138

АНГЕЛИ София Сергеевна,*директор колледжа Башкирского института социальных технологий
(филиала) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа,**аспирант 3-го года обучения ФГБОУ ВПО**«Башкирский государственный университет», (г. Уфа)**e-mail: sofi.angeli@mail.ru*

ОСНОВА НЕЙМИНГА В СОВРЕМЕННОМ МАРКЕТИНГЕ

Статья посвящена анализу нейминга с позиции лингвофилософии и философии имени. Выявляются взаимосвязи понятий имени и символа с позиции маркетинга и философии.

Ключевые слова: нейминг, брендинг, философия имени, символ, образ, семонемика, маркетинг, язык.

Дефиниция «нейминг», хотя и используется сегодня в русском языке, однако даже самый опытный маркетолог нередко упускает содержательную сторону этого понятия. Термин «нейминг» образован от английского слова *«name»* — «имя» и предполагает процесс именования в маркетинге и PR, т.е. комплекс работ по созданию названий фирм, товаров, услуг. Любопытно, что первое маркетинговое агентство, предоставляющее услуги по разработке имени брендов, называлось «Лаборатория имени» (англ. *«NameLab»*), а его основателем стала Айра Бахрах — человек, далекий от рекламы и маркетинга. В основу ее разработок были положены методы социальной философии, психологии и структурной лингвистики. Базой творческой деятельности фирмы является создание неологизмов из мельчайших элементов лингвистики — морфем. «Основной отличительной чертой NameLab является опора на научный подход. Манипуляции с морфемами не отрицают креативного подхода и широко распространенный метод «мозгового штурма», но им отводят второстепенную роль, по сравнению с рассудочным анализом» [3]. Существует множество разнообразных методик, применяемых при создании новых имен. Но любая, даже самая упрощенная, методика предполагает научную основу (философскую, лингвистическую, психологическую, культурологическую и т.п.). Отсюда возникают вопро-

сы: по какому принципу должны даваться имена брендам? каковы критерии «правильного» именования?

По мнению специалиста в этой области Фрэнка Делано, президента и главного исполнительного директора фирмы Delano & Young, названия брендов, в первую очередь, должны передавать сущность продуктов, быть уникальными [1]. По нашему мнению, подобное понимание «назначения» имени в рекламе и маркетинге роднит его с философским. Уже с античных времен в рамках философского знания начали формироваться отдельные направления — философия имени и философия языка. Сократ и Платон считали, что имя неразрывно связано с понятием бытия, как античный «мимесирующий» художник обращен к природе, так и имя подражает сущности. «Первоначально даже по своему звучанию слова были похожи на предметы, но затем от исходных слов было образовано столько новых слов, что теперь уже нельзя усмотреть внутреннюю связь между звуком и значением» [2].

Рассмотрим структуру процесса именования в философии и маркетинге. Под именуемым объектом в философии понимается вещь, как отдельный объект, обладающий устойчивыми характеристиками, а в маркетинге — товар, услуга или фирма, что в самом обыденном восприятии и является вещью; под именуемым субъектом — человек или группа людей.

Но для того, чтобы «запустить» процесс «имятворчества» и сделать его рациональным, недостаточно только объекта и субъекта, необходима некая содержательная константа или идея. В философии имени идея рассматривается с позиции универсальной для этого направления методологии — платонизма. Идея — то, что мыслится в понятиях и выражает существо. Так, известный русский религиозный философ П.А. Флоренский, тяготея к сфере лингвофилософии, выделял в имени следующие уровни:

1. Уровень фонемы, на котором имя рассматривается как совокупность звуков, как нечто внешнее и материальное. Для специалистов в области нейминга, к примеру, звучание имени является одной из определяющих характеристик, поскольку посредством звуковых форм можно повлиять на восприятие потребителя, его психоэмоциональное состояние. Так, маркетологи нередко утверждают, что наиболее успешные имена должны начинаться и заканчиваться одной и той же буквой, чтобы создавать красивое, коммерчески успешное звучание.

2. Уровень морфемы — собственно лингвистические характеристики слова и имени: структура, морфология и место в системе частей речи.

3. Уровень семемы, который приближает нас к смыслу и значению именуемого. Имя, по мнению философа, может стать действующей силой, то, что касается имени, касается и именуемого, носителя этого имени.

Таким образом, имя может стать тождественным символу. В символичности имени раскрываются основные семиотические характеристики языка. Язык — это некая реальность особого рода, которую нельзя свести к чистому мышлению или к внешней действительности. Первым действием сознания является отражение, но отражение чаще всего является неким искажением. К примеру, имена героев в художественных произведениях даны не просто так, имя героя — это «ствол» образа, через этот образ, или имя, непостижимая сущность открывается читателю.

Согласно семонемике, в маркетинговой идее процесса конструирования имени заложено два аспекта: *meaning* (смысл) и *impression* (впечатление). Но все-таки боль-

шее предпочтение при создании имени бренда отдается второму понятию. Поэтому, говоря о некоей экспликации нейминга с позиции философии имени, не стоит, на наш взгляд, углубляться в онтологический и гносеологический аспекты, хотя пренебрегать ими также нельзя.

Итак, рассмотрим пример. Одной из наиболее востребованных и высокооплачиваемых сфер во все времена являлась индустрия красоты, но с течением времени изменяются запросы потребителей, также как и меняется форма подачи и предоставления услуг. Сегодня женщина с большей уверенностью пойдет в салон красоты, а не в парикмахерскую и уж вряд ли задумается о том, что уровень услуг в парикмахерской вполне может быть выше и качественнее. Точно так же и мужская часть населения, поддаваясь модным тенденциям, все чаще выбирает барбершопы — современные, свободные от женщин цирюльни. Первые подобные заведения появились в Америке в начале XX века и становились отчасти джентльменскими клубами. Названия популярных российских барбершопов в большей степени ретроспективны («Пижонь», «Франт» и т.п.), и это легко объяснить. Одним из успешных проектов в городе Уфа, по нашему мнению, является барбершоп «Есенин». Модное винтажное название бренда выстраивает в восприятии и представлении человека определенный образ: эпоху, социальную группу, конкретного человека, побуждает войти и погрузиться в атмосферу того времени. Но соответствует ли этот образ содержанию? Поскольку это общественное заведение, то недостаточно оценить лишь качество услуги — стрижки или бритья, важны даже мельчайшие детали — фасад, интерьер, музыка, форма обслуживания, перечень услуг, то есть общая концепция, философия заведения. Мужчина, попадая в такое «специально придуманное для него место», где ему предлагают новые и эксклюзивные услуги, чувствует себя частью элитарной группы, ведь в отличие от любой «примитивной» парикмахерской он может не только выпить «джентльменский» напиток, ожидая своей очереди, но и полистать томики стихов Есенина, обсудить с администратором политику, историю, философию, и барбер — не просто мастер, а старый

приятель. Любопытно, как название бренда влияет на демографический показатель потребителей. Барбершоп «Есенин» преимущественно посещают мужчины зрелого возраста, расположенный же по соседству «Hooligans» выбирают чаще более молодые люди.

Традиционно считают, что философия и маркетинг не имеют точек соприкосновения, но мы приходим к выводу, что процесс создания успешного конкурентоспособного названия должен иметь философскую основу, поскольку недостаточно просто найти красивое или необычное слово в книге или словаре. К сожалению, в России не так много компаний, которые предоставляют услуги нейминга, однако привлекательно то, что некоторые из них рассматривают «имятворчество» как междисциплинарный процесс. Известное российское агентство по брендингу и неймингу PR2BGroup в качестве креативных экспертов приглашает

для работы философов, лингвистов и бренд-менеджеров. Примечательно, что научную базу нейминга в PR2BGroup курирует кафедра философии языка и коммуникаций философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Многие современные нейминговые фирмы оспаривают научный подход при конструировании имен, полагаясь на оригинальность, креатив и творчество опытных маркетологов [4]. Действительно, право на жизнь имеет любой подход, главное, чтобы бренд стал успешным и продаваемым.

Остается надеяться, что бренд-менеджеры вернутся к философскому подходу и новые названия станут не только коммерчески успешными, но сыграют определяющую роль в становлении имиджевой политики фирмы и встанут в один ряд с такими известными и историческими брендами как Nestle, Coca-Cola и т. п.

Литература

- [1] Бойетт Джоз., Бойетт Джим. Гуру маркетинга. — М.: Эксмо, 2004. — 320 с.
- [2] Канке В.А. Философия. — М.: Логос, 2001. — 272 с.
- [3] Энциклопедия брендов BrandReport: история бренда NameLab [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.brandreport.ru/namelab/> (дата обращения 11.11.2015).
- [4] PR2B. PR&Brand: официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: http://www.pr2b.ru/files/001_naming_portfolio.pdf (дата обращения 08.11.2015).

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ БИСТ

ОТКРЫТИЕ УЧЕБНЫХ КУРСОВ ДЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ СОВЕТОВ МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ

29 сентября в Башкирском институте социальных технологий состоялось торжественное открытие учебных курсов для председателей Советов многоквартирных домов по программе «Управление жилищным фондом МКД для Советов домов (домкомов)».

В мероприятии приняли участие министр жилищно-коммунального хозяйства Республики Башкортостан Сергей Иванович Афонин, его заместитель Альфред Закиевич Зинатуллин, председатель Общественного совета при Министерстве ЖКХ РБ Танзиля Алтафовна Нигматуллина, начальник Управления по обеспечению жизнедеятельности города Администрации ГО г. Уфа Андрей Алексан-

дрович Федосов, руководитель регионального Центра общественного контроля в сфере ЖКХ Анатолий Николаевич Дубовский, директор городского Центра общественного контроля в сфере ЖКХ г. Уфы Рим Нигматович Булатов.

Обучение председателей домкомов проходило с 29 сентября по 1 октября 2015 года. Основная задача — подготовка председателей домовых комитетов к грамотному общению с управляющими компаниями и жильцами. Занятия проводили ведущие специалисты и эксперты в области ЖКХ, юристы, специализирующиеся на жилищных вопросах.

В программу были включены такие актуальные вопросы сферы ЖКХ, как основы государственной политики в области реформирования жилищно-коммунального хозяйства России и Республики Башкортостан, правовые, экономические и организационные основы управления многоквартирным домом, эксплуатация и ремонт жилья, основы ценообразования на жилищные услуги и формирование тарифов на услуги по содержанию и ремонту помещений, капитальный ремонт домов.

Организаторами курсов повышения квалификации выступили Башкирский институт социальных технологий, Городской Центр общественного контроля в сфере ЖКХ г. Уфы при поддержке Администрации городского округа г. Уфа Республики Башкортостан, Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Башкортостан, Общественного Совета при Министерстве жилищно-коммунального хозяйства Республики Башкортостан и регионального центра «Национальный центр общественного контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства «ЖКХ Контроль».

СОТРУДНИКИ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ПРОШЛИ ОБУЧЕНИЕ

С 28 по 30 октября 2015 года в Башкирском институте социальных технологий прошли курсы повышения квалификации для сотрудников органов опеки по программе дополнительного профессионального образования «Правовое регулирование деятельности органов опеки и попечительства в Российской Федерации».

30 октября 2015 года состоялось вручение удостоверений о повышении квалификации слушателям курсов повышения квалификации по программе дополнительного профессионального образования «Правовое регулирование деятельности органов опеки и попечительства в Российской Федерации». За время обучения сотрудники органов опеки прослушали лекции по психологии, педагогике и юриспруденции, необходимые для успеш-

ной работы, посетили занятия для приемных родителей.

Следующий набор слушателей состоится в январе 2016 года. Дополнительную информацию вы можете получить по телефону: (347) 248-43-01.

ФОРМИРУЕМ РОДИТЕЛЬСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ ВМЕСТЕ!

30 октября 2015 года в Башкирском институте социальных технологий состоялся восьмой выпуск слушателей курсов подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей. 18 жителей из разных районов Республики Башкортостан получили свидетельства о прохождении подготовки установленного образца.

Основная задача курсов — подготовить семью к приему ребенка. Нередко приемные родители сталкиваются с непростыми вопросами. Наши специалисты дают системные знания, необходимые для успешного и надежного создания новой семьи, помогают будущим замещающим родителям разобраться в своих чувствах и намерениях, оценить свою психологическую готовность, подготовиться морально и практически к приему ребенка в свой дом.

В течение месяца кандидаты в замещающие родители проходили обучение. За это время педагоги, психологи, юристы и специалисты

органов опеки и попечительства дали кандидатам в приемные родители всю необходимую информацию по устройству детей в семью. Слушатели узнали об особенностях развития и поведения детей, оставшихся без попечения родителей, трудностях, с которыми они могут столкнуться в их воспитании, и путях выхода из кризисных ситуаций. Специалисты органов опеки познакомили с различными формами устройства в семью, нормативными актами

и необходимыми документами. Занятия включали в себя не только лекции и практические задания, но и тренинговые упражнения, которые помогли участникам поставить себя на место ребенка, лучше понять его особенности и потребности.

В процессе обучения и индивидуальных консультаций выпускники получили ответы на все волнующие их вопросы: ребенка какого возраста лучше принять в семью, как ребенок будет привыкать к новым для него условиям жизни, какими именно они видят будущего сына или дочь. Они ознакомились с законодательством по вопросам усыновления, установления опеки (попечительства), организации приемной семьи и защите прав ребенка, изучили возрастные особенности развития детей, рассмотрели этапы адаптации ребенка в новой семье.

После обучения состоялась аттестация в форме индивидуального собеседования и демонстрации домашнего задания. Каждая семья подготовила творческое задание, в котором по-своему отразила те ресурсы и источники поддержки, на которые будет опираться в воспитании приемного ребенка. Слушатели отметили, что занятия помогли им по-новому взглянуть на взаимоотношения в своей семье, более осознанно подойти к решению о принятии ребенка. Хочется пожелать каждому выпускнику найти именно того малыша, которому они скажут: «Это наш ребенок!».

Все слушатели вступили в Ассоциацию приемных родителей. Это — свидетельство того, что они заинтересованы в дальнейшем общении, связи с институтом. В рамках дальнейшего сотрудничества и взаимодействия наши специалисты на добровольной и безвозмездной основе будут оказывать родителям и их приемным детям всю необходимую помощь, чтобы адаптационный период прошел гладко и безболезненно. Как показала практика, сами родители, принявшие в семьи детей, охотно делятся своим опытом с «новичками» и активно участвуют в деятельности Ассоциации.

Объявлен набор новой группы слушателей. Дополнительную информацию можно получить по телефону: (347) 248-43-01.

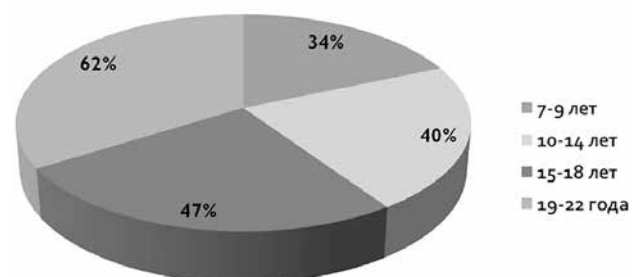
ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ РАБОТЫ ПО ПРОЕКТУ «БЮДЖЕТ ДЛЯ ГРАЖДАН»

С 2014 года Башкирский институт социальных технологий занимается проблемой повышения бюджетной грамотности населения. За это время сделано очень много.

В рамках разработанного институтом социального проекта «Министр финансов» в январе 2015 года проведен мониторинг уровня бюджетной грамотности населения Республики Башкортостан с целью определения уровня бюджетной грамотности населения.

В опросе «Бюджетная грамотность детей и молодежи Республики Башкортостан» приняли участие дети и молодежь в возрасте от 7 до

22 лет. Выявлено, что большинство опрошиваемых не имеют представления о бюджете (как государства, так региона и семьи) и бюджетном процессе.

10 апреля в Башкирском институте социальных технологий прошел финал Республиканского Чемпионата по социальной онлайн игре «ЖЭКА» среди учащихся 5–6 классов общеобразовательных школ Республики Башкортостан, а 14–16 апреля 2015 г. — полуфинал и финал Чемпионата среди учащихся 7–11 классов, студентов ссузов, вузов и пожилых людей.

В рамках Чемпионата более 3 тыс. человек самого разного возраста повысили свою грамотность в сфере энергосбережения, а значит, сэкономили бюджет своей семьи и страны в целом: ведь, экономя электричество, воду, каждый помогает государству снизить потребление этих ресурсов.

С целью показать в доступной и наглядной форме процесс формирования и расходования бюджетных средств на уровне страны, ре-

гиона, муниципалитета и семьи был создан сайт «бюджетдляграждан.рф».

На сайте в доступной и наглядной форме представлены бюджеты, проекты бюджетов всех уровней — федерального, регионального, местного. Сайт способствует проведению информационной кампании и популяризации знаний на всех уровнях — федеральном, региональном, местном — для мотивирования учащихся и взрослого населения научиться понимать общественные бюджеты, принимать активное участие в общественных слушаниях по вопросам бюджетного процесса, и т.д.

В Международной олимпиаде по бюджетной грамотности приняло участие 260 человек из Израиля, Армении, Таджикистана, Казахстана, Германии, Греции, Амурской области, Санкт-Петербурга, Курганской области, Алтай-

ского края, Нижегородской области, Республики Башкортостан.

В сентябре в Башкирском институте социальных технологий были открыты учебные курсы для председателей Советов многоквартирных домов по программе «Управление жилищным фондом МКД для Советов домов (домкомов)». Обучение прошли 62 человека, софинансирование составило порядка 100 000 руб.

Встречи с руководящими работниками министерства финансов, проведение деловой игры «Составь бюджет», различные конкурсы способствовали формированию масштабности мышления, помогли получить информацию о деятельности министерства финансов и его руководителя, получить ответы на интересующие вопросы.

Благодарим всех, кто принял участие в проекте, и желаем дальнейшего успешного продвижения.

ФЕСТИВАЛЬ РАБОЧИХ ПРОФЕССИЙ «ЧЕЛОВЕК ТРУДА»

25 ноября 2015 года в Уфе, на площадке ВДНХ-ЭКСПО, состоялся фестиваль рабочих профессий «Человек труда». В фестивале приняли участие тысячи школьников и студентов из г. Уфы и близлежащих районов республики, представители органов государственной и муниципальной власти Башкортостана, крупнейшие промышленные компании региона, профсоюзные организации, а также ряд экспертов в области кадровых технологий.

Данное мероприятие проводилось при поддержке Главы Республики Башкортостан, инициатором выступило Министерство труда и социальной защиты Республики Башкортостан, соорганизаторами — Министерство образования Республики Башкортостан и Министерство

промышленности и инновационной политики Республики Башкортостан, Агентство по печати и СМИ республики, Администрация городского округа г. Уфа, региональная Федерация

профсоюзов. Благотворительную поддержку фестивалю оказала компания «Башнефть».

Башкирский институт социальных технологий презентовал рабочие профессии в сфере ЖКХ, участникам и гостям фестиваля была предоставлена возможность сыграть в интерактивную игру «ЖЭКА». По инициативе Детской общественно-правовой палаты был организован мастер-класс, в ходе которого ребята смогли попробовать себя в роли штукатура-маляра. Кроме того, все желающие смогли пройти тестирование по профориентации, которое позволит им более осознанно подойти к выбору будущей специальности.

В рамках фестиваля состоялся круглый стол «Современные требования к качеству рабочих кадров. Профессиональные стандарты и их внедрение», модератором которого выступил заместитель министра труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан Н. Солодовников.

В работе дискуссионной площадки «World Skills Russia как инструмент оценки квалификаций и компетенций» участвовали эксперты

из Москвы: заместитель руководителя департамента реализации и мониторинга НСКК направления «Молодые профессионалы» Агентства стратегических инициатив Ж. Кадылева и Президент союза «Ворлдскиллс Россия» П. Черных.

Такого рода мероприятия должны проводиться чаще, ведь, как отметила министр образования Республики Башкортостан Г.Р. Шафикова, время «белых воротничков» прошло, будущее республики и страны в целом за теми, кто производит материальные ценности.

CONTENTS

NATIONAL INTERESTS AND ETHNOPOLITICAL PROCESSES UNDER GLOBALIZATION

MANOYLO Andrey Viktorovich,

*Doctor of Political Science, Professor of Politology Department
of Lomonosov Moscow State University*

HYBRID WAR AND COLOUR REVOLUTIONS IN WORLD POLITICS

The article is about the role of hybrid wars and colour revolutions in nowadays world politics. The hybrid wars are regarded as a new form of armed warfare in which the use of the armed force as such is not obligatory any more for defeating the enemy: in hybrid war "the hard power" is used combined with non-combatant methods of battling the enemy like information and psychological war, soft and smart power, economic pressure, isolation and blockade, traditional diplomacy. Colour revolutions are regarded in the article as technologies of staging coup d'état by means of mass civil disobedience escalating into controlled civil riots. It is determined that colour revolutions are not the elements of hybrid wars; these are different, incompatible means of engaging the enemy. However it is the colour revolutions that dismantle political regimes and enable external aggression that evolves into a hybrid war. The author of the article also addresses the modern technologies of controlled chaos which performs a service function in colour revolutions.

Key words: international relations, global politics, diplomacy, conflicts, colour revolutions, hybrid wars, war, information warfare, controlled chaos, national interests, values, security.

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna,

*Doctor of Political Science, Assistant Professor, Director
of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations, Ufa*

CIVIL EDUCATION OF YOUTH AS ONE OF THE MODEL OF SUSTAINABLE WORLD DEVELOPMENT

The article is about the value of human rights in modern society. The author examines the state of the civic education in Russia and abroad, offers the technologies of civic and legal culture development among young people, formation of social responsibility and leadership skills as necessary conditions for cultivation of democracy and civic society.

Key words: civic society, enlightenment, youth, democracy, ideology, moral and spiritual values, human rights,

GAIDUK Vadim Vitalyevich,

*Doctor of Political Science, Candidate of Juridical Sciences,
Professor, Head of the Political Science Chair,
Bashkir State University, Ufa*

POLITICAL IMAGE-MAKING AS A NEW POLITICAL TOOL

The image characteristics presented by the candidates, current politicians and incumbents show their effectiveness and validity under different conditions (positive and negative) of pre-election campaign, the implementation of the strategic situation of the programme and specific political decisions. At the same time the effectiveness of the political leader may depend not only on quantitative and qualitative indicators characterizing the political and administrative actions, but also on the formed image construct concealing the real impact of the politician.

In this article, we follow the main functional features which one can rely on in their study of the political leaders' image positions.

Key words: *political image-making, political leader, incumbent, candidate, PR, communication, influence.*

OLSHEVSKY Valery Georgievich,

*Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor, Professor
of Social Sciences Chair, Military Academy of the Republic of Belarus,
Professor of Russian Academy of Natural History, Minsk*

SOCIAL AND HUMANITARIAN WORLDVIEW: METHODOLOGICAL AND WORLDVIEW ASPECTS OF MILITARY SECTOR AND MILITARY ACTIVITY

The necessity of rethinking of the military sector role in the system of social and humanitarian sciences is established in the article. Based on system view of society the objective causality of the "presence" of the military component in economic, social, political and spiritual life is stated. The following is concluded: the military sector satisfies not only the need for external and partially internal security but also no less important demand for nation's self-respect and the respect by the world community.

Key words: *military sector, social and humanitarian science, economic theory, production and non-production spheres, system of national accounts, ideology of national security.*

KHALANSKY Igor Viktorovich,

*Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor,
Head of the Political Science Chair,
Kyrgyz Russian Slavic University, Bishkek*

THE MAIN ASPECTS OF KYRGYZ AND RUSSIAN RELATIONS AT THE PRESENT STAGE

The article is about the most important aspects of the Kyrgyz and Russian relation development in the second decade of the XXI century.

Key words: *the Kyrgyz Republic, the Russian Federation, Kyrgyz-Russian relations, strategic partnership.*

GOLOVKO Yulia Markovna,

*Candidate of Historical Sciences,
Doctoral Candidate of the National and Federal Relations Chair,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow*

MEANS OF SOCIAL MOBILITY AND THE RECRUITMENT OF YOUTH POLITICAL ELITE

The possibility for the development of the political youth elites and their recruitment includes the possibility of using them as a basis for new administrative layer capable of leading large governmental, public and business structures. Modern society requires the systematic work with young people that is why the government authorities are keen to integrate the systematic work in this field; but there are still the problems that must be solved. One of the main ones is the mistrust towards the youth elites and their actions.

The author of the article is interested in determining the development stages of the such social category as "youth elite" in post-soviet and modern Russia. The prospects of the means of social mobility for young people recruitment for administrative jobs are also examined in the article.

Key words: *youth, youth policy, youth political elites, means of social mobility, personnel policy, leadership, national youth policy, political regionalistics and ethnopolitics.*

SHAYKHUTDINOVA Aigul Airatovna,

*Postgraduate of the Politology, Philosophy and Sociology Chair,
Bashkir Presidential Academy Of Civil Service and Administration, Ufa*

POLITICAL DISCOURSE ON CIVIL SOCIETY: COMMUNICATION AND MODERNIZATION.

Political discourse is meaningful phenomenon in political science that specifies the practical activities. The particularly crucial issue of the civil society subject matter are communicative cooperation and political modernization as these elements reflex the general development of the civil self-management institutions.

The article is about main theoretical concepts supporting the development and functioning of the civil society within the framework of the communicative cooperation and the basics of political modernization of Russia today.

Key words: *civic society, political discourse, political science, social institutions, political modernization, communication impact, political theory.*

BUTCHANIN Anton Mikhailovich,

*Degree Seeking Applicant of the Constitutional Law Chair,
the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow*

FEDERAL STRUCTURE OF RUSSIA AND INTEGRATION OF THE CRIMEA: LEGITIMACY ISSUES

Current state and development trends of the internal Russian federative relations are by far among the most important questions of the day. These issues emerged full blown in 2014 after the establishment of the twenty-second Republic of Crimea and the third city of federal significance — Sevastopol. The integration of two new subjects of the Russian Federation significantly influenced the internal federative framework of the Russian Federation making our country unique in the international legal system. Neither Kosovo nor Abkhazia can be 100% identical to the case. The present article deals with the main constitutional and legal characteristics of the Crimean Peninsula's affiliation to Russia, its integration into Russian legal and constitutional framework and main regulatory and theoretical constructions legitimizing the process. The main stand on the present issue of the international law and community the is also regarded here.

Key words: *federalism, subjects of the Russian Federation, the Republic of Crimea, the city with federal status, Sevastopol, federal state, federal relations, nationalities policy, national security, national interests, inter-ethnic relations, legitimacy, referendum, political regionalistics, ethnopolitics.*

SOCIAL AND ECONOMIC COUNTRY DEVELOPMENT

ZULKARNAY Ildar Uzbekovich,

*Doctor of Economics, Head of the Laboratory of Research
on the Regional Social And Economic Problems,
Bashkir State University, Ufa*

PROBLEMS OF FORESTRY DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN THE CONTEXT OF ALL-RUSSIA PROBLEMS IN THIS INDUSTRY

The article discusses the problems of forestry development in the Republic of Bashkortostan including the issues of added-value wood processing in the context of the problems that exist in the Russian Federation. It is shown that the problems are not specific but systematic and are caused by the drawbacks of legal and institutional environment in the forestry industry. In particular, the lacks of the Forest Code of the Russian Federation and other legislative acts are indicated. Some ways of solving the discussed problems are given.

Key words: *forestry, added-value wood processing, investment project, Forestry Code, lack of legislation.*

LARTSEVA Svetlana Aleksandrovna,

*Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor,
Head of Academic Department of the Bashkir Academy
of State Service And Governance, Ufa*

CONDITIONS OF PERSONAL SUBSIDIARY PLOT FORMATION IN RUSSIA

The article is about the sector of personal subsidiary plots and the historical, economic and legal conditions of their formation and functioning in Russia. It is noted that the personal subsidiary plot employs the particular sphere of rural population's life.

Key words: *personal subsidiary plot, historical and legal conditions of personal subsidiary plot formation, personal subsidiary plot's government support.*

SMOTROVA Inna Aleksandrovna,

*Master's Degree Student of the Higher School of Business,
Southern Federal University, Rostov-on-Don*

RUBAN Dmitry Aleksandrovitch,

*Philosophiae Doctor, Candidate of Geological-Mineralogical Sciences,
Assistant Professor of the Higher School of Business,
Southern Federal University, Philosophiae Doctor, Rostov-on-Don*

TOURISM IMAGE OF THE REPUBLIC OF ADYGEA IN THE E-SPACE AND PERSPECTIVES OF ITS OPTIMIZATION

Modern tourism image of the Republic of Adygea in the e-space has been studied by the content-analysis of the representative set of the web-pages of tourism sphere organizations. It has been established that Adygea is promoted as a mountain region with good hotel sector. This image is incomplete because it does not reflect the full spectrum of tourist resources. The optimization of the image is possible with support of administrative bodies and professional associations of tourism industry workers.

Key words: *Adygea, hotel sector, nature tourism, tourism image, e-resource.*

KALIMULLINA Elsa Ramisovna,

*Candidate of Social Sciences, Assistant Professor
of the Ufa State University of Economics and Service*

ISMAGILOVA Tagira Valinurovna,

*Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor
of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations, Ufa*

REGIONAL FINANCES AND THEIR INFLUENCE ON THE GOVERNMENT SOCIAL POLICY

At the present time the role of the regional finances is increasing due to which the government actively implement the social policy. The author of the article regards the formation of the consistent approach upon implementing the regional policy, the strengthening of the financial self-sufficiency and the elucidation of the investment potential of the subjects of the Russian Federation.

Key words: *financial system, social policy, investment fund, investment projects, income, expenses.*

SHESTAKOVITCH Anna Gennadievna,

*Senior Teacher of the Economics and Management Chair,
Ufa State University of Economics and Service*

ISHMUKHAMETOV Nail Salavatovich,

*Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor
of the General Research Theory of the Regional Social
and Economic Problems Chair, Bashkir State University, Ufa*

PROBLEMS OF INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP AND RUSSIA'S DEPENDENCE ON NATURAL RESOURCES

The article is about the problem of innovative entrepreneurship in connection with the problems of the dependence of Russian economy on natural resources' and ways to overcome it.

Key words: innovation, entrepreneurship, energy resources, intellectual capital.

BEZZUBKO Boris Igorevich,

*Lecturer of the Donbass National Academy
of Civil Engineering and Architectur, Ukraine, Kramatorsk*

CREATING SOCIAL MECHANISMS FOR STRATEGIC PLANNING OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES

The subject of this article is the essence of the social mechanism of the strategic planning of socio-economic development of territories. The aim of the research is to develop ways to improve the social mechanism by means of solving the following problems: raising awareness, strengthening the dialogue between the authorities and the citizens.

Key words: social mechanism, strategic planning, social and economic development.

KOZHINA Tatyana Pavlovna,

*Junior Researcher of the Laboratory for Studies
of the Social Processes and Public Administration Efficiency,
the Institute of Socio-Economic Development of Territories
of Russian Academy of Sciences, Vologda*

NONPROFIT ORGANIZATIONS IN A RUSSIAN REGION (USING THE EXAMPLE OF THE VOLOGDA REGION)

The author of the article examines the non-profit organizations of the Vologda region and the dynamics of the population's attitude towards them in the first half of 2010-ies. The particularities of institutional trust in the world, country and the region are noted; the reasons for low trust in public institutions are highlighted. The socially active groups of the population are pointed out. The necessity of the increase of the government support of the socially oriented NPOs is substantiated in connection with the problems they face in their activities.

Key words: socially orientated non-profit organizations (NPOs), non-governmental organizations, institutional trust, authorities, social activism.

ALMIKHAMETOVA Aigul Rashitovna,

Postgraduate of Bashkir State University, Ufa

INTERNAL LABOUR MIGRATION AS INSTRUMENT OF LABOUR FORCE MOBILITY DEVELOPMENT

The author of the article examines the issues of the labour force mobility development via internal migration. The areal labour mobility of the people living in the Extreme North of Russia is under analysis.

Key words: Labour force, labour mobility, labour migration, labour market.

THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION: FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE

VELTS Rakhil Yakovlevna,

*Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Head of the Chair
of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations, Ufa*

CULTURE OF COMMUNICATION AS AN INSTRUMENT OF SOCIALIZATION AND PROFESSIONAL PERSONALITY DEVELOPMENT

The article covers the communicative personal qualities and their influence on personal and career advancement. The author analyses the state of the oral communication culture in modern society corroborating their conclusions with the opinion poll findings conducted among young people. The author also lists the linguistic and communicative competence necessary to young professional.

Key words: culture, language behaviour, communication, communication skills, competence, socialization, professionalism.

ISLAKAEVA Guzel Razimovna,

*Candidate of Economic Sciences, Research Employee
of the Research Laboratory of Regional Social and Economic Problems
Bashkir State University, Ufa*

THE ISSUES OF THE PERSONNEL TRAINING FOR THE HIGHER EDUCATION IN RUSSIAN FOREST MANAGEMENT

The article is about the issues of the personnel training for the higher education in Russian forest management. The personnel training in Forest Management has been analysed in order to identify the capacity of the workforce necessary for the development of the woodworking industry in Russia. Besides, the level of the labour force supply in this field has been considered. It was uncovered that the personnel training in the Forest Management Education of Russia is provided primary for the timber trade, not for the woodworking industry. There are few educational centres in Russia. They are specialised in personnel training for the Forestry Department that leads to reducing the possibilities for the development of science and training quality. The measures for the salvation of the above described problem are proposed.

Key words: higher education, institutions of higher education, forest management, woodworking, forest resources, region, highly-qualified personnel, educational programmes, Federal State Educational Standards.

AKHMETOVA Zamfira Mullakhanovna,

*Senior Teacher of the Economics, Informatics and Audit Chair
of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations, Ufa*

BYSTROV Aleksandr Ilyich,

*Candidate of Technical Sciences,
Assistant Professor of the Economics, Informatics and Audit Chair
of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations, Ufa*

ROMANKO Vladimir Georgievich,

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Assistant Professor of the Information Technologies Chair
of the Ufa Institute (branch) of Plekhanov Russian University
of Economics*

THREE-LEVEL TESTING METHOD

The article describes the algorithm and the programme of the three-level testing. The author talks about the application of the programme in more extensive assessment of students' knowledge in accordance with three levels: expertise, knowledge and skills. The example of the three-level testing in mathematics is given. The results are analysed and the recommendations for application of the method in other disciplines are given.

Key words: Multilayer testing, algorithm, programme, testing procedure, competencies, knowledge evaluation.

IDEOLOGIES AND POLITICAL INSTRUMENTARIUM

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna,

*Doctor of Historical Science, Professor,
Professor the Sociology and Management Chair,
the Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI)*

STUDY OF GEOPOLITICS BY THE METHODS OF GENEALOGY

With different approaches to the establishment of international relations the first approach is still the one that takes into account the name and origin of the partner. The breadth of scientific opportunities of anthroponimics allows us to use its materials and findings for the analysis of the individuals and clans' roles in providing the geopolitical interests of their countries.

Key words: geopolitics, genealogy, anthroponimics, surname, personal name.

SOYEGOV Muradgeldi,

*Doctor of Political Science, Professor,
Member of the Academy of Sciences of Turkmenistan,
Senior Research Employee of the National Institute of Manuscripts
of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat*

ON "PUBLIC ISLAM" DEVELOPED AMONG TURKMEN IN THE EARLY MIDDLE AGES UNDER THE INFLUENCE OF ANCIENT TENGRISM AND ITS MODERN STATE

Using the example of the Turkmen language and folklore it is attempted to present a new view on the formation of a so-called «national Islam» which differs from the orthodox Islam in a lot of parameters. According to the author, these differences reflect those traces and influences of ancient tengrism which have remained till now in Islam spread among the Turkmen.

Key words: primary religion, Islam acceptance, preservation of ancient traditions.

SULEYMANOV Timur Fuatovich,

*Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor
of the Social, Humanitarian and Economic Disciplines Chair,
Ufa Transport Institution (branch) of the Samara State Water Transport University*

KASHAPOV Ural Abubakirovich,

*Candidate of Historical Sciences, Senior Teacher of the Physical Education,
Health and Safety Faculty, Ufa State Academy of Arts
named after Zagir Ismagilov*

ABDRAFIKOVA Larisa Viacheslavovna,

*Higher Category Teacher of History and Social Studies,
Secondary General School № 27, Ufa*

ANARCHISM AND CONVENTIONALISM (Part II)

The article deals with the main ideas and views of theorists of anarchism as a political doctrine, including new forms of the social organization based on the social contract and consent, i. e. conventional right.

Key words: *anarchism, anarchy, violence, state, right, property, power, etatism, conventionalism, justice, freedom.*

BRESLER Mikhail Grigorievich,

*Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor
of the Commerce and Entrepreneurship Chair,
Bashkir State University, Ufa*

TRANSFORMATION OF THE SOCIAL AND POLITICAL COMMUNICATION IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALISYS

The transition over to the new stage of the civilization development — the information-oriented society is characterized with transformation of the social space, institutions and social organization, transformation of the interpersonal and intergroup communication. Regarding the information as a lead resource characteristic to information-oriented society changes the structure of the communication relations and leads to the conjoining of mass and network communication. In addition, such strategy as "propaganda" becomes of high importance under the conditions of a permanent crisis of the information-oriented society. The classical strategy undergoes certain changes under current conditions. New methods of creating and distributing a message in mass and social media appear. It is also essential to predict the message perception by various civil communities depending on their values. The article contains the methods of message creating and distributing within the strategy of "propaganda" developed on the basis of the author's personal experience analysis as well as the analysis of the mass media and social media information.

Key words: *information-oriented society, social networking website, propaganda, social media, simulacrum, crisis, online community.*

ANGELI Sofia Sergeevna,

*Director of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations, Ufa,
Postgraduate of the 3rd year, Bashkir State University, Ufa*

THE BASIS OF BRAND NAMING IN MODERN MARKETING

The article is about the analysis of brand naming from the point of linguistic philosophy and philosophy of name. The connections between the notions of name and symbol from the perspective of marketing and philosophy are indicated.

Key words: *brand naming, branding, the philosophy of name, symbol, image, marketing, language.*

АВТОРАМ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

В «Вестнике БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» публикуются научные исследования по следующим направлениям:

- экономика;
- юриспруденция;
- регионалистика и этнополитика;
- общественные науки.

Журнал издается раз в квартал. Срок предоставления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать журнал ярким и интересным.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТИК БИСТ (БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»

1. Материалы представляются в редакцию журнала в электронном виде и на бумажном носителе (1 экз.), которые должны быть идентичны. Бумажный вариант не должен содержать рукописных вставок и подписывается на последнем листе всеми авторами. Для тех, кто направляет статью по e-mail: **vestnikBIST@mail.ru**, подпись (авторучкой) сканируется в черно-белом режиме и вставляется в конец документа.

2. Работы аспирантов и соискателей должны сопровождаться отзывом научного руководителя и выпиской с заседания кафедры с рекомендацией.

3. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически. **Внимание!** Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине;
- сноски концевые;
- нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-й страницы. **Внимание!** Не используйте колонтитулы для нумерации страниц.

4. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

5. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. **Внимание!** Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

6. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

7. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

8. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

9. Список используемых в статье источников оформляется в конце статьи в строгом алфавитном порядке (авторов или заглавий). Отдельно выстраивается алфавитный ряд на кириллице (русский язык, болгарский и т. п.) и ряд на языках с латинским написанием букв (английский, французский, немецкий и т. п.).

10. Отсылка к списку используемых в статье источников в тексте статьи заключается в квадратные скобки.

11. К материалу прилагается следующая информация **на русском и английском языках:**

- Заголовок статьи.
- Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы и занимаемая должность, электронный адрес.
- Аннотация текста публикуемого материала (не более четырех предложений). В аннотации указываются предмет, объект исследования; цель и задачи исследования; краткие выводы.
- Ключевые слова (не более семи речевых единиц).

12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

13. Плата за публикацию с авторов не взимается.

14. Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

15. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

16. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

17. Для своевременной подготовки журнала необходимо заполнить и предоставить в редакцию на отдельном бумажном носителе и в электронном виде **регистрационную карту** по следующей форме:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, занимаемая должность (с указанием кафедры, отдела, лаборатории)	
Ученая степень, ученое звание (при наличии)	
Полное название статьи	
Отрасль научной статьи	
Эл. почта (обязательно)	
Контактный телефон (обязательно)	
Адрес (с указанием почтового индекса; обязательно)	

К сведениям об авторе обязательно прилагается в электронном виде цветная фотография размером не менее 5х6 см, отсканированная с разрешением 300 dpi и сохраненная в формате *.jpg или *.tif.

Информация об авторе (-ах) **обязательна** для заполнения. При отсутствии сведений об авторах статьи не рассматриваются.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Общественные науки». 2015. № 4 (29)

Компьютерная верстка *А.Г. Бурмистровой*
Техническое редактирование: *Т.Е. Бочарова*

Материалы публикуются в авторской редакции

Сдано в набор 16.11.2015. Подписано в печать 04.12.2015.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 19,76. Уч.-изд. л. 20,08.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 500 экз. Заказ 140

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Адрес редакции:
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2;
БИСТ (ф-л) ОУП ВО «АТИСО»;
тел. +7 (347) 248-43-01
www.vestnik-bist.ru
e-mail: vestnikbist@mail.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
450059, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 27, корп. 2, оф. 21
www.proprint02.ru